

СУРА

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

6 (160)

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

*Столкнувшись с трудностями, нельзя сдаваться, бежать.
Вы должны оценивать ситуацию, искать решения и верить в то,
что всё делается к лучшему. Терпение – вот ключ к победе.*

Ник Вуйчич

В НОМЕРЕ:

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Елена БАРИНОВА. Впадая в любовную ересь. Стихи	3
Владимир ШИГИН. Штормовой предел. Офицерский роман	7
Анна КОРЖАВИНА. Так хочется тепла. Стихи	54
Молодая проза Заречного	59
Ефим БЕРШИН. Воскреси! Стихи	76
Михаил ФЁДОРОВ. Кадеты. Повесть. Окончание	79
Андрей ШАЦКОВ. Снегириныные сполохи. Стихи	129
Валериан МАРКАРОВ. Миллион алых роз. Фрагмент романа «Легенда о Пиросмани»	136
Карина СЕЙДАМЕТОВА. Вольница-воля, степная бессонница. Стихи	159
Николай ЗИНОВЬЕВ. Во мне мелодия звучала. Стихи	170

ПАМЯТЬ

Николай ИНЮШКИН. Музыкальный просветитель. О жизненном и творческом пути Ф.П. Вазерского	178
---	-----

ПЕНЗА ЛИТЕРАТУРНАЯ

Лариса КОСТАКОВА. Три юбилея	185
Ирина КОРЖЕНКО. О документальном архиве К.С. Бадигина. К 110-летию со дня рождения писателя	189
Елена ЛОБАНКИНА. С именем Белинского. К 125-летию со дня основания старейшей читальни Пензы	197

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Эдуард АНАШКИН. «Вышел и бросил стихи на дорогу...» О новой книге Евгения Семичева	201
Любовь МОСКОВЕНКО. О добром — честно. По прочтении новой книги Эдуарда Анашкина	205

ДЕБЮТ

Дарья ВЕРЯСОВА. А в небе летит Гагарин. Стихи	210
---	-----

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

Михаил КИРИЛЛОВ. Поймай мне майского жука. Стихи	213
Об авторах	218

Елена БАРИНОВА

**ВПАДАЯ
В ЛЮБОВНУЮ
ЕРЕСЬ**

Стихи

* * *

Из их рук ничего не бери
и старайся держаться дальше.
Ты поймёшь, когда станешь старше,
то, что я тебе говорил.
Будет голод. И будет хлеб
в их руках. Только лучше умри.
Ведь посадит тебя на цепь
тот, который тебя прикормил.

* * *

— Ничего, — говорит, — как-нибудь
дотерпеть до мая, а там
вновь из города прочь рвануть
на свиданье к цветущим садам.
— Ничего, — говорит, — не дрейфь,
хватит на зиму нам чудес.
И понять не поймёшь, то ль эльф,
то ли ангел он, то ли бес.
— Ничего, — говорит, ставя чай...
Колдовская летняя смесь —
мёд и травы странно горчат,
словно собраны где-то не здесь.
Своё сердце кладёт в мой стакан:
— Поболит, — говорит, — да пройдёт.

Жалко, что ли? Наверняка
завтра новое отрастет.
— Ничего, — говорит, — ничего.
Согревайся, да не робей.
Ничего здесь нет твоего
среди этих стен да цепей.
— Доживем, — говорит, — до весны,
а потом — к худу или к добру? —
нам дорогу укажут сны.
Я тебя с собой заберу.
Мир пустым стаканом из рук...
Ну куда ж теперь без сумы?
Всё больнее и громче стук
сердца, данного мне взаймы.

* * *

Впадая в любовную ересь,
несу несусветную чушь
мимо соседской двери,
деревьев, прохожих, луж,
фермы колхозной, где сивой
кобылы белеет скелет...
Иду я, безмерно красивый,
любви источая свет,
фабрики брошенной мимо,
где ржавчина ест фрезу...
Навстречу идут пилигримы
и что-то своё несут.

* * *

Послушай, не знаю, что будет со мною.
Я просто смотрю на опавшие листья
и чувствую: холод уже за спиною
мне дышит в затылок, подкравшись по-лисий.
И все тяжелее хандра и усталость,
И выстудил сердце полуночный ветер.
И все, что осталось — последняя радость —
смотреть, как на санках катаются дети.
Стоять и смотреть всей душой нараспашку
на этих бездельников и остолопов,
себя узнавая в смешном первоклашке,
бегущем на спор босиком среди сугробов.

* * *

Сон ли снился такой:
потерявши и ласты, и маску,
я плыла под водой,
маслянистой, зеленой и вязкой,
забывая дышать
от надежды, что вырастут жабры,
рассмешив лягушат
своим плаванием глупым и храбрым,
распугав пескарей
своей тенью огромной и страшной.
Дальним ревом морей
опьяненная, клеточкой каждой
ощущая вокруг
растворенную нежность касаний
чьих-то губ, чьих-то рук,
чьих-то слов, растворенных в молчании.
Сон ли снился такой?
Я стою, задыхаясь от плача:
на волне голубой
мой веселый качается мячик...

* * *

Дай, друг, мне скорей ладонь —
иначе с ума сойду.
Что видел и видит огонь?
Одну темноту.
Он вспылчив, неровен и слаб
в ночи у земли на груди.
Рукой, а не стеклами ламп
ты его защити.
Нас истины сводят с ума...
Друг, дай мне скорее ладонь!
Что видит кромешная тьма?
Да, конечно, огонь!
Руками, а не стеклом
храним, он горит на ветру.
И тьма ощущает тепло.
А огонь — духоту.

* * *

Вечность вздыхает: одно и то же...
крутит со скуки стрелки часов,

корчит из зеркала жуткие рожи,
слушая гул голосов.
Все ей понятно, привычно, знакомо,
как повторяющийся сюжет.
Мальчик играет в луже у дома.
Мальчику восемь лет.
Мальчик играет, не замечая
вечности, что у него за спиной.
Мальчику снятся и снятся ночами
снежное поле и конь вороной,
море, шторма и зарытые клады,
солнце, горящее в луже огнём.
Мальчик упорно не чувствует взгляда
вечности, что прорастает в нём.
Мокрый, веселый, от жизни пьяный,
не оборачивайся назад!
Этой Горгоны тебе ещё рано
видеть завистливые глаза.

* * *

Уж они-то точно молчать не будут:
Караванщик пьян и худы верблюды!
Все не слава богу, парень, все худо!
Все припомнят и ничего не забудут.
Все припомнят, поскольку доподлинно знают,
что, кому и как делать было бы лучше,
и поэтому встретят не караваем...
и проводят взглядом злым и колючим.
Но когда ты шагал, от усталости пьяный,
и верблюды дохли твои, точно мухи,
протирали они мягким местом диваны,
и болтали, и пили, зевая от скуки.
Так что ты не тащи этот хлам в свою память,
лаем сердца усталого не бери.
Помни, парень: моськам положено лаять,
а каравану — должно идти.

Владимир ШИГИН

ШТОРМОВОЙ ПРЕДЕЛ

Офицерский роман

15 мая 1905 года — одна из самых горьких и трагических дат в истории российского флота: в тот день у скал Цусимы были разгромлены японцами 2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры, олицетворявшие военно-морскую мощь России. Там, в кровавой круговерти сражения, как никогда, проверялись мужество и долг, отвага и честь. Среди тех, кто обессмертил свое имя, был и капитан 1 ранга Владимир Николаевич Миклуха — командир броненосца «Адмирал Ушаков». Цусимский бой стал для него, как и для многих тысяч других русских моряков, последним. Командир «Адмирала Ушакова» предпочел смерть позору плена. На флагах его гибнущего корабля до самой последней минуты развевался флажный сигнал «Погибаю, но не сдаюсь»...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПЕРВЫЙ ШАГ К МОРЮ

Дождливый осенним днем 1868 года вдова отставного инженер-капитана Екатерина Семеновна Миклуха везла сына в Морское училище. Владимир (так звали мальчика) с малолетства мечтал стать моряком, и, не устояв перед натиском сына, мать разрешила сдавать ему экзамены в Морское училище. Так как влиятельных друзей или выгодных знакомств в Санкт-Петербурге не было, рассчитывать Владимиру нужно было только на себя.

Финляндский пароходик по Неве быстро домчал до Васильевского острова к пристани против Морского училища. Мать с сыном вышли на набережную. Огромное здание Морского училища выходило на набережную, между 11-й и 12-й линиями Васильевского острова, и тянулось

еще далеко по этим линиям. Войдя в подъезд парадного входа, мать с сыном поднялись по широкой лестнице и вошли в классный коридор с бесконечным числом дверей. В приемной сдали документы и получили расписание экзаменов.

Вокруг сновали другие родители со своими отпрысками, шумели и толкались.

Через день начались собственно и сами экзамены. Волновался Владимир ужасно, чувствовал, что познания его в науках не слишком обширны и тверды, а между тем требования для поступления в Морское училище были серьезные. Следовало знать все предметы в объеме трех классов кадетских корпусов, а по математике — четырех классов классической гимназии. Кроме того, экзамен был конкурсный. Первым делом всех экзаменовали письменно, по русскому языку и математике. Все было обставлено торжественно. Среди громадного зала стояли ряды парт — длинных столов. Впереди них кафедра преподавателя, а кругом стулья и кресла для родителей и родственников экзаменующихся.

Сотню мальчиков рассадили по алфавиту по партам. На кафедру поднялся преподаватель русского языка в виц-мундире учебного ведомства и после краткого пояснения, где написать свою фамилию, номер парты, начал диктовку. После диктовки прочел отрывок рассказа по Лермонтову «Белла» для изложения его своими словами. Время пролетело быстро, и Владимир даже не заметил, как диктовку окончили.

Затем дали короткий перерыв, и начался экзамен по арифметике и алгебре. Всех разбили на две смены и раздали задачи. Задачи были нетрудные, но от волнения Миклухе было тяжело собраться с мыслями, и цифры путались. Тройное правило, пропорции, корни квадратные, уравнения с одним и двумя неизвестными — все это угрожало перепутаться и положительно выйти из повиновения. При этом решать задачи он закончил одним из первых и, хотя чувствовал, что решил не совсем правильно, перерешивать побоялся, чтобы не вышло еще хуже.

На этом первый день экзаменов закончился. После экзаменов мальчики повеселели и оживленно делились между собой впечатлениями, сверяли ответы и утешались, что авось до удовлетворительного балла дотянут. Другие сидели пригорюнившись, так как уже понимали, что провалились.

Около Миклухи оказались сразу два мальчика. Познакомились. Один Коля Суханов, второй — Коля Юнг, третий — Петя Серебренников.

— Давай держаться вместе! — предложил Суханов. — Вместе-то повеселее!

— К тому же если поступим, то и драться сподручней с другими! — добавил Серебренников.

В том, что драться обязательно придется, почему-то никто не сомневался.

— Эх, кабы еще поступить! — резюмировал Миклуха.

Все трое сразу погрустнели, т.к. главные трудности были еще впереди.

Последующие экзамены проходили в более скромной обстановке — в классах. Однако, несмотря на пробелы в подготовке, экзамены прошли благополучно. Наконец был сдан последний экзамен, после чего объявили отметки. По набранным баллам Миклуха в училище прошел, поэтому передать его ликование просто невозможно. Как оказалось, необходимое количество баллов набрали и все трое его знакомцев — Суханов, Юнг и Серебренников. От этого было радостно вдвойне.

— Теперь уж точно надо держаться вместе, мы же теперь кадеты! — протянул вперед руку Юнг. — Помните, как у мушкетеров: «Один за всех и все за одного!».

Миклуха от слов таких даже зажмурился. Еще бы, теперь он не просто мальчик, а кадет 4-й роты Морского училища!

Суханов, Серебренников и Миклуха соединили свои руки, повторив вслед за Юнгом:

— Один за всех и все за одного!

После экзаменов еще пару недель будущие кадеты провели дома, т.к. учебный год в Морском училище начинался в середине сентября. После торжественного молебна в Столовом зале директор Морского училища капитан 1 ранга Епанчин поздоровался с ротами воспитанников и отдельно приветствовал разношерстную толпу новичков.

После роспуска строя новички почувствовали себя свободно, даже начали острить по поводу немного кривых ног одного дежурного офицера, прозвав его «циркулем».

Затем маленьких кадет выстраивали во фронт по ранжиру и распределяли номера коек, шкафов, конторок и т. д. Как только все это кончилось, начались шум, беготня, а кое-где и драки.

Так, в коридоре на Петю Серебренникова неожиданно налетел кадет старшей роты:

— Ты почему, тина подкильная, старшим дорогу не уступаешь!

И сразу кулаком в грудь. От неожиданности Серебренников едва не упал. Но не успел он сообразить о сдаче, как на нахального старшекласника налетел Миклуха. Двух точных ударов хватило, чтобы задира отступил.

— Ну ладно, еще посчитаемся! — крикнул он своим обидчикам. — Так каждый может, двое на одного!

— Нас не двое, а трое! — поправил его подбежавший Суханов.

— Четверо! — кричал, подбегая, запыхавшийся Юнг.

После этого старший кадет не стал продолжать дискуссию и ретировался.

— Теперь он нас будет вылавливать поодиночке! — вздохнул Серебренников.

— Пусть только попробует! Живо рога обломаем! — разошелся почувствовавший вкус первой победы Миклуха. — Будем стоять один за другого, нипочем не отловит! Мы же все за одного!

В детстве Миклуха был очень драчлив, не спускал обид мальчикам старше себя и часто приходил домой сам избитый и изодранный. Не раз будет драться он потом и в училище, причем не столько за себя, сколько отстаивая более слабых.

Для классных занятий новеньких разделили на пять отделений. Здесь мальчишкам снова повезло. Все трое попали в одно отделение, чему, разумеется, были очень рады. Затем настало время на переодевание новичков, пригонку шинелей, брюк, голландок, фуражек... Но шинели, как и голландки, выдали пока без погон, а фуражки — без кокард и ленточек, так что кадеты напоминали арестантов, чему внешне потешались, хотя в душе каждому было все же обидно. В таком виде новичкам предстояло ходить до училищного праздника, который был 6 ноября. С этого момента началось усиленное обучение отданию чести — проходя и становясь во фронт. Для этого были приглашены унтер-офицеры лейб-гвардии Финляндского полка, которые усердно обучали малышей военной выправке.

Как обычно принято в мальчишеской среде, вскоре все кадеты обрели свои клички. Полный и неторопливый Ленья Добротворский стал Слоном, подвижный и нервный Коля Суханов — Егозой, Юнга за остзейское происхождение окрестили Бароном, а Серебренникова — Гусем, за важный и величественный вид, который он любил себе придавать. Что касается Миклухи, то за огненный цвет волос друзья звали его просто Рыжим.

При всей своей начитанности у Миклухи был серьезный недостаток — чрезвычайная вспыльчивость. Бывало, вспыхнет, наговорит все, что думает, прямо в лицо, а потом остынет и мучается тем, что зря обидел. При этом Владимир был отходчив, незлопамятен. Друзья так и говорили:

— Наш Рыжий что спичка: вспыхнет на мгновение ярким пламенем, а потом дымит и кается!

Разумеется, излишняя горячность не раз играла Миклухе плохую службу и в училище, и в дальнейшем во все годы службы. Но что поделать: характер не переделать! Хорошо, когда начальники и окружающие понимали эту особенность характера Миклухи, хуже было, когда не понимали...

В овеванном традициями и историей училище Миклуху поражало многое. Прежде всего, величественным было само здание, с огромной столовой и просторными светлыми ротными помещениями.

А чего стоили картины морских сражений в картинной галерее, знаменитый бриг «Наварин» в столовой и зеркальное окно, выложенное мрамором... Маленькие кадеты, как губки, впитывали традиции старого Морского корпуса, его легенды и предания. Об этом сразу же позаботились их старшие товарищи. Вскоре каждый из первокурсников уже знал наизусть знаменитую «Золотую книгу», увековечивающую традиции корпуса:

Прислала нам царица
На праздник сто гусей,

С тех пор в роду традиция
Хранит обычай сей!

Речь в «Золотой книге» шла о щедром подарке царицы Анны Иоанновны Морскому корпусу. С тех пор каждый год, в честь корпусного праздника в день Павла Исповедника, 6 ноября, в меню неизменно входил жареный гусь.

Просветили старшие младших и насчет самых страшных легенд: что по ночам в училище блуждает тень некой «белой дамы», суля тем, кто ее видел, беду и несчастье, а также о замурованном гардемарине, который еще во времена декабристов предал товарищей, после чего бесследно исчез и был найден только много лет спустя во время ремонта в виде истлевшего скелета в стене Компасного зала. Согласно другому варианту легенды, предавший друзей гардемарин в ту же ночь покончил с собой, и, по преданию, его призрак ежегодно накануне 6 ноября бродил по чердаку над Столовым залом. Столовый зал поражал своей величиной. Потолок в нем держался на мощных якорных цепях, прикрепленных к стенам. В лепнине Столового зала доминировал герб Морского корпуса: чёрный двуглавый орел с распростёртыми крыльями. На головах орла — короны, на груди — красный щит с золотой шпагой, а под шпагой — крестообразно — золотые руль и градшток. Вокруг щита — голубая лента, высочайше пожалованная. Лапами же орёл держится за якоря.

Особенно нравились Миклухе длинные коридоры, по которым приходилось много раз в сутки нестись в классы. Самым длинным и прямым был классный коридор, пересеченный посередине совершенно круглым Компасным залом. Пол этого зала представляет картушку компаса с нанесенными румбами и замечателен тем, что, когда кадет выгоняли из классов за плохое поведение, их ставили на эти румбы до окончания данного урока. Легендами был овейн и Звериный коридор, на стенах которого висели деревянные кормовые украшения кораблей с изображением зверей. Особой любовью у кадет пользовалась фигура зубра. Существовало поверье: если, идя на экзамен, дотронешься до его яичек, тебя ждет удача.

Что касается мамы, то она, как все мамы, больше всего переживала, сыт ли ее отпрыск. Но кормили в училище преотлично. Каждый день кадеты получали к завтраку или обеду рубленые котлеты или зажаренное кусками мясо и на третье блюдо — вкусные пирожные, нередко служившие предметом мены или расплаты за какие-нибудь услуги. Сервировка была вообще особенная: накрахмаленные скатерти и салфетки, серебряные вилки и ножи. Даже квас подавался в больших серебряных кубках по одному на каждый конец стола.

Уроки начинались в 8 с четвертью утра, и потому будили около семи. Утреннее вставание было самым неприятным моментом: в спальнях еще только затапливали печи, зимой было совершенно темно, когда раздавались резкие звуки горна, игравшего «побудку». Через пять минут появлял-

ся уже дежурный офицер, а за ним дежурный унтер-офицер и фельдфебель роты. В первый раз, обходя спальни, они только покрикивали. Особенно ленивые делали вид, что встают, но, как только должностные лица проходили, они опять заваливались. Через десять минут начинался второй обход, и тут уже спящим приходилось хуже — с них сдергивали одеяла; а кто и после этого оставался на кроватях, тех записывали и наказывали. Затем начиналась гимнастика, а без четверти восемь шли пить чай с французской булкой. Ровно в восемь возвращались в роты и отправлялись по классам. Миклуха, будучи живым и подвижным, в непривычной для него среде освоился довольно быстро и уже через месяц-другой стал заводилой во многих шалостях. Рыжие вихры его мелькали то тут, то там. Шалости и проказы, однако, не мешали Миклухе хорошо учиться и держать первенство по многим предметам. По принятому в кадетской среде обычаю каждый имел прозвище. Миклуху прозвали Рыжим за цвет волос, буйный нрав и родословную, берущую свои корни в стане запорожских рыцарей.

* * *

Основателем рода Миклухи считали прапрадеда Владимира — казачьего сотника Степана Миклуху. Но родословную свою знали и далее. Согласно семейным легендам, прадедом Степана был некий Охрим Макуха — куренной атаман запорожцев и сподвижник Богдана Хмельницкого. Именно на основе преданий о нем Гоголь создал образ Тараса Бульбы. В своей повести писатель использовал слова, которые Миклухи передавали из поколения в поколение. Когда Охрим собственноручно казнил своего среднего сына за предательство и смерть младшего, он якобы действительно сказал: «Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек».

Легендарный Охрим был гордостью рода Миклух. Еще до гимназии юный Маклай вместе с младшей сестрой Ольгой создали два небольших альбома иллюстраций к произведениям Гоголя. Младший брат Володя рисовал только море и корабли...

Еще одной легендой рода был Степан Макуха, отличившийся в штурме турецкой крепости Очаков в 1788 году. За храбрость в бою был он пожалован в дворянство самим князем Потемкиным.

Получив дворянство, Степан изменил фамилию Макуха на более благозвучную — Миклуха.

О происхождении второй составляющей фамилии — Маклай — в точности неизвестно. По одной из легенд, она принадлежала еще одному легендарному прашуру с шотландскими корнями, согласно другой версии (более прозаической), она произошла от прозвища Махлай, которое носил в юности все тот же Степан Макуха. Так его прозвали за характерную внешность. «Махлай» означает: «вислоухий» или, по другой версии, «недотепа». Также

высказывается предположение, что семейное прозвище Махлай может быть видоизмененной формой слова «малахай» (треух, шапка-ушанка).

Что касается отца нашего героя, то в юные годы Николай Ильич (сын участника войны 1812 года) остался сиротой, поэтому во время учебы в Нежинском лицее ему приходилось зарабатывать на еду частными уроками. Лицей он окончил с отличием и мечтал получить высшее техническое образование. Для этого нужно было ехать в Петербург, но денег на дорогу не было, и он пошел пешком. В Петербурге ему повезло: его, голодного, грязного, без копейки в кармане, встретил на улице известный писатель Алексей Константинович Толстой, который в детстве жил в Нежине, и ему были хорошо знакомы вышитая сорочка и картуз Нежинского лицея. Он помог парню поступить в Институт корпуса инженеров путей сообщения, снял для него квартиру. Позже Алексей Толстой познакомил отца Маклая с Некрасовым и Герценом. Николай Ильич сделал хорошую карьеру, дослужившись до директора Николаевского (ныне Московского) вокзала в Петербурге. Но погорел на благотворительности, отправив некую сумму ссыльному Тарасу Шевченко, что было строжайше запрещено. Поступок директора вокзала был сочтен за демарш, после чего Николай Ильич был снят с должности и отправлен в отставку. Там он захандрил и вскорости умер.

Перед смертью отец подозвал к себе пятерых детей и каждому дал последнее напутствие. Что касается Владимира, ему Николай Ильич сказал так:

— Коль решаешься стать защитником отечества, надобно постоянно помнить, что честь превыше всего. Пускай оружие в твоих руках служит доблести и славе, остальное — приложится.

В жилах матери — Екатерины Семеновны Беккер — текла кровь поляков и немцев. Ее отец приехал в Россию воевать с ненавистным ему Наполеоном, да так и остался работать хирургом. Екатерина Семеновна окончила музыкальную школу и готовилась стать пианисткой, занималась также музыкальной композицией, хорошо рисовала портреты углем и пейзажи акварелью. Музыка и живопись любил и Николай Ильич. У него особенно хорошо получались пейзажи маслом.

У Екатерины Семеновны и Николая Ильича, как мы уже говорили, было пятеро детей. Музыкой, живописью и литературой увлекались в семье все, кроме старшего брата Сергея, который с десяти лет целиком посвятил себя изучению юридических наук.

Каждую субботу родители устраивали семейные литературно-музыкальные вечера. Все по очереди читали стихи в инструментальном сопровождении Екатерины Семеновны — она сама подбирала мелодию и аккомпанировала на фортепиано. В репертуаре были Гете, Мицкевич, Шевченко, Некрасов, Лермонтов, Пушкин и, конечно же, Алексей Толстой. Особенно замечательно Николай Ильич читал «Мцыри» Лермонтова, «Гайдамаков» и «Кавказ» Шевченко.

Мать кормила детей тем, что перечерчивала географические карты. По этой причине в доме Миклух материками и океанами, дальними странами и морями можно было только любоваться, трогать карты детям Екатеринина Семеновна не разрешала, чтобы не порвали. Именно глядя на эти бесчисленные карты, впервые начал мечтать о реальных путешествиях в неизведанные страны старший из сыновей — Николай, а вслед за ним благодаря картам определили свое будущее и младшие. Владимир влюбился в океаны, а Михаил — в горы. К чести Екатерины Семеновны, она сделала все возможное, чтобы, несмотря на трудности, выучить своих детей в казенных гимназиях, а затем в университетах и институтах.

* * *

Кроме дежурных офицеров для присмотра за младшими кадетами из гардемаринской роты был назначен фельдфебель Федор Дубасов и несколько унтер-офицеров. Дубасов был фельдфебелем взыскательным и строгим, но справедливым.

Кадеты, как и все мальчишки, любили проделки. Впрочем, кадеты младшей, 4-й роты вели себя тихо. Их время озоровать еще не пришло, пока они только впитывали то, что делали старшие, восторгаясь их изобретательностью и смелостью.

Излюбленным местом кадетских бенефисов была столовая. Там кадеты и гардемарины собирались четыре раза в день (для утреннего и вечернего чая, завтрака и обеда), поэтому спектакли были в столовой наиболее эффектными и в них могло участвовать сразу несколько рот. Так, кадеты иногда сговаривались между собой, и когда их ставили во фронт и командовали: «Такая-то рота направо шагом марш», то, вместо того чтобы спокойно идти шагом, роты начинали постепенно убыстрять шаг, переходя в бег. Дежурные офицеры при этом попадали в глупое положение, не зная, бежать ли им вдогонку или остановить роту криком, а тем временем роты уже скрывались в коридорной дали. Порой сговаривались во время ходьбы стучать в такт каблуками, и это создавало страшный шум; то вся рота разом демонстративно расстегивала воротники голландок, что строго запрещалось. Зачинщиками бенефисов чаще всего были старшие гардемарины, которые развлекались таким образом. Даже строгий гардемарин Дубасов смотрел на такие проказы снисходительно, ибо сам через все это не так давно прошел.

Помимо общих занятий кадеты посещали особые занятия по артиллерии — на учебной батарее, по судостроению — на разборных моделях, по навигации — на специальной учебной платформе, по морской практике — на модели брига «Наварин». Кроме этого для воспитанников проводились дополнительные внеклассные практические занятия и лекции по современной нарезной и скорострельной артиллерии, по эксплуатации и устройству круглых судов («поповок»), по морской географии и военной статистике, по совершенствованию знаний иностранных языков. За ус-

пехи в освоении иностранных языков воспитанники поощрялись ценными подарками — прекрасными изданиями иностранных книг.

Проводились регулярные занятия по музыке и танцам, которые преподавал не кто-нибудь, а один из придворных балетмейстеров. Время пролетало стремительно: только вроде бы был подъем, а уже и день кончился.

Среди преподавателей было еще немало старых парусников, которые с презрением относились ко всем последним техническим флотским новшествам, пренебрежительно обзывая паровые суда самоварами и утюгами.

О молодых морских офицерах они также отзывались критически:

— Тоже, командиры! Входят в гавань на буксирах! А мы, бывало, обстенив паруса, на трехдечном корабле задним ходом влетали в кронштадтскую гавань!

А то, позабыв об учебном плане, предавались воспоминаниям о временах Лазарева и Нахимова, с которыми хаживали в моря и дрались с супостатами. В такие минуты в классах стояла такая тишина, что было слышно, как летит муха!

Свободного времени отводилось два часа перед сном. Формально оно предназначалось для «приготовления уроков», т. е. надо было сидеть у своей конторки и не разговаривать, а заниматься чем угодно, не мешая другим, хотя бы решая шахматные задачи или читая книги.

Так пролетел первый год. На втором курсе в Санкт-Петербург приехал старший брат Владимира. Еще в начале 60-х годов Николай Николаевич Миклуха был исключен из Санкт-Петербургского университета за участие в студенческих волнениях, без права поступления в высшие учебные заведения империи. Пришлось уезжать в Германию, где в 1868 году Николай с блеском окончил Йенский университет. За плечами его были путешествия на Канарские острова, в Марокко и на берег Красного моря, отчеты и наблюдения о которых принесли ему широкую известность в Европе. В память об одном из племен, с которым он познакомился в путешествиях, Николай взял псевдоним Маклай, которым и подписывал свои научные статьи. Псевдоним так ему понравился, что несколько позднее он просто присоединил его к своей фамилии, став, таким образом, Миклухо-Маклаем.

Теперь Николай Николаевич вернулся в Россию, чтобы договориться с Морским министерством о новой экспедиции, на этот раз к берегам Новой Гвинеи. Русские военные корабли совершали в это время многочисленные океанские плавания, и Николай Николаевич надеялся, что морской министр не откажет ему в просьбе добраться до гвинейских берегов на борту одного из русских кораблей. К всеобщему удивлению, просьба была удовлетворена в самое короткое время. Дело в том, что управляющим Морским министерством России был в то время адмирал Краббе. За плечами боевого адмирала были не только пылающие бастионы Севастополя, но и многолетние географические исследования на реках Средней Азии, поэтому путешественник понял путешественника с полуслова. Николаю Николаевичу было предложено отправиться к Но-

вой Гвинее на корвете «Витязь», уходившем в скором времени на усиление Тихоокеанской эскадры.

Надо ли говорить, как мечтал отправиться вместе со старшим братом Владимир! Но отпустить из училища его никто не мог, да и старший брат был против.

— Чтобы стать настоящим путешественником, надобно много знать, — наставлял он Владимира. — Вот выучишься, тогда и отправимся в экспедицию вдвоем, а пока учись!

И кадет Миклуха, выполняя наказ старшего брата, учился только на «отлично».

А потом к Миклухе внезапно нагрянула первая любовь. Случилось это на училищном балу. Дело в том, что балом Морского училища традиционно открывался столичный зимний сезон. Поэтому среди петербургской публики бал в Морском училище пользовался известностью и популярностью. Заботливые маменьки вывозили на этот бал целые выводки своих дочек и родственниц, впервые выезжавших в свет. Народу бывало очень много, до шести тысяч человек и больше, так что являлось опасение за целостность балок и приходилось принимать меры безопасности. Морская молодежь умела придать своему празднику соответствующую обстановку. Гости веселились напропалую и танцевали до упаду. Впрочем, приезжающие на бал красавицы и их маменьки обращали свой взор прежде всего на гардемарин, ведь те были как-никак без пяти минут флотскими офицерами! На младших кадет особенно не глядели. Но те особенно из-за этого не расстраивались, а веселились как могли.

Перед балом ротные помещения трудами кадет превращались в уютные гостиные, буфеты и танцевальные залы. Для этого мобилизовались все местные художники под предводительством корпусных офицеров, понимавших толк в рисовании. Каждое помещение, точно по волшебству, превращалось в подводное царство, царство льдов, тропический уголок, хвойный лес, насколько хватало фантазии и средств. Главная трудность заключалась в том, чтобы не повториться и не походить на прошлые годы.

К 8 часам вечера все уже было готово к приему гостей, которых собралось до четырех тысяч. Все кадеты и гардемарин были налицо: кто стоял у входных дверей и проверял билеты, кто находился в буфетах, кто в танцевальных залах, а кто и просто толкался по всем направлениям или ждал приезда своих знакомых. Миклуху определили находиться на подхвате в танцевальном зале, чему он был, конечно, рад. Что толку проверять билеты!

Перед этим Миклуха вместе с Юнгом и Серебренниковым, под присмотром своего прямого начальника гардемарина Дубасова, готовили к празднику в Столовой зале знаменитый бриг «Наварин»: ставили паруса, поднимали новый флаг на гафеле и длинный вымпел на грот-брам-стеннге.

Состоявшие распорядителями старшие гардемарин были «распределителями» и имели особые значки из лент цветов Андреевского флага, пропущенных под левый погон, в виде аксельбантов, и завязанных бан-

том с лежащим на нем золотым якорем. С таким знаком ходил и старший их кадетского взвода гардемарин Федор Дубасов, и его неразлучный друг гардемарин Владимир Андреенков.

Наконец съезд начался... Потекли бесконечные ряды одетых в зимнее пальто и ротонды дам в чепцах и теплых платках, в сопровождении офицеров и штатских. Вся эта вереница торопилась попасть в классы, где были устроены раздевальни, и оттуда роскошно одетой толпой направлялась в главный зал. Каких тут только не было туалетов: белые, голубые, розовые, зеленые, всех оттенков и цветов радуги, декольтированные и закрытые, с драгоценными украшениями и без них... Из этих туалетов выглядывали то строгие лица мамаш и тетушек, то веселые и сияющие девичьи личики. Мужчины были тоже во всем блеске своего величия: морские мундиры перемешивались с сухопутными, кое-где мелькали и фраки. Каких только эполет тут не было, каких лент и орденов!

Эта красивая и пестрая картина в первый раз Миклуху совершенно ошеломила: он никогда еще не видел столь блестящего зрелища. Как ни велик был зал, но места не хватало, и с большим трудом удавалось продвигаться вперед. Поэтому младшие кадеты успешно шмыгали между протискивающимися сквозь толпу взрослыми парами.

Огромный зал был полон парами, красиво кружащимися под плавные звуки музыки. Один танец сменялся другим, и казалось, что все сливается в одно непрерывное движение.

Роскошь туалетов — шелка, бархат, кружева и драгоценности, запах духов, блеск военных форм — пьянила души маленьких кадет и наполняла их восторгом. Миклухе казалось, что он попал в какое-то волшебное царство, и он долго не мог оторваться от этого зрелища.

Сам бал открывался полонезом. Затем следовал не менее традиционный котильон, после чего шли уже падекатр, падепатинер, венгерка, полька и, наконец, мазурка. Но, конечно, венцом танцев был вальс.

На балу Миклуха и увидел красивую девушку, которая пришла с несколькими подругами и маменькой. Девушка казалась ему такой красивой, что он, при всей своей дерзости и смелости, так и не решился пригласить ее на танец, побоявшись отказа, — девушка была не только постарше его, но и выше почти на целую голову. Пока кадет Миклуха терзался сомнениями и вздыхал в дальнем углу залы, около красавицы нарисовался гардемарин Андреенков, который и протанцевал с красавицей весь вечер.

Между тем незаметно время перешло за полночь, и, утомленные всеми впечатлениями, теснотой и жарой, Миклуха с Юнгом и Серебренниковым решили вместе идти домой к Миклухе, благо кадет после бала всегда отпускали к родителям и маму он предупредил загодя. Быстро сбегав в роту за шинелями, они вышли на набережную и полной грудью вдохнули свежий морозный воздух. Была лунная ночь. Всего несколько дней тому назад выпал снег, и потому улицы и крыши Петербурга казались в темноте совершенно белыми. Друзья направились с Васильевского острова на

Кирочную улицу, где снимала квартиру мать Миклухи. Расстояние было большое, но от полноты чувств кадетам хотелось пройти пешком и подышать свежим воздухом. Да и как красива набережная Невы в такую ночь! Ровный ряд огней газовых фонарей, слабо освещающих гранитные плиты панелей, дворцы, особняки, Адмиралтейство, Исаакиевский собор... На другой стороне реки темнела Петропавловская крепость. Нева еще не замерзла, и по ней плыли, медленно налезая друг на друга, большие льдины, издавая какой-то особый треск.

— Точно какие-то сказочные чудовища борются между собой! — сказал Петя Серебренников, и друзья с ним согласились.

— Ребята, я люблю Петербург, но я еще сильнее люблю его в сегодняшнюю таинственную ночь! — провозгласил Миклуха.

Юнг с Серебренниковым рассмеялись:

— Казак, ты становишься сентиментальным! Может, ненароком в кого-то влюбился? — подал голос Юнг.

Миклуху даже пот прошиб: неужели так все заметно?

— Еще чего! — сказал он как можно небрежнее. — Настоящие казаки на девочек и не смотрят!

И поскорее, пока друзья не продолжили опасную для него тему, начал говорить об их будущей флотской службе. Эта тема была понятна и приятна всем. Поэтому дальше разговор велся уже о том, на чем лучше служить — на броненосцах или миноносцах — и чем служба на Балтике лучше службы на Черном море.

А вдоль набережной навстречу друзьям летели роскошные сани, попадались и скромные извозчики, везущие закутанных в меховые воротники шуб сонных седоков. Кое-где в окнах роскошных особняков еще виднелся свет, и там, по-видимому, шло веселье. Проходя мимо, кадеты невольно вытягивали шеи, чтобы увидеть, что же происходит за этими зеркальными окнами и спущенными шторами.

Так друзья незаметно подошли к Летнему саду, свернули на набережную Фонтанки, потом на Сергиевскую улицу, дошли до Воскресенского проспекта и, наконец, оказались дома. Мама Миклухи Екатерина Семеновна, предупрежденная, что ребят отпустят поздно, уже их ждала.

— А ну-ка руки мыть, танцоры, и за стол! — приказала она без долгих разговоров.

Плотно поужинав, мальчишки улеглись спать. Возбужденные праздником, они еще некоторое время обменивались впечатлениями, но затем усталость взяла свое. Скоро из детской уже слышалось дружное посапывание. Екатерина Семеновна осторожно прикрыла дверь. Пусть мальчишки хорошо выспятся, ведь после бала им даден целый день отдыха...

Уже позже Миклуха узнал, что понравившуюся ему девушку зовут Надеждой. Отец ее, вице-адмирал Сергей Фаддеевич Кисель-Загорянский, служит комендантом Архангельского порта. Кроме того, позднее удалось узнать и печальную новость: Надежда Кисель-Загорянская ответила вза-

имностью расторопному гардемарину Андреенкову, который теперь с девушкой не только встречается, но, как говорили осведомленные кадеты, по выпуску собирается венчаться. Узнав о столь печальной новости, Миклуха погрузил три дня — срок вполне достаточный. Потом решил немного подождать и влюбиться на следующем балу в кого-нибудь еще.

Некоторое время Миклуха, правда, еще косился при встречах с гардемарином Андреенковым, который, не зная о произошедшей в сердце маленького кадета трагедии, всегда ему весело подмигивал. Проходит, бывало, мимо, улыбнется и подмигнет. Вечерами перед сном Миклуха немало думал над этими подмигиваниями: а вдруг этот Андреенков каким-то образом узнал о его тайной влюбленности? Но как? Ведь Миклуха никому, даже самым близким друзьям, об этом случае на балу не рассказывал... С этими мыслями он обычно и засыпал...

Свободное время воспитанники использовали обычно для углубленного самообразования. Кто-то брал уроки живописи, кто-то учился играть на арфе. Это было весьма модно, так как на арфе играл генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, и флотские офицеры теперь также старались соответствовать ситуации. Что касается Миклухи, то он, помня о разговоре с братом, налегал прежде всего на навигацию (настоящий мореплаватель должен знать ее, как «Отче наш!») и иностранные языки, поэтому, помимо двух обязательных, изучал третий.

* * *

В начале июня 1869 года, после пятилетнего отсутствия, совершив путешествие на Красное море, Николай Миклухо-Маклай вернулся в Россию. Ко времени его возвращения материальное положение семьи Миклух несколько улучшилось: парходное общество «Самолёт» стало наконец-то выплачивать дивиденды по ранее выкупленным предприятием Екатериной Семеновной акциям. Однако отношения между матерью и старшим сыном оставались очень напряженными, поэтому общаться с ней Николай предпочитал через сестру Ольгу и младших братьев. Так как в материальном плане он все еще полностью зависел от нее, положение его было довольно унижительным.

В Петербурге старший брат занимался обработкой и публикацией коллекций губок, публикацией научных сообщений. Владимиру он рассказал о встрече с князем Кропоткиным и возможном плане будущей большой полярной экспедиции.

— Кропоткин мечтает покорить Арктику, но меня больше влечет Тихий океан! — сказал он Владимиру и Михаилу.

Николай составил план экспедиции и представил его в Российское географическое общество, но вице-президент общества граф Литке проект «зарубил», сказав:

— Нечего по заморским странам колесить, когда у самих Россия еще до конца не изучена!

— Придется идти на поклон к твоим начальникам! — сказал после этого отказа Николай Владимиру и обратился в Морское министерство с просьбой предоставить ему попутное судно для доставки к месту экспедиции и обратно.

Узнав об этом плане брата, Владимир не на шутку заволновался. Вот бы и ему отправиться в это плавание на военном судне, все же он уже старший кадет! А там, может быть, удастся даже уговорить командира и его оставить вместе с братом на тропических островах! Николай, узнав о мечтах младшего брата, только улыбнулся:

— Моя научная карьера только начинается. Поэтому пока учись, а экспедиций на наш с тобой век еще хватит!

После чего сразу уехал в Йену готовить монографию об эволюции мозга у рыб. Тем временем прошение Николая Миклухо-Маклая легло на стол управляющего Морским министерством вице-адмирала Краббе. Тот был человеком увлеченным и самым большим своим достижением в жизни считал участие в научной экспедиции на Арале. Поэтому к прошению Миклухи отнесся положительно. 21 мая 1870 года Краббе доложил императору Александру Второму о просьбе молодого русского путешественника, причем доложил так, как может доложить только опытный царедворец. В нужное время и под хорошее настроение. Результат был соответствующий: император сообразовался принять Миклуху на отправляющийся в сентябре в дальневосточные воды корвет «Витязь» «без производства довольствия от морского ведомства».

Узнав, что ее старший сын во время проживания в Йене наделал новых долгов, Екатерина Семеновна заявила, что посланный ею чек будет последним и в будущем Николай должен рассчитывать только на самого себя.

Главной проблемой для Миклухо-Маклая перед отправлением в южные моря стало то, что Морское ведомство не собиралось ради него менять маршрут «Витязя», следовательно, корвет мог доставить его только в Ботавию, а далее предстояло добираться в Новую Гвинею уже самостоятельно.

После возвращения его в Петербург произошел очередной семейный скандал. Субсидии, предоставленные Николаю Российским географическим обществом, составили всего 1200 рублей, тогда как на экспедицию надо было более пяти тысяч. Николай снова просил деньги у матери, но та категорически отказала. Тогда он обратился к ней с просьбой продать полагающуюся ему в счёт наследства долю акций компании «Самолёт», но и на это последовал отказ. Понять Екатерину Семеновну было можно, ведь ей еще предстояло поднимать и выводить в люди младших детей, а тут все деньги уходят на одного старшего, который, по ее мнению, занимается чудачеством и никак не найдет для себя серьезного дела. В результате Николаю пришлось распродавать свою уникальную коллекцию морских губок, одалживать деньги у знакомых. Кое-кто жертвовал безвозмездно. Вице-адмирал Зеленой, например, подарил путешествен-

нику дорогой термометр для глубоководных измерений. Ситуация изменилась, когда предприятием Николая Миклухо-Маклая заинтересовалась великая княгиня Елена Павловна. В результате ее вмешательства удалось добиться изменения маршрута «Витязя».

Владимиру он рассказывал:

— Экспедиция, которую я планирую, будет поистине грандиозной. Я буду путешествовать 7 или 8 лет и окончательно открою все тайны тропических островов Тихого океана для просвещенного мира.

После слов брата Владимир заметно приуныл. Восемь лет — срок очень долгий, кто знает, что за это время произойдет с кадетом Морского училища. А ведь он мечтал отправиться с Николаем на край света сразу же по выпуску из училища. Впрочем, младший брат делал все, чтобы старший не увидел его разочарования.

«Витязь» покидал Кронштадт в первых числах октября 1870 года. Владимир отпросился у училищного начальства побыть с братом несколько последних дней. Хотя это противоречило правилам училища, начальство пошло кадету Миклухе навстречу. Далеко не каждый день их старшие братья уходят в многолетние океанские экспедиции на военных кораблях. На корвете Владимир застал предпоходную суету. Но командир «Витязя», капитан 2-го ранга Назимов, нашел время, чтобы побеседовать с кадетом.

— Закончите училище — и милости прошу к себе на судно, которым буду на тот момент командовать! — напутствовал он его, предварительно насыпав в карманы конфет.

29 октября «Витязь» навестил генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич, который долго беседовал наедине с Николаем Миклухо-Маклаем. После отъезда великого князя Николай рассказал Владимиру, что между ними было решено: через год после высадки еще одно русское военное судно посетит Новую Гвинею; в случае если исследователя не будет в живых, оно должно забрать рукописи, упакованные в герметические цилиндры. 8 ноября 1870 года Николай Миклухо-Маклай через Владимира передал письма князю Мещерскому и матери. Последнее гласило: «До свидания или прощайте. Держите обещания ваши, как я свои». Получив письмо старшего сына, Екатерина Семеновна долго плакала, и младшие дети все никак не могли ее успокоить. Уплывшему в полную неизвестность старшему сыну было только 24 года...

* * *

Время учебы всегда летит быстро. За последующие годы обучения в училище Миклуха физически очень окреп, став признанным силачом. Теперь он мог на спор креститься двухпудовой гирей и в шутку не раз, ухватившись за заднее колесо, останавливал одноконную повозку.

После окончания учебного года — обязательная летняя морская практика. Майским утром всю роту отправили на портовых буксирах в Кронштадт, где высадили на старую броненосную батарею «Первенец». Сразу

же кадетам вручили судовые номера и велели обитать на жилой палубе. Через неделю тихоходный «Первенец» вышел из гавани и направился в Котку. Вся палуба броненосной батареи была заставлена шлюпками-шестёрками для обучения. На расположенном между островами закрытом Коткинском рейде почти никогда не бывает сильной волны, и кадеты там не укачивались. Ежедневно производились учебные тревоги, и много времени отводилось на шлюпочные учения. Перед подъемом флага будущих офицеров заставляли лазать через фор-салинг. Вахтенный офицер вызывал по фамилиям, и кадеты по вантам правого борта поднимались на фор-марс, а затем по стень-вантам — на фор-салинг, переходили на левый борт и спускались по вантам на палубу. Если для опытных матросов это выглядело легкой прогулкой, то для мальчишек-кадет было серьезным испытанием на смелость и ловкость. После подъема флага корабельный день начинался пробегом под вёслами, причем в шлюпки садились и вылезали из них по выстрелу, что также требовало быстроты и ловкости. Много ходили на шлюпках под парусами.

Однако всему хорошему приходит конец, поэтому в один из дней «Первенец» покинул тихий Коткинский рейд и отправился бороздить Финский залив. Не обошлось и без шторма, и, хотя по сути это была только свежая погода, разведшая небольшую волну, кадетам казалось, что они попали в настоящий тайфун. Разумеется, все (и Миклуха в том числе) из кожи лезли, чтобы показать, что не укачиваются, так как считали это позорным для настоящих моряков. Несчастные жертвы, боясь не исполнить приказание, лезли по вантам, судорожно цепляясь за них, так как на качке легко сорваться и оказаться за бортом. Благодаря такой операции быстро проходила морская болезнь, и кадеты спускались на палубу уже исцеленными. Поле этого мальчишки считали себя уже настоящими «зейманами» и мечтали теперь о том, как, вернувшись домой, расскажут своим домашним о том, как выдержали настоящий шторм.

Очередную морскую практику старшие кадеты проходили в Финском заливе на старом учебном фрегате «Аскольд». В середине сентября была назначена комиссия для производства практического экзамена. В числе членов комиссии грозный капитан 1 ранга Верховский, который сразу же свел на нет всех прочих членов комиссии и сам экзаменовал по всем предметам. Верховского кадеты традиционно боялись: он мог легко завалить своими неожиданными вопросами, которых не было в программе обучения. Отвечать ему всегда было то же, что играть в рулетку. Так все произошло и на этот раз. Большая часть кадетов выходила от придиричивого экзаменатора уныло — Верховский сегодня явно был в ударе. Настала очередь отвечать и Миклухе. Пока он докладывал по вытянутому билету, Верховский слушал его, прикрыв глаза, и только тогда, когда отвечающий доложил об окончании ответа, капитан 1 ранга в первый раз на него взглянул.

— Доложите мне вооружение бушприта «Аскольда»! — неожиданно задал он свой каверзный вопрос.

В вопросе был подвох. Дело в том, что, работая во время практики на мачтах, кадеты более или менее успевали изучить их вооружение, но до бушприта, как правило, «добраться» не успевали. Поэтому вопрос был явно на засыпку. Но Миклухе неожиданно повезло, т.к. он волею случая больше недели работал именно на бушприте и успел за это время до мелких подробностей изучить проводку всех его снастей. Поэтому, стараясь не выдавать радости от неожиданной удачи, Миклуха бойко доложил все, что знал по бушприту.

— Это неверно! — неожиданно перебил его Верховский. — Вы совершенно не знаете предмет, о котором пытаетесь мне рассказать!

От этих слов Миклуха онемел. Как же так? Он прекрасно помнил все бушпритное оснащение, сам занимался обтяжкой снастей, а его упрекают в незнании. Вообще кадетам спорить с Верховским не рекомендовалось, так как это только усугубляло ситуацию. Но тут коса нашла на камень.

— Позвольте вам доложить, господин капитан 1 ранга, что в данном случае ошиблись вы, а не я!

На батарейной палубе, где происходила сдача экзамена, мгновенно наступила полная тишина. И писавшие за столами свои ответы кадеты, и сидевшие рядом с Верховским офицеры-экзаменаторы, пораженные происшедшим, с удивлением взирали на стоявшего навытяжку Миклуху — уж не самоубийца ли он? Что касается самого Верховского, то он изумленно поверх очков смотрел на маленького наглеца, только что публично обвинившего его, старого морского волка, в незнании элементарных вещей. Шея председательствовавшего багровела прямо на глазах, и было件нятно, что вот-вот разразится буря. Но нахальный кадет не стал дожидаться ее начала.

— Дело в том, что на «Аскольде» бушпритная проводка сделана не по штату. А так как вы изволили приказать описать мне снасти бушприта именно на «Аскольде», а не штатную проводку на фрегате, я вам и описал именно данную конкретную проводку! — разъяснил Миклуха свою позицию.

На батарейной палубе стало так тихо, что, казалось, было слышно, как жужжит одинокая залетевшая муха.

— Пойдемте на бак! — наконец выдал из себя Верховский. — Всем остальным продолжать экзамен!

Вместе с Миклухой они прошли в нос фрегата. Там, оставив кадета, Верховский сам влез на нок бушприта, где все подробно осмотрел.

После этого оба так же молча вернулись в батарейную палубу. И только заняв свое председательствующее место, грозный капитан 1 ранга во всеуслышание заявил:

— Кадет оказался прав, на «Аскольде» вооружение бушприта действительно не по штату!

После чего пожал Миклухе руку и поздравил с отличным ответом.

Стараясь сохранить невозмутимый вид, Миклуха ликовал — выйти из поединка с самим Верховским до него еще не удавалось никому! Надо

ли говорить, что остаток дня он проходил в героях, снова и снова рассказывая друзьям в лицах, как мрачно лазил Верховский по бушприту, как, насупленный, он шел обратно, как честно признал свое поражение и поздравил Миклуху с победой.

В апреле 1872 года Миклуха надел мундир с золотыми нашивками, галунами и пристегнул слева к поясному ремню настоящий палаш. По сложившейся традиции гардемарин еще до выпуска расписывали по флотским экипажам. Что касается Миклухи, то его расписали в 4-й флотский экипаж.

Выйдя в первый раз с палашами на улицу, Миклуха с товарищами чувствовали себя необычайно важными, и хотя во время ходьбы они с непривычки и путались между ногами, зато с каким превосходством они смотрели на других мальчиков, которые оружия не имели. Особенно щегольским считалось у гардемарин, когда палаш, ударяясь о ногу, издавал дребезжание. Для этого в ножны опускался серебряный гривенник, и тогда дребезжание приобретало особую мелодичность и становилось очень громким. Надо ли говорить, что заготовленные загодя гривенники были пущены в дело, едва палаша попали в нетерпеливые кадетские руки.

В этом году Миклуха начал больше интересоваться барышнями и теперь по воскресеньям посещал квартиры своих товарищей, где общался с их сестрами, кузинами, а также с подругами этих сестер и кузин.

Ходили в гости и в институт благородных девиц, где обитали все те же сестры и кузины.

Миклухе доставляло большое удовольствие появляться на этих приемах, конечно, главным образом, чтобы показать себя. Нравилось появляться в красивом белом зале с колоннами. Нравилось, как дежурные институтки подходили и спрашивали, кого вызвать, а три грозные классные дамы, как аргусы, наблюдали, чтобы не нарушались все сложные правила приличия при общении гардемарина с воспитанницей. Поэтому встречи происходили в веселых разговорах, на некотором расстоянии друг от друга, на стоящих вдоль стен красных бархатных диванах. Ах, как хороши были эти кузины-институтки в зеленых, красных и синих платьях, с белыми передниками и пелеринками, чинно сидевшие и скромно поглядывавшие по сторонам!

Что касается старшего брата Николая, то он, отучившись в лучших университетах Европы — Гейдельбергском и Йенском, быстро проявил себя не только прекрасным врачом, но и ученым-исследователем. При этом Николай был большим оригиналом, ставившим порой в тупик даже своих близких. Так, во время медицинской практики между ним и умирающей пациенткой вспыхнул роман. В результате она завещала «князю Маклаю» свой череп — он сделал из него лампу, которую брал во все путешествия. Затем он увлекся волновавшим тогда многих вопросом о теории эволюции и решил найти переходное звено между обезьяной и человеком. Странное поведение старшего сына привело к тому, что Екатерина Семеновна прервала с ним всякие отношения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБЩЕСТВО КИТОЛОВОВ

Незадолго до выпуска Миклуха со своими друзьями попал в серьезную неприятность, которая могла закончиться для него весьма печально. Началось с того, что вечерами Миклуха с товарищами собирались в дальней, курительной, комнате. Рассевшись на подоконниках, вели они разговоры, далекие от обычных кадетских тем. Гардемарины были ребятами любознательными, да и знакомства в столице имели обширные, поэтому читали не только то, что рекомендовалось, но и то, что не рекомендовалось. Запретный плод, как известно, всегда особо сладок. Поэтому, сидя на курительных банкетках и на подоконниках, гардемарины горячо обсуждали работы Герцена и Добролюбова, до хрипоты спорили о Белинском и Чернышевском. Огромной популярностью пользовалась и запрещенная книга Лассалья «Положение рабочего класса». По рукам тайно ходил роман Чернышевского «Что делать?», до хрипоты спорили о философском подтексте снов героини романа. Для русской молодежи того времени «Что делать?» было настоящим откровением. Заводилой политических разговоров был Коля Суханов — длинный и худой юноша с тонкими капризными губами. Суханов по праву считался самым талантливым и знающим в роте. Больше всего он обожал химию, которую Миклуха, наоборот, терпеть не мог. Поэтому перед экзаменами Суханов обычно подтягивал Миклуху по химии, а тот, в свою очередь, его по астрономии. Родители подарили Суханову фисгармонию, на которой тот вечерами в спальнной комнате развлекал товарищей, играя плясовые.

Постепенно из числа самых яростных политических спорщиков образовалась небольшая группа, члены которой гордо именовали себя революционерами. В число «революционеров» входили кадеты Коля Суханов, Коля Юнг, Петя Серебренников, Леня Добротворский и некоторые другие. Вольнодумцы мечтали о республиканском строе, всеобщем братстве и равенстве. Взглядов своих особенно не скрывали, доносительство было у гардемаринов не в чести.

Выстраивая хронологию последующих событий, необходимо особо подчеркнуть, что большинство кадет-«революционеров» в будущем ожидала блестящая карьера, их имена не раз заносились в списки лучших воспитанников, а в истории Отечества эти же имена неразрывно связаны с героикой Русско-японской войны. Думается, что это было не случайно, так как в кружок вольнодумцев входили наиболее развитые, думающие и радеющие за Отечество мальчишки.

Поступление в училище Миклухи и его друзей совпало с приходом туда нового начальника — капитана 1 ранга Епанчина. Пунктуальный и строгий Епанчин сразу же завел специальный «конduitский журнал», в который ротные командиры обязаны были записывать любые, даже малейшие подозрения в отношении какого-либо кадета или гардемарина.

Делалось это как бы с благой целью: уберечь будущих офицеров от вредных либеральных влияний. По сути же начался самый настоящий сыск. Впрочем, Епанчин как в воду глядел.

Первым в «кондуитский журнал» угодил еще кадетом Петя Серебренников. Случилось это осенью 1872 года. В час досуга по скрипучей лестнице, оглядываясь, Петр поднимался на чердак. Там, в укромном месте, хранил он журналы, приносимые «с воли». Зажигал огарок свечи и читал, давал читать друзьям. И Миклуха, и Юнг, и другие были частыми гостями его угла на чердаке. Прошел месяц, другой — все обходилось. Серебренников старался лишний раз не попадаться на глаза дежурным воспитателям, по сигналу барабанщика спускался к ужину, всегда застегнутый на все пуговицы, старательный, аккуратный... И вдруг, как гром среди ясного неба, — инспектор училища. Можно было бы спрятаться в закоулках темных галерей чердака. Но Серебренников вышел навстречу.

— Ах ты, нигилист чистой воды! — покачал головой инспектор, отбирая у Петра журнал «Отечественные записки».

Перед Епанчиным сразу встал вопрос: где юноша пристрастился к этой литературе? Ответ, думается, дает известный в ту пору писатель П.Д. Боборыкин, учившийся несколько раньше в Нижегородской гимназии: «...я видел большой интерес к чтению. Формальный запрет, лежавший, например, на журналах «Отечественные записки» и «Современник» у нас в гимназии, не мешал нам читать на стороне и тот, и другой журнал». Видимо, так обстояло дело тогда не только в Нижегородской гимназии.

Теперь Епанчин уже предметно занимался поиском вольнодумцев. Вскоре по ряду косвенных опросов и личных наблюдений ему стало ясно, что в училище тайно существует некий политический кружок. Так что, отдавая приказ «доглядывать» за воспитанниками, начальник училища мог поздравить себя: в так называемом «тайном обществе» состояло более двадцати кадет и гардемарин. Теперь перед Епанчиным стояла нелегкая дилемма: докладывать ли о своем открытии наверх или постараться разобраться во всем самому и постараться разрулить ситуацию самому. Епанчин предпочел второй вариант, о чем вскоре пожалел.

Дело в том, что одновременно с вольнодумским обществом в училище возникло и другое, члены которого гордо именовали себя «бутылочной компанией». Во главе его встал известный любитель спиртного и склонный к подлостям Дюбрейль-Эшаппер Первый, друживший с самим наследником престола.

Обе группы смертельно враждовали, борясь за влияние в гардемаринской среде. Но если «революционеры» первенствовали в учебе, да и в словесных стычках последнее слово неизменно оставалось за ними, то «бутылочники» верховодили в пьянках и в уличных драках с армейскими — юнкерами. Опухшие, с подбитыми глазами «бутылочники» не вылезали с корпусной гауптвахты. Авторитет их резко падал. Наконец настало

время, когда редко какой гардемарин стал подавать им руку. Влияние же «революционеров» росло: их отличало за успехи в учебе начальство, к ним прислушивались товарищи, а посиделки в курилке превратились в настоящие сходки. Поняв, что «бутылочная компания» скоро окончательно распадется, Дюбрейль-Эшаппер поймал как-то после вечернего чая гардемарина Хлопова.

— Нигилисты вконец обнаглели, — сказал он, пристально глядя Хлопову в глаза. — Пора бы и на хвост им наступить!

— Пора! — согласился туповатый Хлопов.

— Тогда сделай, что я скажу, — понизил голос до шепота Дюбрейль. — Начиная ходить по вечерам в курилку к нигилистам и, что вредное против императорской фамилии и самого монарха услышишь, мне доноси. А уж я передам твои слова куда следует.

— Боязно что-то, — передернул плечами Хлопов. — Как бы морду за фискальство не набили. У Миклухи с Сухановым кулаки здоровенные!

— Не бойся, — приободрил его главный «бутылочник». — Все останется между нами, а я по выпуску за тебя кому надо словечко замолвлю. Услуга за услугу. Согласен, а?

— Ага! — кивнул Хлопов и поплелся в курилку к «нигилистам».

Забравшись с ногами на подоконник, он принялся напряженно запоминать все сказанное состоявшимися в красноречии гардемаринами.

Вскоре всю добытую информацию Дюбрейль передал своему отцу, а тот напрямую оповестил о творящихся безобразиях в стенах Морского училища жандармское управление. Теперь отвечать предстояло не только самим вольнодумцам, но и капитану 1 ранга Епанчину — как знавшему, но не донесшему по команде.

* * *

В ночь на шестое февраля 1872 года в корпусе внезапно появился жандармский полковник Левашев. За его спиной хищно блестели прикнутые штыки конвойной команды. Левашев протянул дежурному офицеру лист бумаги.

— Это список бунтовщиков, свивших гнездо в вашем славном Морском училище. Соблаговолите мне их представить! — грозно рыкнул он на перепуганного лейтенанта. — Тащите их сюда по одному!

Заспанных «революционеров» выхватывали прямо с коек и пинками разгоняли по карцерам. Миклуха и Суханов завязали было драку с солдатами, но те, навалившись на них, быстро скрутили бунтовщикам руки.

— Не имеете права! Это незаконно! — кричал Коля Суханов.

— Молчи, морда каторжная, а то сейчас тебе зубы почищу! — двинул его прикладом в спину краснолицый фельдфебель.

Увидев Владимира, полковник обрадовался, как сыну родному.

— По стопам старшего брата своего идете, юноша, смотрите, наплачетесь!

Еще вчера шефу корпуса жандармов Шувалову поступил донос, в котором указывалось, что в Морском училище существует разветвленная организация заговорщиков, «вынашивающих планы ниспровержения правительства и существующего порядка для того, чтобы освободить народ от угнетения, устроить лучшие порядки в России...» Там же были и списки заговорщиков.

Управляющий Морским министерством вице-адмирал Краббе, получив известие о происшествии в Морском училище, немедленно вызвал к себе Епанчина. Тот доложил все без утайки, да и что ему еще оставалось. Выслушав Епанчина, Краббе был поражен, брови у него поползли вверх. Что он говорил Епанчину, история умалчивает, но, думается, начальник училища получил за своих воспитанников по полной программе.

Вице-адмирал Николай Карлович Краббе был человеком незлобным и с чувством юмора. Как-то он прослышал, что за глаза его называют «немчурой», и страшно обиделся.

— Помилуйте! — воскликнул Краббе. — Ну какой же я немец? Отец мой был чистокровный финн, мать — молдаванка, сам же я родился в Тифлисе, в армянской его части, но крещён в православие... Стало быть, я — природный русак!

В личной жизни, как и в службе, Краббе отличался необычайной доступностью. Перед его рабочим кабинетом не было приёмных и аванзал. В квартире его не было ни адъютантов, ни дежурных чиновников; всякий мог прийти к министру запросто без доклада, а курьеры или вестовые отворяли двери в его кабинет даже без стука. Бывало, что посетителей министр принимал прямо в домашнем халате и туфлях на босу ногу. Вначале кого-то это шокировало, но потом все привыкли.

Но внешняя простота Краббе была обманчива, он был не только достойным руководителем Морского министерства, но еще и выдающимся царедворцем. Выслушав информацию Епанчина о заигравшихся в революцию гардемаринах, Краббе сразу же сообразил, что чрезмерное раздутие этого дела ни к чему хорошему не приведет. Разумеется, можно снять с должности Епанчина и выгнать из училища гардемарин-вольнодумцев, но это вызовет большой скандал. Император, безусловно, будет раздражен делами в министерстве и от этого прогадает в первую очередь сам Краббе. А потому мудрый адмирал, прежде чем выплеснуть гнев наружу, решил провести расследование лично, что было, разумеется, для того времени исключением из правил. История русского флота такого еще не знала, чтобы делами провинившихся гардемарин-вольнодумцев лично разбирался сам морской министр.

Утром следующего дня арестованных начали по одному возить к управляющему делами Морского министерства. Распорядился об этом сам Краббе, когда узнал о внезапных ночных арестах. Адмирал пользовался особым расположением и доверием императора Александра II

и мог позволить себе некоторые вольности по отношению к жандармскому корпусу.

— Ты не бойся, голубчик! — отечески пробасил он, обращаясь к Владимиру, когда того втолкнули в адмиральский кабинет. — Как твоя фамилия, кто отец, мать?

— Кадет Миклуха!

— Уж не уважаемого ли Николая Николаевича братец? — вскинул удивленно брови Краббе.

Много лет назад управляющий Морским министерством несколько лет занимался обследованием Арала и Аму-Дарьи и с тех пор всегда особо покровительствовал путешественникам и исследователям, проявляя живой интерес ко всему, что касалось географии и океанографии. Покровительствовал Краббе и Николаю Миклухо-Маклаю, а потому личность младшего брата знаменитого путешественника вызвала в нем живой интерес.

— Так точно, Ваше превосходительство. Я младший! — скромно ответил Миклуха.

Из своего угла зло смотрел на происходящее жандармский полковник Левашев, которому министр разрешил присутствовать на допросе, но запретил вступать в разговоры.

Неожиданно Краббе улыбнулся. Дело в том, что в молодости управляющий Морским министерством занимался исследованием реки Сырдарьи и Аральского моря, а потому всегда питал слабость к людям, одержимым путешествиями.

— Да, Николай Николаевич — это наша национальная гордость, — дружески кивнул он Миклухе. — Трудный, но славный путь у него!

Левашев раздраженно закашлял, давая понять, что пора приступать к допросу. Краббе недовольно покосился на жандарма.

— Ну-с, — сказал он, тарабанив пальцами по столу, — и о чем же вы там в своей курилке болтали?

Адмирал так умело повел разговор, что Владимиру, по существу, не приходилось ничего говорить. Пока он соображал, что ответить на очередной вопрос адмирала, Краббе уже сам отвечал за него и вел беседу дальше. Жандарм, не переставая, кашлял, но адмирал демонстративно делал вид, что не замечает его.

— А мечтал ли ты, как и старший твой брат, стать путешественником, чтобы в исканиях своих прославлять Родину и обогащать науки? — прозрачно намекал он.

— Конечно, Ваше превосходительство, конечно, мечтал! — не понимая, к чему клонит адмирал, но вполне искренне отвечал кадет.

— Похвально, похвально, — закивал седобородый Краббе. — Ну а с товарищами своими обсуждал ли ты смелые прожекты будущих совместных дальних плаваний?

— Конечно, Ваше превосходительство! — громко отчеканил Миклуха, начиная уже о чем-то смутно догадываться.

Жандарм Левашев в углу беспокойно ерзал на стуле.

— Все, — сказал Краббе удовлетворенно. — Иди, Владимир, и думай о нашем разговоре. Пусть он послужит тебе уроком на всю жизнь!

После допроса «революционеров» поместили, по приказу Краббе, в одно помещение. Возбужденные происшедшим, друзья обменивались впечатлениями, договаривались, как себя вести на последующих допросах.

— Всем надо молчать о наших разговорах, а донос отрицать как наговор, — горячился, размахивая руками, Николай Суханов. — А кто испугается и признается, тому «темная» и всеобщее презрение!

— Верно! — поддержали его Юнг с Серебренниковым. — Пусть хоть на дыбу вешают, слова не скажем!

Не принимал участия в общем разговоре только Миклуха. О чем-то сосредоточенно думая, он мерил шагами карцер.

— Да ты сядь, Казак, а то аж в глазах рябит от беготни твоей! — шикнул на него здоровенный и упитанный Слон-Добротворский.

— Придумал! Я, кажется, придумал! — внезапно закричал Владимир Миклуха. — Отныне мы все китоловы!

— Ты что, того? — присвистнул от удивления Барон-Юнг. — Никак умом тронулся. Тут сухари сушить надо, а он на рыбалку собрался!

Несмотря на драматизм положения, все рассмеялись. Подождав, пока иссякнет остроумие товарищей, Владимир пересказал им свою беседу с Краббе.

— У меня есть план, — продолжал Владимир. — Все мы читали книжку исследователя Максимова об освоении Севера. Помните, он писал, что следует начать в полярных водах отлов китов, отчего казна государственная большой доход иметь будет. Вот о китоловной экспедиции мы в своей курилке и мечтали.

— А разговоры о республике? — поинтересовался Добротворский.

Не о республике, а о совете капитанов на манер республиканского во время северных плаваний! — перебил его быстро все понявший Суханов.

— А общество наше предлагаю назвать обществом китоловов, — выкрикнул с нар Серебренников.

На следующий день кадеты дружно доложили администрации, что они, все как один, желали содействовать развитию промышленности на Севере путем отлова китов. Краббе остался доволен догадливостью, а жандармы были посрамлены.

— Желания ваши весьма похвальны, но для пущей остротки назначаю вам по шесть недель без городского отпуска! — деланно насупил брови вице-адмирал.

Он тут же отправился к императору с докладом о происшедшей ошибке с кадетами. Александр II воспринял доклад о закрытии дела спокойно. Мудрый Краббе ловко сумел обратить случившееся в остроумную шутку.

— Я вполне готов забыть их проступок, — заявил Александр II адмиралу. Может, из этих шалопаев еще и настоящие моряки вырастут!

Историк пишет: «Во время беседы адмирал смотрел на провинившихся с отеческой добротой и, убедившись, что кружковцы никакие не апостолы, не преобразователи общества, а просто-напросто мальчишеско-романтики, решил в мягкой форме изложить великому князю Константину Николаевичу — шефу флота. Генерал-адмирал поверил на слово, что воспитанники хотели создать «Общество китоловов», которое должно было способствовать освоению Севера путем развития промыслов и торговли. Великий князь, в свою очередь, доложил императору. На докладе Александр II наложил резолюцию: «Вполне забыть их проступок».

Из так или иначе привлеченных по делу «китоловов» училище покинул лишь один — Федор Юрковский, сын генерала — участника обороны Севастополя. Впрочем, Юрковский сам заявил, что больше учиться на морского офицера не желает, а желает быть вольнослушателем в университете, наслаждаться свободой и заниматься революцией по-настоящему, а не по-детски.

Едва закончилась эпопея с «китоловами» и в семье Миклухи вздохнули с облегчением, как неожиданно появился слух о трагической гибели старшего брата Николая в далекой Гвинее. И хотя точных сведений не было, в доме надолго воцарился траур. Владимир, узнав о страшной новости, тут же заявил матери, что только он сможет разыскать брата, так как знает его планы.

Утопающий хватается за соломинку, и Екатерина Семеновна обратилась к управляющему Морским министерством с наивной просьбой определить Владимира на один из кораблей российского флота, отправлявшегося осенью в дальневосточные воды. «Может быть, что во время плавания и находясь поблизости тех мест, куда отправился Николай Миклуха, он успеет собрать о брате точные сведения и узнать о судьбе его...» — писала она в своем прошении.

— Вот уж беспокойная семейка, — покачал головой вице-адмирал Краббе, бумагу прочитавши. — То один пропадает на островах людоедских, а второй то ли революционер, то ли китолов, и вот теперь второй рвется туда, не зная куда, чтобы спасти первого. С этими Миклухами точно не соскучишься!

Нужно отдать должное Краббе: полученное прошение он под сукно не положил. Ответ составил его помощник контр-адмирал Пешуров: «Милостивая государыня Екатерина Семеновна... имею честь уведомить Вас, что отправление в кругосветное плавание сына Вашего Владимира Миклухи представляется совершенно невозможным, т.к. распределение гардемарин на суда, идущие за границу, уже сделано, отправляется молодых людей этих весьма немного и притом старше по списку, а сын Ваш находится в числе младших и, наконец, по мнению управляющего Морским министерством, молодому человеку этому необходимо прослу-

жить некоторое время здесь, чтобы он на глазах начальства мог своею службою оправдать оказанную ему милость по поводу дела об участии некоторых воспитанников Морского училища в недозволенном обществe. Что же касается собрания на местах сведений о другом сыне Вашем г. Николае Миклухе, то по званию гардемарина г. Владимир Миклуха не может иметь никакого влияния на благоприятный исход этого дела, о котором до получения еще Вашего письма Морское министерство сочло нужным озаботиться. Справедливо интересуясь судьбою молодого ученого, предпринявшего столь трудную и опасную экспедицию, г. управляющий Морским министерством телеграфическою депешей поручил начальнику отряда судов наших в Тихом океане отправить одно из этих судов к месту высадки ученого путешественника, и приказание это приведено уже в исполнение. О тех сведениях, которые будут доставлены в министерство о Николае Миклухе, я не замедлю сообщить Вам тотчас по получении их в Морском министерстве...».

А вскоре все прояснилось. Слух о гибели Николая не подтвердился. А затем от старшего брата пришло долгожданное письмо, в котором он писал, что его поездка в Новую Гвинею была на редкость познавательной и закончилась вполне благополучно.

* * *

Последний год учебы пролетел быстро. Наконец настало время, о котором воспитанники училища мечтали с первого дня поступления — начало подготовки к похоронам «Альманаха» — старинной гардемаринской традиции, начавшейся еще в петровские времена. За пару недель до последнего экзамена по астрономии в училище был вывешен первый бюллетень о болезни «Альманаха». С этого момента ежедневно всюду вывешивались бюллетени о состоянии его здоровья. Кадеты и гардемарины ходили по корпусу на цыпочках, чтобы не беспокоить «больного», но, несмотря на это, «Альманаху» с каждым днем становилось все хуже и хуже. В день экзамена по астрономии над головами последних отвечающих гардемарин под потолок Столового зала запускались воздушные шары с закрепленными на них плакатами: «Сэр «Альманах» умер!». В ночь после экзамена старшая гардемаринская рота торжественно «хоронила» ненавистный ежегодник. В Столовом зале выставлялся почетный караул в полной амуниции с винтовками, но без всякой одежды — в голом виде. На троне из столов и красных одеял восседал Нептун. «Альманах» клали в картонный гроб, около которого кружились «балерины», и вывозили на орудийном лафете. Церемониал начинался панихидой, которую служили «священник» и «дьякон» с самодельными кадилами. Здесь же рыдала безутешная «вдова» умершего (гардемарин, подавший на экзамене работу последним). Ритуал сопровождался парадом в явно непотребном виде. «Залп» настоящей брани изображал громовой салют брига «Наварин». Гроб с «Альманахом» кремировался в одной из печей.

Для передачи традиций на «похороны» приглашались и младшие гардемарины, и даже кадеты. Выставлялись и «махальные», которые должны были предупредить о приближении кого-то из офицеров. Впрочем, начальство смотрело сквозь пальцы на этот «тайный» церемониал, уважая старые традиции своей альма-матер...

Перед самым выпуском по старой традиции гардемарины тянули жребий, кто в какой флот выйдет служить. Момент был достаточно серьезным, поэтому присутствовали ротный командир и заместитель директора корпуса. Жребий тянули в порядке старшинства, т.е. успехов в учебе. Первые из лучших отличников от жребия освобождались и имели право самим выбрать место будущей службы. Но Миклуха из-за своего поведения к таковым не относился. В назначенное время все гардемарины собрались в роте. После этого заранее заготовленные билетки были прилюдно свернуты в трубочки и брошены в фуражку. На каждом билете была написана только одна буква: «Б» — Балтийский флот, «Ч» — соответственно, Черноморский, буквы «С» и «К» обозначали Сибирскую и Каспийскую флотилию. Что касается Балтийского и Черноморского флотов, то были желающие попасть как на первый, так и на второй. Кто-то считал, что именно на этом флоте ему будет комфортней, у кого-то там служили родственники или знакомые. Были желающие попасть и на Сибирскую флотилию, где офицеры получали повышенные оклады «за дикость» и быстрее продвигались в чинах. Никто не желал служить лишь на Каспии — Каспийская флотилия считалась прибежищем неудачников, так как возможности сделать карьеру там не было никакой.

Перемешав свернутые билетки в фуражке, командир роты давал «добро», и вытягивание будущей судьбы начиналось. Практически каждый вытягивающий, развернув свой билетик, что-то восклицал — кто-то радостно, кто-то грустно.

Что касается Миклухи, то он был не прочь попасть или на Балтику, или на Дальний Восток — и в первом, и во втором случае имелась возможность участия в дальних океанских плаваниях, о чем он мечтал с первого дня поступления в училище. Черноморский флот его не прельщал, так как черноморские корабли практически не выходили за пределы Босфора и, по бытовавшему среди гардемаринов убеждению, из «этой закупоренной бутылки никогда не выберешься на порядочную войну», о которой все гардемарины, естественно, мечтали. Больше всего боялся, разумеется, Миклуха вытянуть бумажку со зловещей литерой «К». С замиранием сердца он подошел к лежащей на столе фуражке и быстро взял первый подвернувшийся билетик. При этом так волновался, что с трудом смог его развернуть. В тот день судьба была милостива к потомку славных запорожских казаков — на билете стояла спасительная буква «Б».

А в августе 1873 года Миклуха и его однокашники получили свой первый офицерский чин — мичманский. Производство было торжествен-

но: гремел оркестр, молодые мичманы в последний раз обнажали голову перед училищным знаменем. Присутствовали управляющий Морским министерством, заслуженные адмиралы флота, масса приглашенных гостей. Звучала традиционная речь директора училища контр-адмирала Арсеньева. Присутствовавшие на торжественном выпуске воспитанники с завистью смотрели на одетых с иголки молодых мичманов и предвкушали в мечтах день, когда наступит их очередь. В жизни каждого, кто готовился к военной службе, самым ярким моментом всегда являлся день производства в первый офицерский чин. Это была не просто великая радость освобождения из приевшихся за долгие годы стен Морского училища, его строгих правил, казарменной жизни и регулярных классных занятий. Для выпускника училища день получения офицерских эполет был всегда днем второго рождения, взлета в безбрежную ширь морских просторов. Офицерская морская форма, увенчанная заветными эполетами с одинокой мичманской звездочкой, не только внешне изменяет облик вчерашнего гардемарина, она изменяет его душу. Теперь бывший воспитанник становился фигурой, облеченной грузом огромной ответственности не только за себя, но и за то дело, которое будет ему поручено, и за тех людей, которые будут ему подчинены. Можно только представить себе ту гордость, с которой Миклуха и его товарищи принимали в руки золоченые кортики — символы офицерской доблести. Вместе с тем в их душах присутствовал и легкий страх перед сознанием своей огромной ответственности перед стоящими задачами, сомнения, смогут ли они показать себя достойными в борьбе с трудностями, ожидающими их впереди.

На выпуск традиционно приехал управляющий Морским министерством, заслуженные адмиралы флота, масса приглашенных гостей. Говорили, что должен был прибыть и император, но в силу каких-то обстоятельств его визит был отменен. Обходя строй новоиспеченных мичманов, вице-адмирал Краббе на мгновение остановился напротив застывшего в строю Миклухи. В глубине глаз строгого начальника Миклуха неожиданно увидел смешинку, впрочем, возможно, это ему только показалось, так как мгновение спустя Краббе невозмутимо прошествовал дальше.

Прозвучала традиционная речь директора училища. Молодые мичманы прошли мимо начальства церемониальным маршем. Затем строй был распушен, и молодые мичманы попали в объятия родных. Вокруг Миклухи мама, старшая сестра Ольга и младший брат Михаил — студент реального училища. Присутствовавшие на торжественном выпуске воспитанники с завистью смотрели на одетых с иголки выпускников и предвкушали в мечтах день, когда наступит их очередь.

Отныне многое из того, что можно было кадету и гардемарину, мичману Миклухе было непозволительно. Например, офицер не мог себе позволить посещать гостиницы и рестораны низших разрядов, трактиры, чайные и пивные, а также буфеты 3-го класса на железнодорожных

станциях. Офицер не мог носить сумки и пакеты сам, а был обязан оплачивать доставку товаров на дом. Важным для офицера считалось не скупиться на чаевые, хотя далеко не у всех жалование позволяло сорить деньгами. В общем, начиналась совершенно новая интересная жизнь, полная, несмотря на новые условности, надежд и перспектив.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ В МОРЯХ ТВОИ ДОРОГИ

По выпуску из корпуса Владимир Миклуха был направлен в 4-й флотский экипаж, вахтенным офицером на далеко не новый броненосный фрегат «Севастополь», где и приступил к службе «на глазах начальства». Вместе с ним получил назначение в тот же 4-й флотский экипаж и Николай Бухвостов. Николай Юнг был назначен в 5-й флотский экипаж, Петр Серебренников — ревизором на крейсер «Изумруд», Леня Доброторский отправлен в составе команды в США для комплектования закупленных там крейсеров, а Николай Суханов определен слушателем на минные курсы. У каждого отныне начинался собственный жизненный и служебный путь.

Добравшись рейсовым пароходиком до Кронштадта и узнав, что его фрегат стоит в Усть-Рогатке, Владимир быстро нашел свой корабль и бодро поднялся по сходне на борт. Дежурный унтер-офицер, вытянувшись, показал, где искать вахтенного офицера. Но искать не пришлось. Тот вышел из-за грот-мачты, что-то напевая себе под нос. Перейдя, как учили в училище, на строевой шаг, Миклуха двинулся к нему и, подойдя, вытянувшись во фронт и отдавая честь по всей форме, отрапортовал:

— Господин лейтенант! Мичман Миклуха для прохождения службы на броненосном фрегате «Севастополь» прибыл!

По мере того, как он говорил, глаза вахтенного лейтенанта иронично сощуривались:

— Полноте, мичман! — улыбнулся он прибывшему, когда тот закончил свою тираду. — Опустите, пожалуйста, руку и стойте вольно! Вы на корабле императорского флота, а не в армии. К тому же перед вами флотский лейтенант, а не сухопутная крыса!

Вдобавок к этому, отвечая на приветствие Миклухи, лейтенант не стал отдавать честь по-уставному, а демонстративно подчеркнуто (тоже флотская традиция!) снял фуражку и протянул руку:

— Давайте знакомиться! Ведь нам отныне вместе службу править. Я лейтенант Николай Каланов, а как зовут вас?

— Владимир! — ответил Миклуха несколько сконфуженно.

— Судя по всему, вам нужен наш командир? Он, верно, сейчас в своей каюте!

Каланов подозвал рассыльного матроса и велел ему сопроводить мичмана до командирской каюты.

Сам же, заложив руки за спину, продолжил неторопливую прогулку по верхней палубе. Командир, капитан 1 ранга Селиванов, принял молодого мичмана предельно доброжелательно. Расспросил об учебе, о том, кто из старых преподавателей еще работает, вкратце рассказал о корабле и ближайших задачах. На прощание пожал руку, пожелав успешной службы. После этого звонком вызвал рассыльного матроса и приказал отвести Миклуху к старшему офицеру, который определит ему каюту и выдаст лист сдачи зачетов по исполнению обязанностей вахтенного офицера и командира корабельной полуроты.

Броненосный фрегат «Севастополь» являлся одним из первенцев отечественного броненосного флота, который начали строить после Крымской войны, когда линейный парусный флот навсегда ушел в прошлое. При этом «Севастополь» изначально строили по старому классическому принципу вооружения парусных кораблей с большим количеством орудий в батарейных палубах. На «Севастополе» при его закладке в 1860 году планировалось поставить 59 пушек. Но в 60-е годы XIX века прогресс военно-морской техники был столь стремителен, что «Севастополь» устарел уже на стапелях. Поэтому в процессе строительства уже начались его бесконечные переделки, в результате которых получился совершенно другой корабль, чем задумывался изначально. При полном водоизмещении в 6800 тонн броненосный фрегат имел парадный ход в 13 узлов, что для того времени считалось вполне приемлемым. Ход судна обеспечивала одна паровая машина мощностью в 3100 лошадиных сил. Полного запаса угля хватало на две недели хода. Из-за столь малой автономности использовать фрегат предполагалось исключительно на Балтике и под малыми парами. Чтобы хоть как-то увеличить его боевые возможности, помимо винта в качестве вспомогательного движителя на фрегате были предусмотрены и паруса. Дубовый корпус судна был обшит мощной английской броней. Вооружение «Севастополя» было также весьма внушительным — в казематах было установлено 14 нарезных 203-мм орудий, еще три орудия размещались в корме на поворотных платформах. Команда фрегата насчитывала 600 человек. Несмотря на постоянные переделки, надежную броню и мощные орудия, к моменту ввода в строй «Севастополь» уже серьезно устарел.

Не мною первым замечено, что ничто в жизни молодого офицера так не важно, как его первый командир. Именно от того, какой командир попадется молодому офицеру, во многом зависит вся его дальнейшая служба. Миклухе повезло — его первым командиром был настоящий «морской волк» — Петр Александрович Селиванов. Капитан 1 ранга Петр Александрович Селиванов еще мичманом плавал на транспорте «Або» в Средиземное море, лейтенантом на фрегате «Паллада» в Атлантике, на транспорте «Двина» совершил кругосветное плавание на Камчатку. В 1859 году, уже капитан-лейтенантом, совершил вторую кругосветку, командуя винновым клипером «Наездник», и крейсировал у берегов Китая.

Дальнейшая служба Селиванова была посвящена учебно-артиллерийскому делу на берегу. Но душа настоящего моряка рвалась в море, и он был назначен командиром броненосного фрегата «Севастополь», находившегося в составе учебно-артиллерийского отряда. При этом Селиванов отличался большой человечностью и был прекрасным педагогом, много времени посвящая обучению молодых офицеров. Не случайно если в те годы говорили об офицере, что он «прошел селивановскую школу», то это являлось самой лучшей характеристикой.

В 1873 году фрегат вошел в состав броненосной эскадры Балтийского флота, однако всю морскую кампанию провел в практическом плавании с гардемаринами и юнкерами по Балтике.

Весной 1873 года стало известно, что старший брат Николай был вывезен из Новой Гвинеи клипером «Изумруд» под командой капитана 2 ранга Кумани и доставлен в Батавию, где покинул борт клипера, передав с ним письма на родину. В Батавии брат лечился от малярии. Экспедиция Миклухо-Маклая в Новую Гвинею была чрезвычайно высоко оценена мировым научным сообществом. С радостью родные узнали, что Николай отныне член-корреспондент Королевского общества естествоиспытателей Нидерландской Ост-Индии. Научные работы Миклухо-Маклая печатались теперь в самых престижных научных журналах мира.

Вокруг личности Николая Николаевича ходило много не только легенд, но и сплетен и откровенных выдумок. Европейская «желтая пресса» в те годы постоянно писала о Миклухо-Маклае разную чушь: что он завзятый людоед, поедающий каждый день на завтрак кого-нибудь из своих подданных туземцев, что он авантюрист, который вообще не был на Новой Гвинее, что он имел гарем из 147 туземных жен, а то и вообще, что на острове он жил с самкой гориллы, которая после его отъезда с горя утопилась...

Что касается Екатерины Семеновны, то она так и не переменяла своего отношения к старшему сыну, несмотря на просьбы младших детей и особенно безумно любившего своего брата Владимира. На накопленные семейные деньги, которые просил у нее Николай, она купила небольшое имение под городом Малином Киевской губернии, куда отныне летом все семейство Миклух и уезжало из Петербурга.

А Николай уже отправился в свою очередную экспедицию в Новую Гвинею. С лета 1874 года европейская и русская пресса начала регулярно отслеживать деятельность Миклухо-Маклая. Новая Гвинея входила в моду. Отблеск славы старшего брата иногда доставался и Владимиру. Теперь зачастую начальники расспрашивали его о новостях от знаменитого брата: где нынче путешествует, что нового открыл.

В начале 1874 года Миклуха и его друг по училищу Серебренников под влиянием революционной литературы какое-то время даже намеревались бросить военную службу и идти «в народ». В ту пору передовая молодежь по одному или небольшими группами под видом торговых

посредников шла в деревню. Передвигаясь от села к селу, они выступали на сходках, беседовали с крестьянами, стараясь зародить у них недоверие к властям, призывали не платить налоги, не повиноваться администрации, объясняли несправедливость распределения земли. Однако если пропаганда против помещиков находила у крестьян некоторый отклик, то пропаганда против батюшки-царя не воспринималась вовсе и даже вызывала враждебность. Многих агитаторов хватали и выдавали полиции сами крестьяне.

Что касается Миклухи и Серебренникова, то их благие намерения нести счастье народу так благими намерениями и остались. Флотская служба взяла свое... С началом морской кампании «Севастополь» ушел в море и о хождении в народ пришлось забыть. Снова начались будни напряженных вахт и авралов, тренировок и учений.

* * *

Начальник эскадры броненосных кораблей Балтийского флота вице-адмирал Григорий Иванович Бутаков был человеком в российском флоте легендарным. Еще мичманом был замечен адмиралом Лазаревым как толковый и расторопный офицер и назначен командиром посыльного тендера для приобретения командирской практики и самостоятельности. Командуя пароходо-фрегатом «Владимир», в 1853 году сошелся один на один с турецким пароходо-фрегатом «Перваз-Бахри» и вышел победителем в ожесточенном поединке, пленив противника. Затем, командуя «Владимиром», в ходе всей героической обороны Севастополя неоднократно совершал дерзкие рейды к англо-французской эскадре, поддерживал своим огнем сражающиеся бастионы, отличился в боях за Малахов курган, впервые в истории морской артиллерии организовал стрельбу по невидимой цели. При этом, став вице-адмиралом, Бутаков остался вполне демократичным, насколько может вообще быть демократичным человек, облеченный военно-морской властью. Каждый офицер мог без всякого стеснения явиться к нему со своим проектом, просьбой или советом. Бутаков был для всех равно доступен и деликатен в общении независимо от чина. В целом отношения на отдаленном от мирской суеты Транзундском рейде складывались достаточно патриархальными. Так, офицеры между собой фамильярно именовали Бутакова «папа», с ударением (на французский манер) на последнем слоге. Матросы же называли вице-адмирала за глаза и вовсе запросто — «наш старичок».

Отметим при этом, что первые броненосные корабли, и в особенности броненосные батареи, управлялись из рук вон плохо, были неуклюжи и рыскали на курсе. Кроме этого, в эскадре почти не было однотипных кораблей, и каждый имел только ему присущие недостатки. Чтобы преобразовать эту разношерстную армаду в единый организм, надо было приложить поистине титанические усилия. Не все было так просто. Были и скандалы, и трагедии. Многие офицеры не выдерживали бутаковского

диктата и бросали на стол рапорты об отставке, но на их место приходили новые, и неутомимый адмирал начинал их учить с самых азов вновь и вновь.

Понимая, что молодым офицерам скучно в плаваниях по Финскому заливу и бесконечных эволюциях кораблей, Бутаков решил их немного повеселить и отвлечь от дум о столичных развлечениях. Во время одной из стоянок эскадры на Транзундском рейде на «Севастополь» доставили шуточную поэму командующего для прочтения в кают-компании. Чтение поэмы доставило всем огромное удовольствие. Произведение Бутакова «севастопольские» офицеры читали вслух несколько раз, а Миклуха смеялся до колик в животе, так как апелляция адмирала к малороссийской хуторской жизни была ему близка — сразу вспоминался родовой хутор Малин, на котором семья долгие годы отдыхала летом.

Поэма Бутакова была написана в виде диалога между двумя молодыми офицерами, один из которых горел на флотской службе, а другой, наоборот, ею тяготился.

Пессимист: Скверно в Транзунде, скучном, унылом:
Пушки гремят и ядра там свишут,
Ходит с трубой адмирал.

Оптимист: Дельно в Транзунде время проходит:
Там под надзором, в школе серьезной,
К бою готовится флот.

Пессимист: Скука в Транзунде: только сигналы,
Знай, разбираешь, мучишь команду —
Некогда дух перевести.

Оптимист: Месяцев девять бивши баклуши,
Трудно ль в Транзунде четверть годочка
Службе всецело отдать?

Пессимист: Мясо дрянное, рубль наш — не деньги,
Берег — болото, на нем три старухи,
Просто с тоски помирай.

Оптимист: Срочно привозят знатное мясо,
Хлеб из Кронштадта, в Выборге танцы
По воскресеньям всегда.

Пессимист: Рыжие финны булки привозят,
Только как лакомство возят чернику —
Нечем желудок развлечь.

Оптимист: Парень курчавый ездит по рейду,
Звонко кричит нараспев, предлагая
Сладко мороженое.

- Пессимист: Шлюпку попросишь — вечно откажут,
Вечно ученье: заняты люди
Иль отдыхают они.
- Оптимист: Есть и сигнальчик: «Шлюпкам кататься»,
В стае крылатой бойко порхая,
Режешь на дюйм от кормы.
- Пессимист: То ль дело Киев — сами галушки
В рот там валятся! А молодицы!
Душу бы отдал любой.
- Оптимист: В Києвах места много найдется
Для сухопутных во флотском мундире;
Лучше туда и ступай.
- Пессимист: Умною речью семя добра ты
В падшую душу мне заронил,
Буду его выращивать.
- Оптимист: Семечки зла и корыстных наветов,
Корни пустившие в ум легионерный,
Вырви и будешь ты наш!

Помимо этого, вице-адмирал Бутаков был не чужд флотскому юмору, в ситуациях, когда, казалось, было вовсе не до шуток. Так, однажды на переходе мониторов в Либаву отряд попал в шторм. Для мониторов шторм в открытом море — дело весьма опасное. Разумеется, понимал это и Бутаков. Когда же один из командиров (всегда излишне осторожный) поднял сигнал: «Терплю бедствие», Бутаков, оценив реальную степень опасности, отреагировал сигналом: «Терпеть до Либавы». Вскоре о бутаковской шутке, как и о бутаковской выдержке, знала уже вся эскадра. Юмор Бутакова особенно нравился молодым офицерам. Что касается Миклухи, то для него легендарный адмирал был настоящим кумиром.

Дело в том, что в немногие свободные минуты Миклуха с удовольствием занимался хождением под парусом на корабельном баркасе. Довольно быстро он неплохо овладел искусством парусного маневра и с удовольствием лавировал на своем баркасе между стоящими на якорях кораблями, хулигански «обрезая им корму».

Что касается вице-адмирала Бутакова, то он, как и его великий учитель адмирал Лазарев, никогда не забывал, что важнейшим средством обучения офицеров быстроте мышления, лихости и расчету в маневрировании служит управление шлюпками под парусом. Поэтому на эскадре царил настоящий культ парусных шлюпочных гонок. Лучших гонщиков Бутаков знал лично, а иметь достойную команду обязал каждого командира. По требованию Бутакова в 1874 году Морское министерство даже выделило особые денежные премии для лучших шлюпочных команд.

Когда же мичман Миклуха стал победителем в одной из шлюпочных гонок под парусом, вручая ему серебряный кубок, вице-адмирал Бутаков пророчески произнес:

— Поздравляю с заслуженной победой. Кроме этого, не далее как позавчера, видел, как вы, молодой человек, нахально «обрезали корму» моему флагману... Что ж, дерзость для мичмана так же необходима, как мудрость для адмирала. Искренне верю, что в своей дальнейшей службе вы никогда не уроните чести Андреевского флота!

— Никогда! — только и смог ответить Миклуха, у которого от волнения перехватило горло.

Начальник эскадры вообще не засиживался на своем флагмане, а почти каждый день посещал какой-то из кораблей. Прибыв на «Севастополь», он собрал офицеров:

— Господа! Россия и государь доверили нам свое любимое детище — флот! Посему мы должны денно и ночно всю жизнь готовиться к тому часу, а может, даже получасу, когда Отечеству потребуется все то, что мы умеем. Если мы тогда сумеем сделать то, чему предназначены, значит, мы прожили свою жизнь не зря и Россия содержала нас не без пользы. А потому, друзья, за работу!

Учил своих офицеров Бутаков по-настоящему, а порой предельно жестко. Так, однажды Миклуха оказался в числе других молодых офицеров, посланных на разъездном катере маневрировать по рейду. Едва катер отошел на некоторое расстояние, по нему открыли огонь из мелких орудий. Стреляли так, что снаряды пролетали в нескольких метрах над головами сидящих в катере офицеров. Что и говорить, сидящим мичманам и лейтенантам было страшно, большинство, и Миклуха в том числе, после первого же снаряда инстинктивно пригнулись. Однако постепенно все обвыклись, спины выпрямились, некоторые даже начали шутить.

Наблюдавший за катером в бинокль Бутаков удовлетворенно кивнул:

— Эти обстрелялись! Катер к трапу и садите новую партию!

Кому-то такой метод воспитания, возможно, покажется весьма рискованным и спорным. Но прошедший севастопольский ад Бутаков считал иначе.

В одном из своих приказов он писал по этому поводу: «Попадать в щит, когда в вас никто не стреляет, — одно дело; попадать же в неприятеля под его ядрами — другое... Чтобы команды наши заблаговременно приучились слышать свист ядер, предлагаю посылать по очереди на один час по гребному судну с офицером на каждый из двух буйков, поставленных по обе стороны ближайшего к эскадре щита, в некотором расстоянии от него... Сколько время мне позволит, я буду сам навещать эти буйки, что советую и гг. командирам».

Периодически Бутаков любил собирать у себя на флагмане молодых офицеров, с которыми проводил занятия по морскому делу. Мичманы,

потая, выполняли контрольную прокладку, решали астрономические задачки, докладывали о состоянии иностранных флотов. Наряду с этим старый адмирал много рассказывал им из своей богатой морской практики, да и просто говорил о делах житейских.

Однажды, говоря о том, к чему должен стремиться молодой офицер флота, Григорий Иванович внезапно задумался, а потом сказал:

— Знаете, господа, в жизни каждого моряка есть свой штормовой предел, то есть наивысшая из взятых им в жизни вершин. Поэтому я желаю, чтобы ваш штормовой предел был как можно выше, только так можно добиться чего-то стоящего в служении нашей матушке России!

В плаваниях по Балтике на «Севастополе» мичман Миклуха провел и всю кампанию следующего года. Наконец в 1875 году «Севастополь» был освобожден от обеспечения практики гардемарин и занимался отработкой боевого маневрирования в составе броненосной эскадры в финских шхерах под брейд-вымпелом начальника штаба эскадры капитана 1 ранга Г.Н. Забудского. И снова Миклухе повезло с начальником. Григорий Николаевич Забудский являлся воспитанником самого адмирала М.П. Лазарева, участвовал в Синопском сражении. Во время обороны Севастополя в 1854-1855 годах сражался на легендарном 4-м бастионе, был трижды ранен. За отличие в этих делах награжден орденами Анны 4-й степени «За храбрость», Владимира 4-й степени с мечами, золотой саблей «За храбрость» и Георгиевским крестом 4-й степени. В дальнейшем много плавал на Балтике под флагом адмирала Г.И. Бутакова, совершил плавание из Архангельска в Кронштадт, командовал различными кораблями.

И Селиванов, и Забудский к молодому старательному мичману относились с определенной строгостью, как и положено настоящим командирам, но в то же время с заботой и вниманием.

После второй кампании Миклуха обратился к Селиванову с просьбой о переводе в Гидрографический департамент. В голове его все еще множились планы будущих плаваний и открытий со старшим братом, ну а настоящий мореплаватель и первооткрыватель должен уметь наносить на карту новые острова и берега. Для этого служба в гидрографии подходила как нельзя лучше. Командир «Севастополя» отнесся к просьбе мичмана с пониманием.

— Я постараюсь вам, Владимир Николаевич, помочь в ваших стремлениях и сегодня же переговорю с Григорием Николаевичем на сей счет! — сказал он ему на прощание.

Через несколько дней дальнейшая судьба Миклухи была решена, и его откомандировали в Гидрографический департамент.

Сборов у молодого мичмана на пять минут — кинуть в чемодан одежду, бинокль да несколько книг. С офицерами фрегата Миклуха попрощался еще загодя вечером. Тогда же нанес прощальные визиты командиру корабля и начальнику штаба эскадры. Вот дежурная шлюпка отвалила от

борта «Севастополя». В последний раз Миклуха глядел на свой первый корабль, на котором прошло его офицерское становление.

— Прощай, «Севастополь»! — прошептал перехватившимся от волнения голосом. — Долгих лет тебе плавания!

Увы, старый броненосный фрегат уже доживал свой корабельный век. Уже летом 1877 года «Севастополь» будет окончательно разоружен, а в 1886 году его исключат из списков флота и продадут на слом.

* * *

Разумеется, что, переходя на службу в гидрографическую экспедицию, Миклуха тешил себя надеждой на участие в дальнем вояже. Основания для этого были — как раз в то время началось активное освоение берегов Дальнего Востока и практически каждый год туда отправлялись все новые и новые гидрографические партии. Но Миклуху на Дальний Восток не послали. О причинах отказа мы не знаем, скорее всего, из-за его малого практического опыта. Поэтому вместо приключений на диких дальневосточных берегах в течение лета 1876 года на пароходе «Ладога», под командой капитана 2 ранга Анжу, Миклуха участвовал в обследовании Ладожского и Онежского озер. Впрочем, любой опыт — это тоже опыт.

Ну а зимой он со своими училищными приятелями Серебренниковым и Юнгом снова «баловался» революцией.

Надо признать, что к этому времени Миклуха да и два его товарища от мальчишеского революционного максимализма уже отошли и их куда больше интересовали вопросы флотской службы и будущей карьеры. Во-первых, вчерашние мальчишки повзрослели, и идеи всеобщего равенства и насильственной социальной революции уже перестали их прельщать. Кроме того, столкнувшись с несколькими профессиональными революционерами, они увидели, что в революционной среде также делают карьеру и делят власть, не заморачиваясь особенно революционными идеалами.

Впрочем, уступив просьбе друга Коли Суханова, Миклуха несколько раз перевозил для него в большом чемодане нелегальную литературу. Делал это не из любви к будущей революции, а в память былой дружбы, да еще чтобы пощекотать нервы. Азарт и любовь к приключениям были у Миклухи написаны на роду. Кроме этого, рисковал он не так уж и сильно, так как жандармы морских офицеров никогда не осматривали. Кроме Миклухи, помогли Суханову в тайных книжных перевозках несколько раз и Юнг с Серебренниковым, переправляя адресатам чемоданы, доверху набитые запрещенными журналами «Вперед», брошюрами «Емельян Пугачев», «Анархия по Прудону» и другими.

При этом Николай Суханов, наоборот, настолько увлекся революционными делами, что откровенно манкировал своими служебными обязанностями, из-за чего имел серьезные неприятности. Но это его не останавливало. Встречаясь с друзьями, он говорил откровенно:

— В самое ближайшее время думаю расстаться с погонями и полностью отдать себя делу будущей русской революции!

— А не слишком ли сильно загребаешь? — по-простому пытался образумить его Миклуха. — Что ты можешь сделать один!

— Ты ошибаешься, Рыжий! — сразу понизил голос Суханов. — Я вовсе не один. Нас очень много. Есть и студенты, есть и курсистки, и даже весьма уважаемые люди. Приходи к нам в кружок, тебе понравится.

Миклуха только головой качал, сидеть и слушать бесконечные рассуждения студентов-народников ему было неинтересно. Он попытался было рассказать Суханову, как интересно служить в гидрографии, заниматься топографической съемкой побережья. Но тот только отмахнулся.

А потом Суханов получил назначение в Сибирскую флотилию, и пути однокашников разошлись. Как оказалось, разошлись уже навсегда...

Если Владимир Миклуха навсегда расстался со своими революционными иллюзиями, то его младший брат Михаил, наоборот, в это же время ими увлекся. Будучи студентом Горного института, он примкнул к народовольцам и даже просился в отряд метальщиков бомб, чтобы убить императора Александра II, но знаменитая народоволка Софья Перовская, к счастью, отклонила его кандидатуру, найдя, что у младшего Миклухи слишком мягкий характер. На этом, собственно, революционная деятельность Михаила и закончилась — как и старший Владимир, он довольно быстро переболел революцией. Любовь к геологии победила.

В том самом году самый старший из братьев Николай Николаевич Миклухо-Маклай, путешествовавший по Малакке, писал в дневнике, что мечтает продолжить свои походы по Океании вместе с братом Владимиром. Он бы осуществлял общее руководство экспедициями, а Владимир командовал ее морской частью. Но этой мечте так и не суждено было сбыться...

Между тем судьба Миклухи совершила новый поворот. Совершенно неожиданно его отчислили из состава гидрографической экспедиции в 3-й Балтийский флотский экипаж.

— За что, про что? — спрашивал Миклуха своих гидрографических начальников.

Интеллигентные гидрографы только пожимали плечами:

— Сами удивляемся. Но чистят не только наши конюшни, похоже, в 3-м экипаже для чего-то собирают всех возможных офицеров.

Прибыв в Кронштадт, Миклуха убедился, что старые гидрографы говорили правду. 3-й флотский экипаж был буквально забит офицерами разных чинов и званий, которые бесцельно слонялись по двору и дремали в канцелярии. Зачем и для чего их собрали, толком сказать не мог никто.

Все прояснилось 20 ноября 1876 года, когда откомандированных в 3-й Балтийский флотский экипаж построили во дворе и зачитали приказ о переводе на Черноморский флот. Что касается мичмана Миклухи, он был определен во 2-й флотский экипаж Черноморского флота. Для чего столь массово переводили офицеров на Черное море, догадаться было не трудно — в воздухе пахло большой войной с Турцией.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

После неудачной Крымской войны 1853 — 1856 годов по Парижскому договору России было запрещено иметь на Черном море военный флот. Поэтому в течение последующих пятнадцати лет Россия усиленно создавала на Балтийском море броненосный флот — третий по силе в Европе. На Черном море же имела лишь несколько небольших корветов. После отмены парижских ограничений в 1871 году, разумеется, началось возрождение Черноморского флота, но, как всегда, все уперлось в недостаток средств. Поэтому на первом этапе строительства руководители Морского министерства вынуждены были отказаться от строительства полноценных мореходных броненосцев, способных вести активные наступательные действия. С одобрения правительства было принято решение строить лишь броненосцы береговой обороны, для прикрытия совместно с береговой артиллерией и минными заграждениями побережья в случае нападения неприятельского флота. При этом в первую очередь намечалось построить корабли для обороны менее всех защищенных со стороны моря Днепровско-Бугского лимана и Керченского пролива. В докладе Морского технического комитета говорилось: «Морское министерство, принимая меры к возобновлению военного флота на Черном море, имело в виду ограничиться на первое время постройкой мелкоосидающих броненосных судов, годных по своему боевому значению для прибрежной обороны и в особенности для защиты входов в Керченский пролив и Днепровско-Бугский лиман». Увы, политика Морского министерства, направленная на строительство оборонительного флота для Черного моря, закончилась полным провалом. Затратив крупные средства на не оправдавший себя эксперимент, а главное — упустив драгоценные восемь лет, руководители Морского министерства перед лицом надвигавшейся войны с Турцией оставили страну на Черном море фактически без реального флота. Под давлением общественности за допущенные серьезные ошибки в строительстве флота глава Морского министерства великий князь Константин Николаевич был отстранен от управления военно-морским флотом и Морским ведомством. Но время было уже упущено.

...А на южных рубежах России назревала большая война. Русская армия готовилась к освобождению Болгарии от турецкого ига. Необходимо

было думать о срочном усилении морских сил на Черном море. Чтобы хоть как-то пополнить боевой состав возрождающегося флота, в Севастополе спешно вооружали торговые пароходы, комплектуя их команды военными экипажами. Для этого с Балтики на Черное море и переводили грамотных флотских офицеров.

Весенний Севастополь встретил Миклуху синим морем и запахом цветущего миндаля. Несколько центральных улиц было уже отстроено, но стоило свернуть в сторону, как сразу же начинались полуразрушенные кварталы, напоминающие о событиях Крымской войны и одиннадцатимесячной героической обороне города.

В Севастополе Миклуха сразу же встретил много знакомых по Морскому училищу. Возрождающийся, хотя еще и слабый Черноморский флот готовился к активным боевым действиям. На «Великом князе Константине» — выпускника 1871 года лейтенанта Измаила Зацаренного, на «Весте» — выпускника 1870 года Александра Кроткова и многих других. Все были деятельны и веселы, горя желанием отличиться в приближающейся войне.

Прибывших балтийцев принимал лично главный командир Черноморского флота и портов адмирал Николай Андреевич Аркас.

— А вам, молодой человек, придется ехать в Очаков, — заявил деликатный Аркас, ознакомившись с личным делом Миклухи. — Надеюсь, я вас не слишком опечалил.

— Насколько я понимаю, Очаков ближе к Турции, чем Севастополь! — браво ответил мичман.

— Ну и славно! Отныне вы вахтенный начальник вооруженного парохода «Аргонавт».

К началу войны турецкий флот, включавший 15 броненосных кораблей различных классов и 15 вооруженных небронированных судов, значительно превосходил российский Черноморский флот: два броненосных корабля (малопригодных к реальному бою круглых «поповок») и пять небронированных судов. Кроме того, Турция имела военную флотилию на Дунае, состоящую из девяти броненосных кораблей, преимущественно мониторов и корветов, и 37 небронированных судов. В связи с отсутствием на Черном море и Дунае необходимых морских сил русское командование стремилось решить исход войны на сухопутном фронте. Эта же причина повлияла и на выбор района наступления русских войск на балканском театре. Если в прошлых войнах при наличии сильного флота русское командование предпочитало вести наступление сухопутных войск вдоль побережья, что стало традиционным для русской армии в войнах с Турцией, то в войне 1877 — 1878 годов наступление планировалось вести вдали от Черноморского побережья. Понимая, что противопоставить турецким броненосцам Черноморскому флоту нечего, Аркас создал отряды судов активной обороны, которые состояли из быстроходных пароходов, арендованных у Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ) и превращенных в крейсера.

Главная задача Черноморского флота заключалась в том, чтобы вместе с сухопутными войсками обеспечить оборону портов и побережья от артиллерийских обстрелов и десантов противника. Для этого были выделены два армейских корпуса (7-й и 10-й) и отряд кораблей Черноморского флота под командованием вице-адмирала Н.А. Аркаса, состоящий из двух «поповок» и нескольких устаревших пароходо-фрегат. Учитывая наличие у противника довольно сильного броненосного флота и возможность десанта, русское командование особое внимание обратило на создание противодесантной обороны. Корабельные силы обороны портов состояли из двух броненосцев-«поповок» (приданных Одессе), четырнадцати небольших пароходов, вооруженных шестовыми и буксируемыми минами, и девяти минных катеров. Пароходы и катера предназначались для дозорной службы и охраны минных заграждений. По задачам и организации они представляли собой соединение кораблей охраны водного района — прообраз соединения современных военно-морских баз. Были разработаны специальные инструкции, в которых предусматривалось взаимодействие сухопутных и морских сил при обороне портов.

Суда активной обороны должны были совершать набеговые операции, поддерживать приморские фланги русской армии. И, используя большую скорость, убегать от турецких броненосцев в случае необходимости. В Севастополе базировался носитель минных катеров «Великий князь Константин» под командованием лейтенанта С.О. Макарова, в Одессе — пароходы «Владимир» и «Веста», в Очакове — «Аргонавт», в Николаеве располагались яхта «Ливадия» и пароход «Эльбрус».

Свои мизерные морские силы Аркас распределил так, чтобы туркам было трудно блокировать все порты и пароходы активной обороны, вырываясь на морской простор, могли устраивать противнику если не погром, то изрядный шорох. Кроме этого, деятельный Аркас серьезно занялся и внедрением на Черноморском флоте минного оружия.

— Да, господа, мина — это действительно оружие слабых! — говорил он скептикам. — Если бы у нас на Черном море была самодостаточная броненосная эскадра, я бы об этих минах и не вспомнил, а устроил туркам еще один Синоп. Но, увы, сегодня мы намного слабее нашего противника, так почему же нам не использовать то, что может доставить ему проблемы, а нам успех!

Итак, Миклуха выехал в забытый богом Очаков, где у стенки стоял маленький пассажирский пароход «Аргонавт».

Командира на борту в тот день не было, и старший офицер лейтенант Зиновий Рожественский показал Миклухе его каюту, велел прибыть к командиру завтра после подъема флага. На вопрос, а где его сосед по каюте, Рожественский нехотя ответил, что тот еще не назначен и должен прибыть со дня на день. Ну, что ж, обжигаться так обжигаться! Мичманская каюта была очень маленькая: прямо против большого машинного

люка, выкрашенная белой краской, с двумя койками одна над другой, к полу были привинчены комод-шифоньерка, умывальник и небольшой рабочий стол. Кроме этого, в каютке имелись два складных табурета, пара книжных полок на переборке и фонарь-конкетка со свечой внутри. Иллюминатор пропускал тусклый свет. Пахло сыростью. Что и говорить, каюта на «Севастополе» была у него куда просторней. Но, как говорится, на войне как на войне. Приказал поставить рассыльному матросу свои чемоданы и сразу же направился осматривать свой новый корабль.

Разумеется, знакомство особого восторга у него не вызвало. Товаро-пассажирский пароход «Аргонавт» был построен по заказу РОПиТа в Лондоне для каботажных рейсов на Черном и Азовском морях. При водоизмещении в 615 тонн и мощности машины в 640 лошадиных сил пароход мог давать вполне сносный ход до 14 узлов. Перед началом Русско-турецкой войны РОПиТ безвозмездно предоставил «Аргонавта» в распоряжение Морского ведомства, и с 12 апреля 1876 года пароход был зачислен в состав Черноморского флота как пароход активной обороны. После мобилизации на пароход поставили 152-мм гаубицу и 44-мм скорострельную пушку системы Энгстрема. Пароход Миклуху не впечатлил. Да и чем мог впечатлить утлый колесный пароходик мичмана, прослужившего несколько лет на сильнейшем броненосном фрегате российского флота! Впрочем, убогость «Аргонавта» замещало одно — пароход должен был принять участие в реальных боевых действиях, а не бесцельно слоняться между отмелей Финского залива. Уже одно это искупало все его недостатки.

Когда на следующий день Миклуха прибыл к командиру, то капитан-лейтенант Петр Петрович Снетов встретил нового вахтенного начальника куда более радушно, чем днем ранее старший офицер. Снетов сразу пригласил отпить вместе чай:

— У нас, у черноморцев, нет таких церемоний, как на Балтике. У нас все запросто: вот самовар, вот чашка с блюдцем, а вот банка с домашним вишневым вареньем! Давайте почаевничаем и заодно познакомимся!

Почаевничали, заодно и познакомились.

Снетову было слегка за сорок. Морского корпуса он не кончал, прошел юнкерские курсы в Николаеве, откуда сразу и ушел на бастионы Севастополя. Там под ядрами был произведен в лейтенанты «за отличие». По окончании войны, как перспективного офицера, Снетова оставили служить на Черном море. Был старшим офицером на корветах «Зубр» и «Память Меркурия», усмирал горцев в Абхазии, гонялся за контрабандистами у побережья Кавказа. В 1870 году был переведен на Балтийский флот старшим офицером монитора «латник». Но на Балтике не прижился и уже через год попросился обратно. Черноморские офицеры вообще трудно адаптировались на скрупулезной и скучной балтийской службе. Вернувшись на Черное море, Снетов плавал старшим офицером на яхте «Ливадия». И тогда, когда казалось, что он обречен вечно исполнять

должности старших офицеров, судьба наконец-то даровала ему шанс — капитан-лейтенант Снетов получил под начало маленький вооруженный пароход «Аргонавт».

Так как «Аргонавт» особой ценности не представлял, его использовали, как говорится, «и в хвост и в гриву». Уже 2 мая 1877 года «Аргонавт» был отправлен в весьма рискованную разведку в устье Дуная. Дело в том, что в штабе Черноморского флота почти наверняка знали, что в устье стоят турецкие броненосцы. Но так как полной уверенности все же не было, туда и послали маленький «Аргонавт». Если все пойдет успешно и пароходик вернется — прекрасно. Ну а если нарвется на броненосцы и не вернется, то тоже результат. По крайней мере, будет понятно, что турки устье Дуная уже закупорили. Поэтому в море «аргонавты» шли, как на смерть.

Офицеры на «Аргонавте» — ребята молодые, а потому в кают-компании жизнь царила самая демократичная. Вечерами за чаем, а то и за вином, мичманы пели под гитару песни страдательные:

Он был лишь молоденький мичман,
Она — адмиральская дочь.
Он робко в любви объяснялся,
Она прогнала его прочь.

Ушел наш молоденький мичман
И пьянствовал с горя всю ночь.
И в винном тумане носилась
Пред ним адмиральская дочь...

...Что именно думал Миклуха, уходя в свой первый боевой поход, который вполне мог стать для него последним, мы не знаем. Наверное, мечтал о подвиге, возможно, где-то ему было и страшно...

Посылая в самоубийственную разведку опытного Снетова, вице-адмирал Аркас не ошибся. На Сулинском рейде «Аргонавт» действительно обнаружил сразу эскадру турецких броненосцев. К счастью, те попросту не ожидали дерзкого русского разведчика и были застигнуты врасплох.

Поэтому у командира «Аргонавта» было немного времени, чтобы все тщательно осмотреть. Под берегом на якорях стояли сразу четыре крупных турецких броненосца. Судя по всему, на рейде Сулина турки чувствовали себя в полной безопасности. Так как трубы их едва дымили, было очевидно, что пары на них находятся на нижней отметке. На флагмане трепетал на ветру вице-адмиральский флаг. Между берегом и броненосцами виднелись шлюпки, заполненные турками в красных фесках. Несколько десятков турок были видны и на берегу. Это значило, что, по крайней мере, часть команд находилась вне их кораблей.

До Крымской войны Сулин принадлежал России и попал под власть Стамбула только после неудачного окончания войны. Сейчас турки сделали его порто-франко, но не слишком удачно, т.к. торговать здесь никто особо не стремился.

Миклуха внимательно осматривал маленький городок — несколько улиц, белых домиков на правом берегу Дунайского гирла, деревянные причалы и пакгаузы. Кто знает, может быть, еще придется здесь воевать!

Что касается Снетова, то он не ограничился обнаружением противника, а на развороте распорядился дать несколько выстрелов по неприятелю. Разумеется, малокалиберные пушки «Аргоншта» мало что могли сделать закованным в броню турецким кораблям. Но эффект стрельбы превзошел все ожидания. На борту броненосцев началась самая настоящая паника. Все забегали в разные стороны. Несмотря на приличное расстояние, было слышно, как там истошно кричали, то ли таким образом отдавали приказания, то ли от испуга.

Когда же броненосцы начали спешно поднимать пары, Снетов дал полный ход и взял курс на Очаков.

Двум броненосцам все же удалось дать ход, после чего они предприняли безуспешную попытку догнать нарушителя спокойствия. Вслед мчащемуся пароходику неслись снаряды и ядра. Несколько из них упали в самой близости от борта, обдав находившихся на мостике солеными брызгами.

Если для Снетова и старшего на борту капитана 1 ранга Дефабра такая ситуация была знакома, то для стоявшего вахтенным офицером Миклухи такое было впервые. Разумеется, он был взволнован.

— Вот вы и получили свое боевое крещение соленой водичей! — усмехнулся Снетов, видя, как мичман вытирает рукавом мокрое лицо. — Первый бой, пусть даже такой суматошный, как сегодняшний, — это как первая любовь — никогда не забудется!

Миклуха молча приложил к глазам бинокль. Вахтенному офицеру в столь сложной обстановке отвлекаться некогда.

— Господин капитан! — доложил он через несколько минут. — Броненосцы противника прекратили погоню. Их флагман сбавил ход и поднял сигнал «К повороту». Снетов с Дефабром разом вскинули бинокли. Все четыре неприятельских броненосца грузно разворачивали свои форштевни в сторону Сулина.

— Кажется, на сегодня отвоевались, — кивнул капитан 1 ранга Дефабр и направился к себе в каюту.

Спустя некоторое время ходовой мостик покинул и Снетов, дав Миклухе указание в случае каких-либо изменений в обстановке немедленно его извещать.

Теперь Миклуха остался единственным офицером на мостике. Вдалеке, пачкая горизонт дымом, еще виднелись турецкие корабли. Впереди

расстиралось безбрежное Черное море. Миклуха расставил шире ноги, чтобы устоять на усилившейся бортовой качке. В лицо ему бил встречный ветер, и он чувствовал себя счастливейшим из счастливых людей. Эх, видели бы его сейчас друзья-однокашники!

Дерзкий рейд «Аргоншта» получил широкий общественный резонанс. Из сообщения прессы: «2 мая пароход «Аргоншта» (командир капитан-лейтенант Снетов) под брейд-вымпелом начальника отряда судов очаковской обороны капитана 1-го ранга Дефабра, вышел из Очакова, подошел в Тендеровскому маяку. Откуда, исполнив поручение, отправился к Сулинским гирлам Дуная, где на рейде застал под парами четыре турецких броненосца, которые тотчас же погнались за ним. Не имея возможности рассчитывать на успех атаки столь несоразмерно сильнее-го неприятеля, «Аргоншта», долго преследуемый всеми четырьмя броненосцами, благополучно возвратился в Очаков».

Черное море далеко не самое спокойное. Штормы там не редкость, особенно в осенне-зимний период. Ну а во время войны никто никаких снисхождений по погоде не делал. Если надо, значит, надо! В штормовом море маленькому «Аргоншту» доставалось по полной. Его кидало и бросало, как щепку, валяло так, что иногда становилось страшно, встанет или нет пароходик от такого крена или сделает оверкиль.

Разумеется, в мирное время его бы так безжалостно в ненастье по морям не гоняли, но у войны свои законы, и поэтому в большинстве случаев в адмиральских планах погодные условия для вспомогательных крейсеров совершенно не учитывались.

— Будет трудно, но вы справитесь! — говорили старшие начальники воодушевляюще, отправляя «Аргоншта» в очередную штормовую круговерть. — Мы в вас верим!

— Благодарю за доверие, — хмуро отвечал на это немногословный Снетов и, вернувшись на борт, начинал переоблачаться в дождевик и старую зюйдвестку.

На переходах вахтенным начальникам «Аргоншта» зачастую приходилось проводить на мостике и шесть-восемь часов. Иногда их подменял командир, давая подчиненным возможность на время спуститься в теплую кают-компанию, где офицер мог слегка перекусить и выпить стакан-другой горячего чая. Но зачастую времени не было и на это, в связи с чем вахтенному начальнику чай и бутерброды подавались прямо на мостик.

Ах, как не хотелось расставаться с теплой койкой, когда все вокруг кренится и скрипит.

Почему-то время вахты подходило всегда во время самых сладких снов. Но матрос-денщик неумолим и продолжает дергать за ногу, все время повторяя:

— Ваше благородие... Владимир Николаевич! Вставайте... На вахту пора!

После этого Владимир открывал глаза, пытаясь удержать в памяти последние мгновенья сновидений.

— Без четверти полночь! — тихим голосом говорил матрос, зажигая свечу в висевшей на переборке кенкетке. — Опоздаете на вахту.

После напоминания о возможности опоздания остатки сна сразу улетали, и Владимир, вздрагивая от холода, соскакивал с койки и начинал одеваться с быстротой человека, внезапно застигнутого пожаром...

Чтобы пробраться в шторм из закупоренной каюты на мостик на вахту, требовалось большое искусство: палуба то и дело уходила из-под ног, поэтому, выбравшись на верхнюю палубу, приходилось, крепко держась за протянутые леера, балансировать так, чтобы не отправиться вместе с очередной волной за подветренный борт.

А сверху уже слышались первые удары рынды. Раз... два... три... С последним ударом колокола Владимир буквально вваливался на мостик.

Добравшегося с трудом сменщика встречали молчаливые темные силуэты в дождевиках и зюйдвестках — вахтенный офицер, рулевые и сигнальщики, привязанные к поручням, чтобы не вылететь за борт.

Изябший, продрогший на ветру лейтенант, стоявший вахту с 8 до полуночи, тут же начинает сдавать вахту.

— Курс такой-то... Последний ход 8 узлов... Огни в исправности... Спокойной вахты!

В силу традиции, сменившись, сразу же вниз не спускались, а оставались еще минут на пять, чтобы дать заступившему окончательно освоиться с обстановкой. Ну а затем была сама вахта — четыре часа наедине с кораблем и штормовым морем и только одной навязчивой мечтой о том, что рано или поздно, но ты все же вернешься в свою самую уютную в мире каюту, где, сбросив все мокрое, расклинившись в теплой койке и заснешь мертвым сном до следующей вахты.

После этого «Аргонавт» почти ежедневно выходил в море накрытие Очакова, несколько раз вступая в перестрелки с турецкими вооруженными пароходами. На тот момент маленький пароходик стал, наверное, самым боевым кораблем Черноморского флота, а его офицеры, соответственно, самыми обстрелянными. Теперь нередко командиры других пароходов просили Снетова:

— Петр Петрович, говорят, послезавтра ты в очередной рейд идешь? Возьми пару моих мичманцов на выучку. Пусть порох понюхают!

Снетов не отказывался — брал. А чтобы прикомандированные не мешали и под ногами не путались, отдавал их под присмотр Миклухе. Вскоре тот, уже как заправский ветеран, поучал своих сверстников, как лучше уходить от погони и маневрировать в случае обстрела.

Вечером 7 июля пароход «Аргонавт» под командованием капитан-лейтенанта П. Снетова, в составе отряда капитана 1 ранга И.И. Дефабра,

снова отправился из Очакова к устью Дуная к Сулину. И на этот раз цель операции состояла в получении оперативных достоверных сведений о количестве и параметрах турецких кораблей, базирующихся в Сулинском гирле. 8 июля к двум часам дня «Аргонавт» подошел на расстояние пушечного выстрела к Сулимской бухте, где в тот момент снова находились три турецких броненосца, один из которых, как и в прошлый раз, был под вице-адмиральским флагом. «Аргонавт» снова дерзко открыл огонь по неприятельским кораблям, которые, быстро снявшись с якорей, пустились в погоню за пароходом. На этот раз пары у турок были уже подняты, и погоня была более настойчивой и продолжительной. Однако, умело маневрируя «Аргонавтом», капитан-лейтенант Снетов в очередной раз сумел уклониться от преследовавших его броненосцев и благополучно возвратиться в Очаков.

Из хроники войны: «По возвращении П.П. Снетов доложил о проведенной операции командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Н.А. Аркасу, за что был удостоен от него слов благодарности: «Настоящее плавание активного парохода «Аргонавт», в котором командир его, капитан-лейтенант Снетов, выказал отличную распорядительность и смелость, вступив в перестрелку с тремя неприятельскими броненосцами, при явном во всех отношениях преимуществе их по сравнению с вверенным ему пароходом. Я делаю это известным по вверенному мне флоту и изъявляю капитан-лейтенанту Снетову мою искреннюю благодарность».

Чуть позднее, 31 июля 1877 года, капитан-лейтенант П.П. Снетов в награду за проявленное мужество в бою с тремя турецкими броненосцами был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». Что и говорить, как первый, так и второй рейды были действительно лихими делами. Как известно, заслуга командира — это заслуга всей его команды. В данном случае и вахтенного офицера мичмана Миклухи.

Однако мичман награжден не был. Снетов и Дефабр представили Миклуху к лейтенантскому чину «за отличие». Но Аркас положил рапорт под сукно. Дело в том, что в те дни подвиги совершали многие молодые офицеры и на Черном море, и на Дунае, поэтому Аркас опасался, что его многочисленные ходатайства на высшее имя сочтут предвзятыми.

Что ж, Миклуха в обиде не был. Да и на что обижаться, когда ты молод, под твоими ногами дрожит в конвульсиях горячая палуба, вдалеке мчат вражеские броненосцы, рядом вздымаются фонтаны их перелетов и недолетов, а от тебя зависит, сможет ли твое судно в очередной раз оставить ни с чем неприятеля. Согласитесь, разве может мечтать о большем молодой русский флотский офицер!

Продолжение следует.

Анна КОРЖАВИНА

**ТАК
ХОЧЕТСЯ
ТЕПЛА**

Стихи

* * *

Над зелёными горами
Солнце ранено навывлет,
В золотой закатной раме
Тихо стынет.

Не надейся на движенье.
Море нежится в покое.
Посмотри на отраженье
Серебристо-голубое.

Голубое легче пуха.
Высоко же, не упасть бы.
Я, наверно, слишком сухо
Описала это счастье.

* * *

Прошлое плывет по реке
Косяком из золотых рыбок.
Ты идешь один. Налегке.
Нет еще смертей и ошибок.

Впереди чухотка, война,
Бомбы, газ, туннели, награды...
И семья, достигшая дна,
Выплывать по-новому надо.

Скачки впереди и бои,
Стиснутые в трауре губы...
Кажется, не хватит земли,
Чтобы закопать твои трупы.

* * *

Ничего, что воняет рыбой,
Чайки кружат голодной стаей.
Облаков золотые глыбы
Вот-вот растают.

Тени ранят асфальта гладкость.
От кондитерской тянет сладким.

Если мир потеряет резкость,
Я построю облачный город.
Пляшет лунная занавеска.
Кто-то смотрит из коридора.

* * *

Крюкову Константину

Знаю, так будет: день отлит из золота,
И на коленях твоя голова,
Стали руины городом,
На свалках растёт трава.

Вижу рождение твоей улыбки
Там, где асфальт стёрт до земли,
Там, где закат как на открытке
И ничего не болит.

* * *

Снова прибыльный день,
 снова ночь будет ад,
Снова лето в офисе и без солнца.
Остаётся воля и жёсткий взгляд,
А доверия не остаётся...

А потом будет встреча. Брюнетка с арфой.
Пара взглядов и все. Осколки не соберёшь
От себя вчерашнего. Как же жарко!
Ты давно не наивный мальчик.

Откуда же эта дрожь?

А ВСТАЛА ОНА — НА СОЛОМЕ
(баллада)

Был Джордж пастух, сын пастуха.
И не водилось за ним греха,
Дед пас овец его тоже.
Но встретил однажды он леди Элейн,
Бродила по скалам она как тень —
И продал Джордж душу черту.
Чтоб получить дочку лорда.
Чтоб леди Элейн,
Прекрасна как день,
До гроба делила с ним ложе.

Дал ему черт
Бархат и шелк,
Осанку и вид вельможи.
«Быть по сему!»
Коня дал ему,
Всего поместья дороже.

Увидел лорд, что гость их богат,
Что златом расшит его наряд,
Что с дочери глаз не сводит...
Дочь на него совсем не глядит.
Она о своем женихе скорбит.
Подолгу на скалах бродит.

— Нет корабля и нет вестей,
Пал на войне, не собрать костей.
Ждать его глупо, дочка.
Ты всем соседям дала отказ,
Будь же умней на этот раз,
Замуж пойдешь и точка!

Мог бы продать тебя старику,
Иль горбуну, иль дураку,
Ты знаешь, в гневе я все могу!
— Слово дала ему, отец,
Может, в пути от него гонец?
— Я разорен. Нам конец.

— Скажите, чем нехорош я вам?
Все, чем владею, легко отдам

За ваши руку и сердце...
— Глянь же, на принца он похож!
Замуж сегодня же ты пойдешь!
Или забью до смерти...

В замок привез он леди Элейн.
На злате ей постелил постель.
А встала она — на соломе.
Муж ее вдруг — простой пастух,
Вместо шелков на нем кожух,
В печке давно огонь потух,
Холодно, сыро в доме.

С горя едва не сошла с ума.
— Как нам согреться? Уже зима.
— Хворост в лесу тебя ждёт, миледи.
— Замок и слуги-то был обман!
— Но все равно ты — моя жена.
Пойди раздобудь нам снеди.

* * *

Мы идем на север,
Хворост собираем,
Топчем пыльный клевер
На пути до рая.

На дорогах серых,
На дорогах скользких
Сколько есть примеров
Маленького скотства.

Но на камнях плит
Засыпает вечность,
И звездой горит
Нам последний вечер.

* * *

К тебе иду.
Так хочется тепла!
Поймать звезду
Увы, я не смогла.

Стареть легко, когда твоя рука
Надёжнее гранита.

Что до него, до твоего врага —
То прошлое мертво.
Отпето и зарыто.

* * *

Между курсами и работой,
Между акциями и сводками
В старом доме из полумрака
Светит платье цвета граната.

А рука такая тонкая,
Что дотронуться было б страшно...
Где-то рядом с родными высотками
Пахнет ландышем.

Кто она? Ничего не выяснить.
Двести лет песок уже сыпется,
А мобильник хочется выбросить.
Остановишься — мигом вытеснят...

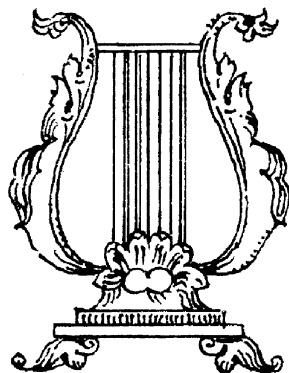
Он откроет банк в самом центре города,
За два дня до того, как стукнет тридцать.
В пятьдесят он встретит ту даму из молодости.
Но не на картине её увидит.

* * *

Мне счастье приснилось.
Река серебрилась,
Смеялись качели.
Мы, кажется, пели.
А солнце касалось воды
И наши стирало следы.

МОЛОДАЯ ПРОЗА ЗАРЕЧНОГО

Мария ВЛАДЫМЦЕВА

ПОСЫЛКА С ДЕТСТВОМ

Вот я и добралась до Иваново. Город уже ждал меня на вокзале — вздымался в небо Памятником борцам революции, распутывал ленты трамвайных рельсов, недоверчиво шурился старыми павильончиками киосков, пестрел голубиными крыльями, пьянящей синевой вечеряющего неба. Напрасно. Здесь я провела детство, поэтому вижу крошащиеся плиты под ногами (давно не асфальтировали), уродливые неоновые вывески ночных клубов (надо будет зайти), сидящих на остановке пьяниц в засаленных грязных куртках.

Еще грустнее становится, когда подъезжаю на такси к подъезду. «Вечная» лужа и вправду оказалась вечной: огромная — метра три в длину — выбоина в асфальте, грязь в ней не высыхала даже летом. В детстве мы любили кидать в нее рябину — кто дальше. Мне это удавалось лучше всех: плух — только круги расходятся по воде.

Я снова приехала сюда. За бабушкой. Ей пошел девяносто первый год. Стало тяжело жить одной, выбивать сор из ковров, мыть посуду. Ни готовить, ни есть старушке уже не хотелось. И тут я поняла: если срочно не забрать её к себе, на Новый год уже никто не пришлёт мне гигантскую открытку с Дедом Морозом, коробку седых конфет с истекшим сроком годности и письмо с пожеланиями счастья и просьбой беречь здоровье.

Войдя в квартиру, тут же попадаю в цепкие бабушкины объятья. Она плачет и причитает. Видно, что готовилась и не раз по ночам прокручи-

вала эту сцену в голове. Ещё бы — года три не виделись. Напротив двери, на стене в коридоре, темнеет островок зелёных обоев — тут висели часы с кукушкой и гирьками-шишечками. Когда была маленькой, мечтала дёрнуть («ну, хоть разок») за гирьку.

— А где часы?

— Соседям отдала, я же переезжаю.

А вечером, сидя на бежевом диване-раскладушке ещё советского производства, мы смотрели новости на федеральном канале. Показывали бомбёжку на Донбассе. Бабушка опять плакала и, грозя тщедушным кулачком в экран, говорила, что Порошенко надо на дыбу вздернуть. Наблюдая за ней, я всегда удивлялась, как в ней уживаются эти две натуры: алкоголику из квартиры напротив на опохмел денег даст, а молодого кота-задиру велит отнести в ветлечебницу, чтобы его усыпили. Он, видите ли, её за ногу укусил. Котика, естественно, никуда не понесла, просто выводила на улицу.

Бабушка уверена, что скоро начнется третья мировая война, но меня это не беспокоит, потому что у меня нет мужа и мне двадцать восемь. По вечерам с подружками я хожу в бар. По субботам в баню — опять-таки с девчонками. Ничего так жизнь. Не напрягает. Вообще-то я жду исполнения предсказания.

Мне в двенадцать лет одна знакомая цыганка, моего же возраста, нагадала, что выйду я замуж за богатого человека, который будет значительно старше меня. Пока не появился. Приходится вертеться самой.

Всю неделю бегаю по инстанциям как сумасшедшая. Выстаиваю длиннющие очереди, оформляю бумажки на выписку, выправляю потерявшиеся документы. Кажется, что прошлая жизнь была не со мной. Здесь всё такое странное. И я странная. Приходят пенсионеры, как привидения: сгорбленные старики в растянутых спортивных штанах, бабушки в залатанных ситцевых халатиках с ободками на седеющих головах; тревожат постоянные телефонные звонки — эхо из параллельного мира. Этих людей я когда-то знала как веселых, сильных, умных Взрослых. Они присматривали за мной, ещё малышкой. Чем дольше здесь остаюсь, тем больше растёт ощущение, что меня окружают лишь старики. Весь прежний объёмный мир сжался до одного подъезда. Старикам нужно моё внимание и помощь. Они тянутся караваном в нашу квартиру и просят то заплатить за свет, то вымыть окна, то купить молока и хлеба, то просто поговорить. Очень странное ощущение не покидает меня: словно я, как Алиса, попала в Зазеркалье и при желании могу вернуться обратно, а Красная и Белая королевы, Кролик, валеты с пиками, Шляпник, Соня — словом, все мои приятели не смогут вырваться в нормальный мир, потому что они заколдованные. Мечта поскорее покончить с бумагами и рассеять морок этого города была возведена мною в куб. Я уже начала втайне ненавидеть Иваново и всех, в нём проживающих. Город

лицемерил и врал, показывая неприглядные картинки, отличные от детских воспоминаний.

* * *

Целыми днями разбираю вещи: выбрасываю на свалку ненужные. То, что ещё может сгодиться, уносят себе соседи. Отрывной календарь настаивает, что за окном лето. Уличный термометр показывает плюс восемь. Я одеваюсь, как капуста, во множество привезённых вещей, а это две футболки, кофта и толстовка, но всё равно мерзну. Такое чувство, что воздух из Арктики пригнали. Вместо пенопласта на свалке мне даже привиделись молочные нерпы с чёрными умильными носами и белые медведи. Я потянулась, чтобы их погладить, но вовремя взяла себя в руки и побежала в квартиру, чтобы «утопиться» минут на десять в чае и «спрятать» в себя пару бутербродов с маслом и сыром.

Довести до конца задуманное мне так и не дали. Звонок в дверь отвлёк меня от поглощения первого бутерброда. На пороге стоял молодой мужчина и тетя Миля, пенсионерка с третьего этажа.

— Привет. Баба дома? — деловито шмыгая носом, осведомилась старушка и, не дожидаясь ответа, прошла в коридор и дальше в зал, где в это время моя бабушка пыталась разобрать мелкий шрифт «Российской газеты», которую бесплатно совали во все без исключения почтовые ящики микрорайона.

— Классно выглядишь, — ответил парень на мой вопросительный кивок головы. — Я Леша. Внук этой активной пенсионерки. Помнишь, раньше мы играли в «подкидного дурака» и «свинью»? И ты всё время проигрывала.

Я сглотнула непрожёванный кусок и хмуро посмотрела на него. Во-первых, я постоянно выигрывала. Во-вторых, на мне сейчас был старый сарафан из тех, что я носила, будучи подростком. Он был немного коротковат — выглядела я нелепо, и, следовательно, парень издевался.

Сделав над собой усилие, я напрягла память и вспомнила некоего Алёшеньку-сыночка, сына дяди Лёши — отсюда и прозвище. Дворовые ребята звали его по-другому — Одуван. Лыняные волосы торчали вверх строго вертикально, как будто по его шевелюре прошлись пылесосом. В драки Леша никогда не ввязывался по причине малого веса, спасался бегством при возникновении малейших недопониманий со сверстниками. Теперь же надо мной высился крепыш под два метра в бежевой футболке, красных шортах по колено. Прическа осталась при нём. Брови короткими щетками взмыли вверх — мол: «Ну что? Узнала?»

— Заходи, — кивнула я, нерешительно улыбнувшись уголком рта — незваные гости к вечеру всегда меня нервировали. — Пойдем на балкон, что ли...

Распахнули застеклённое окно, чуть не разрушив бабушкино приспособление для «спасения» голубей: оно представляло собой коврик, натянутый перед незастеклённым оконным проемом в самом верху. Голуби, случайно залетавшие в лоджию, натыкались на преграду в виде коврика и вновь выскальзывали в открытое окно лоджии на волю, чтобы назавтра повторить птичий круговорот.

Как непривычно видеть рядом с собой человека своего возраста! За несколько недель отвыкла от этого. Чтобы не молчать, спросила, всё ли у него хорошо и не случилось ли что-либо у тети Мили.

Лёша только рукой махнул:

— С ума совсем сошла. На старости лет деда в измене подозревает. Якобы он с её сестрой спит. Это в семьдесят восемь лет! Она даже следит за ним, вернее пытается, но на улице теряет деда из виду, а как вернуться домой — уже не знает. А у тебя как дела?

— Нормально, — пожимаю плечами.

— Где работаешь?

— В «Консультанте». Постановления и законы в базу заносу.

— А я — дворником в ЖЭКе.

— Но ты же хотел, дай-ка вспомнить, быть капитаном корабля... дальнего плавания, — подначила я.

— Дай-ка вспомнить... ты хотела быть учительницей... начальных классов, — виртуозно отбил мой выпад Лёша.

Неужели это тот мальчишка, что бегал по бабушкиной квартире, раскинув руки самолетиком? Удивительно. Мы жили в соседних домах. На этом схожесть и заканчивалась. Он был хилак, ручки-ниточки. Обожал фантастику. До ужаса гордился, что на два месяца меня старше.

Лёша высунулся в балконное окно, облокотившись на подоконник, покачал головой:

— Смотри, нашу «площадку» всю машинами заставили, теперь здесь стоянка.

«Площадкой» мы называли место во дворе, где ежедневно собирались ребята, проживающие в ближайшей округе. Оно заросло кустарником, внутри зарослей мы соорудили огромный шалаш и притащили в него полуразвалившуюся мебель — стол и табуретки. Место, защищённое от посторонних глаз, было любимо всеми. На «площадке» решались все наши вопросы, там проходила моя летняя жизнь.

Отвожу взгляд от автостоянки, бывшей когда-то центром Вселенной, закуриваю. Лёша с укором взирает на сигарету.

— Что-о? Что-то не так? — спрашиваю, испытывая от пристального взгляда прямо-таки физическое беспокойство.

— Ты куришь!

— И что?

— Беременным нельзя курить.

- Я?! Не беременна.
- А откуда животик?
- Кушала много.
- А когда-нибудь... ну... собираешься рожать?
- Да.
- А чего ж тогда куришь?

Я одними губами произнесла: «Бесишь». Лёша понимающе усмехнулся.

— У самого-то дети есть? — задаю вопрос. Золотое правило: если не хочешь говорить о себе, задавай вопросы.

— Полный комплект — мальчик и девочка. Просто мы в разводе сейчас. Какая-то ты неразговорчивая. Ладно, бывай. Проведал тебя, на работу надо. Надолго в наших краях?

— Через пару дней уезжаем. Наверное, не приеду больше.

— Ясно. Ну, споемся ещё. Я в «Одноклассниках» есть.

— А я — нет. Не люблю Сети.

— А где ты есть?

— Нигде, наверное.

Перед тем как уйти, Лёша спросил меня:

— Жалко?

— Что? — удивляюсь я.

— Всё. Ну, «площадку», например.

Киваю.

— Не жалею. Всё приходит и уходит, — философски изрёк он. — Уда-
чи.

Когда Лёша и тетя Миля удалились, бабушка ещё долго не могла успокоиться и приговаривала, что я — упёртая бука и никогда не выйду замуж, то есть она мне, конечно же, желает счастья, но замуж я никогда не выйду. Повторив это за вечер раз семь, она наконец уснула. И хорошо.

Завтра нам предстоял тяжёлый день. Однако сон ко мне не шёл. Я лежала на незастеленном диване и уносила, как по воде, в мир детства. Вот я играю в классики, скачу на одной ножке. Резиновый мячик катится по тротуару. Наша дворовая компания смеётся. Смеясь, мы влюбляемся друг в друга сначала чуть-чуть, потом безумно. Я безумно люблю НАС в этом детстве. Это было море свободы в окружении бетонных стен многоэтажек. Ветер дурил нам головы, надувал, как белые паруса, наши души. И мы воздушными шариками летели над улицами, купались там, где купаться нельзя, подкармливали цыганят, тащили домой щенков, пачкали новые платья и джинсы. Мы оставляли босыми ногами следы на облаках.

Я простила этот город за то, что он постарел без моего ведома. Разложив воспоминания о детстве по памятным коробочкам, отправляю их домой посылкой. Кажется, пора взрослеть.

Евгений ДЕМИДОВ

К НОВОГОДНЕМУ СТОЛУ

Место действия: Империя людей, система звезды Грумбридж.

Время действия: далекое будущее, семнадцатое тысячелетие нашей эры.

— Давай! Загоняй её направо! От опушки отрезай! — кричал я инопланетянину на межгалактическом языке, мчась на черной лошади.

Тот, еле держась в седле скакуна серой масти, пытался заставить гасу повернуть в нужном нам направлении. Гаса — это парнокопытное сильное животное родом с этой планеты. Выглядит оно... Как бы описать? Представьте себе газель. Теперь добавьте еще пару ног, чтобы их стало шесть, уберите рога, увеличьте массу тела вдвое, но не снижайте динамики животного. Получилось? Великолепное творение природы, не правда ли? Много мяса, хорошая шкура, а охота на гасу доставляет истинное удовольствие. Это если кто понимает, о чём речь. А то есть разумные особи, которые делают сафари на гравибиллях с лазерным всепрожигающим оружием. Скучно. Да и гаса не то животное: она каким-то образом чувствует наличие поблизости техники и не выходит в таком случае из леса. А гравибиль в лес не загонишь. Пешего же это животное убьёт копытом с одного удара, а убежать от неё нельзя. В общем схема правильной охоты на гасу такая: прилетаешь в эту планетарную систему на небольшом корабле, спускаешься на планету, высаживаешься на лошадях с древним пороховым огнестрельным оружием крупного калибра, корабль отправляешь обратно на орбиту, обязательно оставив кого-нибудь разумного на борту, чтобы в случае обнаружения полицией этот оставшийся член экипажа мог бы сказать: «Да я в телескоп смотрю на планету». Ибо находиться на ней нельзя! Конечно, если ты не в составе экскурсии или исследовательской экспедиции. Но те, как вы понимаете, не охотятся.

Гаса всё-таки повернула в сторону степи и, склонив голову к земле, понеслась во весь опор. Я тоже пришпорил свою лошадь и, встав на стременах, устремился вслед. А мой подопечный инопланетянин, повторив моё движение пятками, свалился с седла в жёсткую траву. Ах ты, неумеха богатая! Ну да ладно! Потом подберу.

— Хей-я! — крикнул я вслед гасе.

Она бежала именно туда, куда мне было нужно — к небольшим кустам. И вот из них, услышав мой крик, выскочила зелёная мускулистая фигура, покрытая чешуёй. Это второй инопланетянин. Того же вида, что и первый. Из всех трёх известных рас они наиболее похожи на людей. Две руки, две ноги, одна голова, прямое хождение, рост и масса схожи. А то, что они зелёные и покрыты чешуёй, так это ничего страшного —

просто они теплокровные ящеры. Самое необычное в облике инопланетян — это их голова. Формой и наличием гребня на макушке вместо волос она напоминает зелёный ананас. Сейчас поперёк лица, от уха до уха, закрывая нос и рот, у инопланетянина была надета маска против пыли. Что поделать — у них очень нежные органы дыхания.

Ящер вскинул пороховое ружьё, и я порадовался за него: красиво и уверенно, как я и учил. Раздался выстрел, и инопланетянин с громким охом шлёпнулся на спину. Да что же это такое! Один с седла свалился, второй отдачу не учёл. Бедовые какие-то охотнички мне попались в этот раз!

Но что там гаса? Ах! Пуля задела ей спину, животное остановилось и желает найти и наказать своего обидчика! Я пронёсся на лошади справа от гасы, дёрнул за поводья. Моё «средство передвижения» встало на дыбы и послушно стало разворачиваться через правый бок, а я снял с плеча карабин и, не слезая сдвигающейся лошади, сделал выстрел, почти не прицеливаясь. Есть! Пуля вошла в толщу мяса над левой средней ногой. Это сбilo пыл гасы, и она уже обратила внимание на меня. Я быстро передёрнул затвор, перенёс ствол по другую сторону уже развернувшейся лошади и выстрелил снова. В последний момент гаса дёрнула головой, и пуля лишь скользнула ей по макушке! Я споро спешил. Выстрел. Начавшая было разгон гаса замерла с пятном крови между глаз в трёх метрах от меня. Я вижу, как животное падает на землю. Подхожу вплотную. Гаса, дернувшись, замирает, вытянув ноги.

Вот и всё. Невероятно красивое и сильное животное повержено. Ко мне подходит инопланетянин, держась за вывихнутое отдачей плечо.

— Она убита? — спрашивает он с шипящим акцентом.

Я киваю и внимательно смотрю на ящера. Думаю о том, что с каждым разом клиенты владеют оружием и лошадьми всё хуже и хуже. Ранятся, получают меньше удовольствия. А это негативно отражается на моей репутации. Я так без работы останусь скоро!

— Поедем подберём твоего товарища, — говорю я инопланетянину и вспрыгиваю в седло.

Он неуклюже, держась за мою руку, забирается на лошадь позади меня. Мы не спеша едем назад к месту падения первого ящера. Тот сидит в траве, повесив голову. Расстроен. Понятно: заплатил за убийство гасы, а сам не сделал и одного выстрела. По его глазам я вижу, что меня он не винит. И то хорошо. А то было бы море шипения и слюнобрызгания! Я дружески хлопаю его по плечу.

Вдруг над нами проносится тень. Мы скидываем головы вверх. Ах ты! Патрульный корабль! Заметил нас, а через секунду заметит и убитую гасу!

— Садитесь на лошадь и скачите в лес! — быстро говорю я ящерам.

— А ты? — поднимается с земли инопланетянин.

— Я улажу проблемы. С людей полагается только взимать штраф, а если поймают вас, то и так не самые тёплые отношения между нашими цивилизациями испортятся совсем. Вы же не хотите этого?

— Конечно, нет!

— Тогда вперёд! Я вызову вас по коммуникатору, когда всё закончится.

Я проследил, чтобы не на шутку перепуганные появлением патруля инопланетяне скрылись в лесу, и рысцой направился к уже приземлившемуся кораблю патрульной службы. Меня встретили две очень симпатичные девушки-полицейские с современным оружием в руках. Сопротивляться и отнекиваться бесполезно. Я спрыгнул с лошади и аккуратно положил ружьё на землю.

— Очень хороший экземпляр, — кивнула на гасу одна из девушек с пепельно-черными волосами. — Килограмм на сто пятьдесят.

— Где-то так, — согласился я с ней.

— Это грубейшее нарушение, — строго сказала вторая, с глубокими, как океан, глазами. И, повышая жёсткость голоса, продолжила:

— Штраф будет очень-очень большим. И ещё ваш друг на орбите. Вы думаете, мы поверили ему, что он просто любит планетой в телескоп?

— Конечно, нет, дорогая, — обнял я девушку. — Дим, как всегда, сидит на орбите на стрёме.

— Вик... — она слегка уперлась кулачками в мою грудь. — А вдруг ящеры всё видят?

— Майя, да они улепётывают во весь опор. Перепугались сильно.

— Тогда ладно, — и девушка прижалась ко мне.

Вторая девушка, улыбаясь, покачала головой и принялась измерять электронным сканером гасу. Предположения оказались верными: вес животного оказался равен 147 килограммам. Мы втроём аккуратно отрезали лазерным топором шею гасы, пристыковали голову к туловищу и лазерным же прибором сшили ткани вместе, включая кости. Почему мы отрезали шею? Потому что это не только самая вкусная часть животного, но и самая интересная: после остановки сердца железа, находящаяся в шее гасы, начинает выделять в мышечные ткани какой-то особый фермент, и небольшой участок мяса становится чрезвычайно полезным с медицинской точки зрения и стоит очень больших денег. Лишь небольшой круг людей знает об этом и всячески старается не допустить утечки информации в другие цивилизации. Надо ли говорить, что я вхожу в этот круг? Железу мы отправим на очередные исследования на Землю, полезный участок шеи — в медицинский институт для производства лекарств, а вся остальная шея...

— Сегодня сделаем небольшой праздник, — сказала Майя. — А остальное мясо съедим на Новый год. И никаких возражений!

— А я и молчу, — наивно хлопая глазами, ответил я. — Всё равно больше никто в этом году не подал заявок на охоту.

Девушки помахали мне ручками и, забрав с собой шею гасы, залезли на корабль и улетели продолжать проворачивать аферу. Я же по коммуникатору вызвал инопланетян из леса. Примерно через час — далеко же

убежали! — уставшие ящеры подъехали к месту убийства гасы. Долго ходили вокруг животного и радовались его большому весу и тому, что их не поймал патруль, посочувствовали, что меня оштрафовали и возместили этот штраф, переведя соответствующую сумму на мой счёт.

А потом спросили:

— А где у неё шея?

— Не знаю, — искренне удивился я. — Сам думаю: как она до травы доставала, чтобы поесть...

Валерия ПАЛИНА

МАЛЬВИНА

Капризные дети, которые устраивают сцены на глазах у публики, — не такая уж редкость. И чаще это происходит в магазинах, когда малыши азартно цепляются взглядом за понравившуюся игрушку или сладость в красивой обёртке. Нетрудно догадаться, что в этом случае с пустыми руками из магазина ни один малыш выходить не хочет. Однако, случается, слёзы заканчиваются и насупленный ребенок плетётся вслед за мамой и папой, так и не получив желаемого. Либо родителям это не по карману, либо им просто не хочется удваивать и без того немалый аппетит своего чада и потоки его бесконечных «хочу».

Вот и шестилетний Тёма любил покапризничать, причем делал это с особым удовольствием, будто для него не так важна была вещь, как само представление, чётко разыгранное, словно пьеса или слишком затянувшаяся ария. И, увы, маме не всегда удавалось его быстро утихомирить.

Однажды он с мамой отправился в небольшой магазинчик. Молодая женщина, худенькая блондинка без тени косметики на лице, выбирала продукты, а ребенок безо всякого интереса разглядывал прилавки. Ни колбасы, ни йогурты не вызывали у него восторга. Он хотел поскорее прийти домой и включить какой-нибудь мультфильм. Во время просмотра он обычно ничего не жевал, как многие дети, а рисовал героев. Получалось у Тёмы временами не слишком аккуратно, но мальчику очень нравился сам процесс творчества. Кто знает, может, и выйдет из него со временем толковый художник.

И пока мама выкладывала из корзины на ленту батон, молоко и разные овощи, которые вполне могли бы пойти на рагу, мальчик заметил на стеллаже около кассы небольшой островок леденцов. Они напоминали лунные диски с завитками всех цветов радуги. Тёма очень любил эти леденцы, но мама не так часто их ему покупала. И вот сейчас они были так близко и так манили мальчика, что он открыл от восхищения рот и, указав пальцем на один из леденцов, зеленовато-красный, словно арбуз, радостно произнес:

— Мам, купи!

Мама, взглянув на леденцы, неодобрительно покачала головой:

— Доктор не велел тебе есть много сладкого.

Мальчик насутился.

— Но я хочу.

— Нет!

— Купи! — взвизгнул мальчик.

— Помнишь, как ты объелся конфетами и у тебя была аллергия? Хочешь снова покрыться пятнами? — строго произнесла мама.

Услышав это, Тёма заревел на весь магазин и, плюхнувшись попой на пол, принялся размахивать руками и отчаянно колотить ногами по полу. На мать и ребёнка обернулась кассирша, совсем молоденькая девушка с тонкой шеей, и стоявшие в очереди женщины. Почувствовав на себе эти любопытно-удивлённые взгляды, пронзающие ее, будто сотня колючек, мать мальчика смутилась и покраснела.

— Я хочу леденец и хочу покрыться пятнами, как жираф! — голосил ребенок.

Снисходительно наблюдая за плачущим мальчиком, кассирша назвала цену, но, вместо того чтобы оплачивать покупки, женщина схватила ребенка за плечи, пытаясь его успокоить:

— Вставай! Люди смотрят.. Ты ведешь себя некрасиво. И хватит вытирать новыми штанами пол, — мама сгорала от стыда.

— Хочу! Хочу! Хочу! Купи! Купи! Купи! — орал мальчик, корча рожицы.

Стоявшая в очереди женщина, лет сорока, с прической, как у Клеопатры, глядя на этот спектакль, недовольно высказалась:

— Либо вы оплачивайте, либо пропускайте нас. Я не хочу из-за вашего капризного сына опоздать на работу.

— Мой сын не капризный, просто он очень любит сладкое, а ему нельзя. А если бы вы действительно опаздывали, то не стояли бы здесь так спокойно с одной жвачкой, — глянув в её сторону, резко ответила ей молодая мама, пытаясь поднять Тёму на ноги. Однако мальчик упорно сопротивлялся, к тому же еще умудрился перевернуться на живот.

Стиснув зубы, Клеопатра небрежно бросила «Дирол» на прилавок и демонстративно проплыла на своих высоченных каблуках мимо мамы и ребёнка к выходу. Тут и кассирша нахмурилась. Истошно орущий мальчишка отпугнул покупательницу. Хоть сумма была незначительной, но сам факт был неприятен, да и дамочки сзади, нервничая, уже делали матери замечания. У каждой из них были свои дела, и никто не хотел терять своё время из-за чужого ребёнка.

— Не задерживайте очередь, пожалуйста! — настойчиво произнесла кассирша.

Тёма по-прежнему орал и дергался. Мама была в отчаянии.

— Я не буду ничего покупать, — чуть ли не плача, ответила она.

— Но я уже все пробила! — рассердилась кассирша.

Оставив ребёнка лежать на полу, мама принялась в полной растерянности копаться в своей сумочке, чтобы отыскать кошелек. У неё дрожали руки, и ей хотелось поскорее выбежать из этого магазина. Как же она завидовала матерям, у которых детки всего лишь обиженно поджимают губки. Хотя чему тут удивляться: Тёма никогда не был тихим и спокойным ребёнком.

Однажды он чуть было не сбежал из дома, когда отец не разрешил ему оставить крысёнка по кличке Малыш, которого ребенок взял у своего приятеля — родители того были против присутствия дома крысы.

В конце концов Малыша отдали в детский уголок зоологии, а сына Тёму мама самолично сняла с забора, окружавшего их дом, когда тот хотел перелезть его с отцовским рыбацким рюкзаком за спиной. Как чувствовала, что надо было вернуться с работы пораньше.

К магазинной стойке подошла девушка. Её, как и Тёму, заинтересовали леденцы. Женщины уставились на волосы девушки, которые зеленовато-голубоватыми волнами легонько касались её плеч. Их взгляды были снисходительно-жалостливыми, будто та была не совсем здорова.

— Этот магазин, как магнитом, притягивает к себе вот таких, — насторожённо шепнула одна женщина другой, кивнув в сторону девушки с голубыми волосами. — В прошлый раз я здесь видела лысого парня. У него на голове была красная татуировка, как будто с него скальп сняли. Наверняка бандит какой-нибудь. Да и эта не лучше. Нормальные разве такое с собой вытворяют?

Её соседка раскрыла рот и вытаращила глаза так, будто в магазин ворвались террористы.

— Да ты что! Больше я сюда ни ногой... Куда катится мир?..

С этими словами она спешно скинула на ленту свою любимую краковскую колбасу и, испуганно взглянув на девушку, побежала прочь. Кассирша только развела руками. Мама Тёмы уже отсчитывала деньги.

Тем временем мальчик, разглядывая девушку, прекратил реветь и заулыбался, даже слёзы на его лице заблестели как-то очень озорно. Затем он встал с пола и крикнул:

— Мальвина!

Девушка улыбнулась в ответ. Похоже, сказанное ребёнком послужило для неё приятным комплиментом, потому как не все были в восторге от цвета её волос, особенно это касалось её пожилой мамы, которая только и вздыхала, наблюдая за очередным экспериментом дочери. К тому же девушку не слишком удивило, что мальчик ревел. Её племянница, для которой она выбирала сладкое, тоже любила покапризничать у всех на виду, но стоило девочке сказать, будто за ней наблюдает Вовка из Три-

девятого царства, малышка сразу же успокаивалась. Как же она может дальше хныкать, ведь тогда Вовка подумает, что она плакса, а быть плаксою нехорошо.

Тёма решительно указал на тот самый леденец, из-за которого он и устроил всю эту истерику, и решительно сказал:

— Бери этот. Он самый вкусный и красивый.

— Хорошо, раз ты советуешь, — весело ответила девушка. Подмигнув Тёме, она взяла леденец и вернулась в конец очереди.

Быстро складывая покупки в пакет, мама мальчика мысленно благодарила девушку с голубыми волосами. Ведь если бы не её неожиданное появление, Тёма по-прежнему лил бы слёзы. А теперь он выглядел вполне довольным, будто держал в руках этот леденец. Из магазина женщина выпорхнула, будто освободившаяся от плена птица.

— Ты уже не хочешь леденец? — с осторожным любопытством поинтересовалась мама у сына, отряхивая пыль с его светлых брючек.

— Нет, — спокойно ответил мальчик, — я хотел арбузный леденец, но отдал его Мальвине. А ты всегда учила, что девочкам надо уступать. Она ведь правда Мальвина? Из мультика?

— Конечно, она из мультика, — заулыбалась женщина так, будто узнала большой секрет.

— Надо же, я видел Мальвину. Настоящую! — радовался ребёнок.

А его мама втайне радовалась тому, что её сын по-прежнему искренне верил в сказочные истории, в их оживших персонажей и был готов к добрым поступкам.

Полина ТОКАРЕВА

ПРОФЕССИЯ — КОНЮХ

Я — конюх. Это моя профессия. И хоть в мультипаспорте красивым четырнадцатым шрифтом было напечатано «специалист в области ухода за крупногабаритными непарнокопытными животными», я всегда был честен с собой и окружающими.

В конюшне мрачновато, но тепло по сравнению с ветреной осенней улицей. В соседнем стойле слышится перестукивание, всхрапывание и прочие звуки радости коня, который услышал, что к нему идёт человек. Я тоже улыбаюсь доброму и доверчивому существу, в холке выше моего роста и в два-три раза тяжелее.

Автоматические двери с тихим писком открываются после прикладывания инфобраслета к электронному табло. Тут же под потолком начинается медленно разгораться мягкий светодиодный жёлтый фонарь, огоньки приборной панели приветливо переливаются всеми цветами спектра, а единственное живое существо тычется мордой в лицо.

Приходится, фыркая, гладить эту морду, перебирать гриву, целовать в нос и давать кусочки сахара. Приятно, когда тебе рады.

— Количество углеводов превысило среднее значение, — металлическим голосом сообщает динамик системы. Я его с радостью расковырял бы и сломал еще три месяца назад, если б только знал, где он спрятан. Поэтому приходится слушать и молча показывать язык. Всё равно начальство не читает все отчеты, молча отправляя их в корзину и удаляя оттуда.

Пальцы путаются в жёстких длинных волосах гривы, и я вспоминаю изначальную цель приезда в конюшню в пятницу вечером: мытьё гривы. Потому что в субботу и в воскресенье могут приехать маленькие живодеёры со своими родителями. Ух, как я не люблю эти богатенькие семьи, которые могут позволить себе показать ребёнку живую лошадь. Не фильм, не виар-изображение, не фотографию и не коня-робота, на которых разъезжает модная нынче конная гвардия, а именно живую лошадь. Детям, которые из живых существ видели только друг друга. Поэтому их ступор и страх быстро сменяется желанием потрогать, пощупать, надавить, надкусить и дёрнуть. А понимания, что лошадка может ударить ножкой, у них нет. И инстинкта самосохранения — тоже.

Дёрнув головой, чтобы избавиться от неприятных мыслей по поводу невоспитанного потомства, которое только и успевай из-под копыт вытаскивать, я решил вернуться к делам. Снова прикладываю браслет и на электронном табло выбираю красивую маленькую капельку воды. Выскакивает дополнительное окно с кнопками: «с кондиционером» и «без кондиционера». Я выбираю без — так будет легче потом заплести косы.

В подставленное пластиковое зелёное ведро с тихим шумом, чтобы не напугать животное, льётся вода, смешиваясь с пеной шампуня, оптимального для данной породы и данного типа волос — вдруг человек ошибётся. А вот машина никогда не ошибается.

Конь иногда перетаптывается на месте, мотая головой или тычась мне в руки. Но сахара больше нет, как и других вкусняшек. Нечего баловать животное и засорять компьютер конюшни бесконечными сообщениями о том, что в стойле номер два нарушается режим питания.

— Ты мой бедный... Один тут, среди всей этой бесовщины, напуганный... — бормочу себе под нос, чтобы хоть что-то, кроме клочкотания воды и механического жужжания, нарушало тишину. Конь согласен и одобрительно фырчит себе под нос, наверное, о том, что я редко захожу.

— Ну, прости, днём дел полно...

Дел и правда много. Как конюха и по второму образованию инженера, меня направили на работу в конную полицию. Заведующим по инженерной части. Дескать, ты и в конях разбираешься, и в машинах. Я не спорил, пытаюсь привыкнуть к белым пластиковым бокам коней-роботов, к синим цифровым глазам и звукоуловителям на макушке...

...Мытьё гривы заканчивается моим весёлым подпрыгиванием, чтобы достать до чёлки. Конь, гордый по природе, наклоняться отказался, а где находится кнопка вызова дополнительного возвышения, я не помню. Выплеснув воду в слив в углу, я убираю ведро. Потом заберу.

— Ну, теперь расчёсываться.

Для гривы у меня свой старый гребень. Длиной от моего плеча до локтя, с редкими и закруглёнными зубцами — он идеален. Но главным его достоинством считаю то, что сделан он из дерева. Настоящего дерева, теплого и приятного на ощупь. Нынешний быстро разлагаемый и легко перерабатываемый пластик, конечно, тоже хорош. Но не то.

...Я отчего-то вспомнил, как шёл сюда после работы, уставший. Прежде прокатившись по станциям наземного метро, пересел в подвесной автобус, ехавший до окраины, а затем промчался две остановки на монорельсе. Конечно, можно было добираться по воздуху — на аэробусах или в аэрокабинках, но стоили они слишком много — не по моему заработку.

Потому мне еще пришлось идти пешком по промозглой погоде. Ветер срывал слои моего антидождевого магнитного поля. Из-за этого я был весь в интересную крапинку. Сейчас, когда по небу летает всё, что угодно, а под землей столько машин, что мне и думать об этом не хочется, очень странно, что до сих пор не могут сделать нормальные антидождевые поля. Третье уже меняю за год.

— Тебе хорошо. Ты вот под крышей... — жалею я коню на сложную человеческую жизнь в нашем благоустроенном машинном мире, стряхивая с гребешка капли воды и продолжая расчесывать гриву. Бессловесное животное лишь помотало головой, не решаясь спорить. Я похлопал коня по шее, поблагодарив за спокойствие во время такой сложной операции, как распределение гривы по сторонам шеи.

Вспоминаю об объёме работ, когда перед глазами проплывает сообщение от начальника, который сегодня не пришёл, сославшись на то, что хочет соблюдать конно-людовой баланс нашей конюшни. И поэтому я должен справиться один. Хотя раньше, когда была Белка, у него такой отговорки не существовало. Но небо забрало её прекрасную лошадиную душу.

Я мельком взглянул на пятое стойло, где она раньше стояла. Дверь была опечатана, табло тускло чернело прямоугольником на её белом фоне. Прямо к пластику был прибит гвоздь, на который мы повесили её подкову и белую ленточку.

— Одному теперь совсем скучно... — понимающе киваю я. Мне тоже в квартире одиноко и пусто. Но у меня есть домашний компьютер, который может поддержать разговор на десять стандартных тем. Теперь в память компьютеров загружают минимум сотню предлогов для разговора. Но мне хватает и десяти, три из которых — какая-то заедающая научная дребедень про глобальное потепление. А ещё дома есть кот, настоящий,

живой и теплый. Робокоты всё ещё считаются каким-то вычурным средством выпендриться, а живые коты-разбойники до сих пор иногда пугают маленьких детей. Горжусь ими за их котовую стойкость.

— Ну всё. А теперь — сушиться, — я вздыхаю и кладу гребень на небольшую полочку. Конь, точно поняв меня, мнётся, помахивая хвостом и ложась на подогреваемый до комфортной, чуть тёплой, температуры пол своего жилища. Сразу стало тесно, но я, как специалист, смог ловко развернуться и устроиться около животного, прислонясь к его влажному боку. Тот зафырчал мне в ухо.

— Ой, да ладно тебе, — расслабленно вытягиваюсь я, отодвигая от себя дружелюбную морду. — Лучше смотри, что я вчера сфоткал.

Вспомнив главную новость, спешно лезу в карман и достаю телефон, полностью состоящий из сенсорной панели.

Включив, быстро нахожу фотографии. И показываю одну коню. На ней в тёмном небе, сфотографированном из окна дома, видна светящаяся белая точка.

— Это звезда. Точно звезда, — со всей уверенностью киваю я, пару раз нажимая пальцем и увеличивая фото. — Вот тут, под аэробусом. Я спрашивал у Катьки, она астрофизик.

Конь мне не верит и делает шлёп-шлёп губами. Настоящих звёзд давно не видно среди спутников, высоко летящих антиграфисфер и аэрокабинок, но я верю. Ведь звезды никуда не делись. Как светили они тысячи лет назад в зелёных полях над всадниками, что останавливались на ночлег, так и сейчас светят мне с фотографии. Звёзды-то не обманешь техническим прогрессом. И пусть их не видно сейчас в небесах, у меня есть живой конь. И когда-нибудь мы выйдем с ним в поле, как в той старой-старой песне. Я же конюх. Это моя профессия.

Анастасия ТРЕНКИНА

БЕЛЫЙ СЛОН

— Большой слон стоял на холме и смотрел на луну.

— Так не бывает, — замотал головой мой маленький слушатель. — Слоны, стоя напротив луны, не могут видеть её — у них глаза по бокам головы расположены.

— Хорошо. А если мой слон будет стоять боком? Хотя, чтобы снова не допустить ошибку, скажу так: большой сказочный слон ночью созерцал луну на высоком холме.

— А разве его видно ночью?

— Холм?

— Нет, слона. Он же серый, и, когда темно, животное просто теряется во мраке.

— А давай в моей сказке слон будет белый — альбинос. Но если мы поменяем цвет зверя, то и история его поменяется.

— Пускай.

— Итак, большой сказочный и удивительно белый слон стоял на холме и вглядывался в жёлтый диск луны. Не отрываясь, белый слон смотрел на подсвеченный мёртвый спутник Земли, и из его глаз текли слёзы.

— Глупости, слоны не умеют плакать.

— Если ты этого не видел, не значит, что так не бывает, — немного раздраженно проговорил я и продолжил: — Вскоре к животному подошёл мальчик. Из одежды на нём была только набедренная повязка. Кроме того, наш герой был темнокожий и темноволосый. Он был очень худой. — Заметив в глазах моего маленького слушателя вопрос, я пояснил: — Этот мальчик и слон живут в Индии.

— Теперь понятно, почему он почти раздетый.

— Мальчик обвязал ногу слона верёвкой и потянул за собой, спускаясь с холма.

— Какой гадкий человек!

— Прошу, не делай поспешных выводов. Слон послушно шел за своим хозяином. Зверь тяжело вздыхал, иногда поднимал хобот и клал его на плечо мальчика. Вскоре двое остановились у шалаша, сложенного из пальмовых листьев. Хозяин слона привязал животное к небольшому колышку, вбитому в метре от входа в жилище. После этого мальчик поднял с земли глиняную плошку и что-то съел. Полуголодный, он забрался в шалаш и уснул. И ему приснился его большой слон удивительно белого цвета.

— Да он нищий, этот твой герой! — засмеялся мой слушатель. — Готов поспорить, что его родители получают копейки!

— Наутро хозяин белого слона не повёл животное, как обычно, гулять под палящим солнцем, чтобы, если повезёт, проглотить за целый день несколько травинок. Мальчик взял слона за веревочку и повёл в город. По пути прохожие заглядывались на удивительного зверя и показывали на него пальцем. Вскоре наши герои пришли на базар. Хозяин белого слона встал рядом со светлокожей торговкой, продающей кокосы и бананы.

— Уйди, чертёнок! — прикрикнула она.

— Ха, какая правдивая у тебя сказка! — снова засмеялся мой маленький слушатель. — Не вижу разницы между твоей торговкой и сотнями бабок на нашем рынке!

— Не нужно осуждать сразу всех продавщиц, — спокойно проговорил я. — Итак, мальчик и белый слон на верёвочке пошли дальше. Они встали с краю большой палатки, где косоглазый иностранец продавал одежду.

— Э, брат, да твоего зверя все мои покупатели боятся! Уходи отсюда! — с акцентом прокричал мужчина и замахал на хозяина слона руками.

Долго блуждали мальчик и его удивительный зверь, но всё-таки нашли себе место, откуда их никто не гнал. Оно оказалось у самых ворот.

— Продаю белого слона! Единственного на земле! Недорого! — зазывал покупателей хозяин слона. — Всего семьдесят рупий — и он ваш!

— Какой глупый этот мальчишка. Он мог бы развлекать людей этим слоном и зарабатывать большие деньги, а он просто продаёт его!

— Видимо, есть нужда. Наш герой быстро продал своего зверя и, как богач, прошелся по базару. На вырученные деньги он купил ящик ананасов и пять рисовых лепешек. Также бывший хозяин слона решил шикануть, наверное первый раз в своей жизни, и поиграть в дартс за пять рупий. Однако эти покупки и развлечение не доставили ему радости.

— Станный.

— Кто, мой любезный слушатель?

— Мальчишка из Индии.

— А я думал, что ты говоришь о себе. Да-да, ты не ослышался. Станный человек сидит вместе со мной на лавочке и слушает сказку про белого слона. Хотя правильно ли я выразился, что ты её слушал? Совершенно неправильно! Ты критиковал персонажей, появляющихся в моем повествовании, сравнивал их с другими, насмехался. Не переживай, это всё ерунда, пройдет с возрастом. Самое плохое из того, что я заметил, — это то, что ты не расспросил меня о самых важных деталях. Вместо осуждения родителей мальчика ты бы лучше спросил, есть ли они у него. Так вот, нет. Ты не постарался, как говорят в народе, надеть ботинки осуждаемого тобой человека и пройти в них хотя бы несколько метров.

— Подожди. Не говори больше ничего. Я всё понял. Пока.

Мой маленький слушатель поднялся с лавочки и направился к своему дому. Но на полпути он остановился и спросил:

— А если бы ты увидел на рынке белого слона, ты бы купил его?

— Конечно, — не задумываясь, ответил я. — Я бы даже отдал мальчику больше денег, чем он просил. Чтобы помимо ананасов и лепёшек, он купил ещё маленькую ручную обезьянку.

Ефим БЕРШИН

ВОСКРЕСИ!

Стихи

* * *

На меня из тучи бородатой
пялится, глазеет с давних пор
то ли зритель,
то ли соглядатай,
то ли вор.

Я в постель ложусь, не раздеваясь,
и не сплю, как горная река.
Кто-то смотрит, словно издеваясь,
и свистит, как клакер, с потолка.

Робко прячусь, как окно, за шторы,
нищий, словно кладбище ворон.
Только воры, воры, воры, воры
на меня глядят со всех сторон.

Кто-то шепчет и шуршит над ухом,
и сулит награду, и поёт...
Словно я и вправду нищий духом,
и придет царствие моё.

* * *

Хочу к Иисусу Христу,
туда, где луна – коромыслом,
где черных ночей пустоту
еще не заполнили смыслом.

Где воеет, как раненый зверь,
песок, перемешанный с ветром,
и слово, скользнувшее в дверь,
еще не назвали Заветом.
Туда, где у самой воды
пока не устроены церкви,
и цели еще не видны,
и даже не выбраны цели.
Где спит на заре Назарет,
как в обмороке глубоком,
где юный еще Назарей,
пока не назначенный Богом,
в застолье к исходу поста,
хвалу принимая и ругань,
целует Иуду в уста,
как самого близкого друга.

* * *

Умоляли пригорки, озера и лес,
задыхаясь под выцветшим сводом небес:
«Если есть еще кто-нибудь на небеси —
воскреси!
Воскреси хоть заблудшую душу одну,
воскреси опустевшую эту страну,
эту прорву земли,
это скопище вод
воскреси!
Воскреси хоть на время!»
И вот
воскресаем всем кладбищем —
Боже, прости! —
на какой-то фальшивой скрежещущей ноте
воскресаем червонной монетой в горсти
и кусками лоснящейся плоти.
Воскресаем, вздымая на крашенный крест,
золотые пригорки, озера и лес.
И воскликнул Господь наш на небеси:
«Воскреси!»

* * *

Что музыка?
Один звучащий воздух,
украденный у ветра и калитки.
Мы тоже кем-то сыграны на скрипке.

И, словно тополиный пух, на воду
сажающийся, мы тоже безъязыки,
как первый снег или ребенок в зыбке,
как легкий скрип январского мороза.
Исторгнутые, словно сгоряча,
размашистым движеньем скрипача,
ни замысла не зная, ни лица,
обречены до самого конца
искать следы шального виртуоза.

* * *

*Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.
Марина Цветаева*

Красные рыбы в зеленом пруду.
Желтые листья — по синему небу.
Я никогда уже к вам не приду.
Я никогда уже к вам не приеду.

Листьев и пуха беспечный балет,
шелест реки и бездонное утро
я променял на трамвайный билет
неопознанного маршрута.

Тихий Тирасполь, Москва и Париж —
помнишь, мы тоже когда-то там жили?
Это твои города, говоришь?
Это — чужие, чужие, чужие.

Видишь — чужой распластался бульвар,
видишь — чужие усталые спины,
видишь — чужой закипел самовар
старого рынка возле Неглинной.

Мчатся вдогонку чужие дома,
мимо проносятся встречные рейсы,
и, словно шпаги героев Дюма,
кто-то скрестил параллельные рельсы.

Все сведено к одному образцу.
Но, от чужих городов изнывая,
вы возвращали билеты Творцу —
мы возвращаем билеты трамваям.

Михаил ФЁДОРОВ**КАДЕТЫ****Повесть**

Описанные события ничего общего с реальными не имеют, и все совпадения случайны.

ЧАСТЬ 4**1**

— Курская дуга! — Федин тяжело вышел из областного суда.

Он вытирал пот со лба. Рядом стоял Геворг Павлович и улыбался:

— Мне понравилось, как ты в конце им дал: «Уничтожают корпус... пенаты наших детей...»

Тут же переминался с ноги на ногу бледный, даже с лицом чуть синюшного цвета Толоконов.

— В общем, не удалось, — сказал ему москвич.

— Я так и знал, эти власти не допустят... — произнес Толоконов.

Он час до заседания молился в храме — видимо, не услышал его Бог.

Пять часов назад началось это «побоище». Федин вспомнил, как к двум часам явился в суд, как с москвичом пришла крупная женщина — бывший учитель. Она покрутилась-покрутилась и, сказав: «Что ж судьи такие непунктуальные — два часа, а не начинают», — ушла: у нее были свои женские дела. И через пять минут, как она удалилась, в зале появилась тройка судей.

Лысый — с блестящей черепушкой, с загребущими руками, с фамилией, относимой к свечам. «Может, поможет?» — подумал Федин.

* Окончание. Начало в №5 за 2020 год.

Маленькая брюнетка с челочкой на лбу — её Федин назвал «малышка».
И какая-то невзрачная, рыжая...

«Малышка» тоненьким голоском объявила:

— Слушается жалоба Толоконова на решение Центрального районного суда... Кто явился по делу?

— Адвокат Федин, — он встал со скамьи.

— И еще представитель Толоконова... — встал рядом сидевший с Фединым москвич.

Он чуть не опоздал в заседание, заскочив в зал позже назначенного времени.

— Это истцы... А ответчики? — «Малышка» смотрела в зал.

С соседней скамьи поднялся белобрысый, рыжеватый юрист:

— Я от департамента... Можно выключить кондиционер?

«Малышка»:

— Будет душно...

— Но я болею...

«Чтоб ты сдох!» — пронеслось в голове Фебина.

— Вы отсыдьте...

Следом встал чернявый очкарик:

— Я тоже от департамента. Их адвокат.

И тощий полудедок:

— Я от кадетского корпуса.

— А Толоконов? — спросила «малышка».

— Он заболел, — встал москвич, — и просит дело отложить...

— Да, мы получили от него ходатайство, — сказала «малышка».

— Ничего-то он и не болеет, — встрял юрист департамента. — Я ехал с ним в маршрутке... Он пошел молиться в храм...

Судьи переглянулись.

«Малышка» поправила у себя на плече мантию:

— Как же откладывать, если его видели...

Федин посмотрел на москвича: Толоконов должен был встретить Сафьяна на вокзале, но зачем же светиться?

Москвич как ни в чем не бывало молчал.

Федин многому удивлялся: как ослабла защита, когда вожжи передали столичным адвокатам: вы, мол, руководите... И вот те и «рукой водили».

Понимая, что с отложением пролетели, москвич:

— Я заявляю ходатайство...

Долго и нудно читал о том, какие документы в деле оказались подложными, и приводил к мысли:

— Нужна экспертиза.

— А что в первой инстанции не назначили? — резко спросил лысый.

— Так нас лишили такой возможности, — ответил москвич.

Федин чуть не вскочил: это спрашивает докладчик по делу? Он, что, апелляционную жалобу не читал? Дело не открывал? Часто замечал, как судьи областного суда жировали, не утруждая себя даже заглянуть в дело.

Если насчет переноса заседания осталось мало надежд, то на проведение экспертизы имелись все «за».

«Первый танк пошел в атаку», — промелькнуло в голове Федина. Судьи удалились.

2

Федин предвкушал:

— Назначат экспертизу, и дело отложат...

Москвич:

— Конечно, а как же... Суд первой инстанции до этого не дошел... Это бить нечем...

Тройка вышла, заняла места за столом, и «малышка»:

— Отказываем в ходатайстве...

Геворг Павлович скривился: «Они, что, ненормальные?» План отложить заседание лопнул. Завтра в город приезжает комиссия из Москвы по обращению кадет, и лучше было бы судиться после ее выводов. Но...

Судьи первый «танк» защитников директора корпуса «подбили».

Что ж? Разведка боем проведена, тогда... москвич зачитал апелляционную жалобу Толоконова. С мертвыми лицами без всякого движения слушали судьи. Лысый отклонялся на спинку стула. «Малышка» почему-то теперь надела очки. Рыжуха вытянулась. Юрист от департамента сидел под кондиционером в куртке, подняв воротник. Его чернявый коллега шмыгал носом. Они морщились.

Почему?

Москвич неверно ставил ударение в фамилии руководителя департамента, и звучало вместо «Костюно́в» — «Костю́нов».

Следом встал Федин:

— Ответчик обманул суд первой инстанции... В деле имелись приказы, где не было согласований... Но он вложил другие — они поддельные! Они сфальсифицированы! Не будь их, им ловить было бы нечего... Мы просили время для назначения экспертиз, и тут суд на полном ходу сбросил нас «с идущего поезда», как можно выразиться, — не дал нам ни назначить экспертизу, ни ее провести...

Он не видел, что делали судьи, но чувствовал: слушают.

Он гнал «танк» вперед.

— Мы просили допросить руководителя департамента Костю́нова, — произнес фамилию, как Геворг Павлович, а потом поправился: — Извините, Костюно́ва... Зама из департамента земельных отношений... Заместителя губернатора... Но в этом суд отказал... Ему не нужно было знать правду... Нам не позволили уличить их во лжи...

— Тише-тише, — кто-то нашептывал.

И уже встал в дверях судебный пристав с дубинкой: авось пригодится.

А Федин шпарил.

И закончил:

— Вы что, не видите: вашими руками хотят уничтожить корпус... Задушить только что расправившее крылья движение... Подстрелить на взлете...

После выступления Федина выехали «танки» ответчиков: что-то, шмыгая носом, квакал чернявый адвокат, что-то, поеживаясь, писклявил рыжий юрист. И, отвечая на вопросы адвокатов директора, попадались в ловушку.

Казалось, суду представлены веские аргументы и исход предreshен — отменяют решения.

Ситуацию пытался поправить полудедок, который стал обвинять Толоконова:

— Он Октябрьскую революцию назвал «бунтом пьяных матросов»... День Советской армии — «торжеством пьяных шлюх»...

Судьи хитро улыбались.

По залу бегал шумок.

Полудедок:

— Толоконов ничем не занимался в корпусе...

Старался создать впечатление, что при Толоконове корпус превратился в сборище недоделков и хулиганов.

— Кадеты плюют преподавателям в лицо! — сорвался в истерику дедок. — Дошло до того, что один воспитатель, полковник-чекист, ударил кадета головой о стенку...

Что ж, адвокатам Толоконова пришлось снова посылать свои «танки» в бой.

После вопросов выяснилось, что Толоконов сам вел занятия по истории кадетского движения, корпус при нем был не так уж и плох — выбился в лучшие по стране, а полковник избил кадета уже после увольнения Толоконова, и Иван Александрович ни при чем, спрашивайте с нового директора.

Федин переглянулся с москвичом: ну что, дальше поплёрли?

Видя, что могут и проиграть, решили еще нанести удары, укрепить свои позиции:

— Прошу назначить экспертизу...

Федин повторно гнал «танк».

Судьи вместе:

— Отказать.

— Прошу допросить Костюнова...

Судьи и на этот «танк»:

— Отказать...

— Заместителя руководителя департамента... — «танк».

— Отказать...

— Заместителя губернатора... — еще «танк».

— Отказать...

Все «танки» подбивали...

Федин выводил новые «танки», но им проходу не давали...

Что ж, тогда это будет задел для жалобы выше: послали лесом по всем статьям...

Он не заметил, как подошли к прениям, и он:

— У вас особенное дело... С одной стороны, департамент... Это ого-го какая весовая категория! А с другой — один человек, директор корпуса... Но это неверно. С другой стороны — кадеты... Вам надо это учесть и подойти к жалобе Толоконова предельно осторожно... У нас уничтожают корпус... Пенаты наших детей... И мы ждем от вас, как поступил бы отец родной, спасая детей... Отмените решение...

Когда судьи ушли на совещание, Федин посмотрел на Сафьяна: тот сидел без особых переживаний, забросив ногу на ногу.

В голове голосом «малышки» ещё звучало грозно: «отменить», как вышла тройка и зашепелявил лысый:

— Отказать в удовлетворении жалобы, — и очень уважительно: — Ивана Александровича...

«Свечку тебе за упокой надо поставить! — чуть не вылетело из Федина. — Не хватило силенок защитить человека...»

Федин в очередной раз видел, как облажались судьи.

«Малышка» стояла с виноватым лицом, что уже не могло никому ни в чем помочь, разве что в пользу нищих.

3

Когда вышли в коридор, Федин удивился его пустоте.

А на выходе из суда им бросила вслед уборщица:

— Рабочий день давно закончился...

Только тут Федин глянул на сотовый и включил говорящие часы.

— Девятнадцать семнадцать... — удивительно громко прозвучало чуть не на весь двор.

— Эге! Судились пять часов!

— Да, сели в третьем часу... — хмыкнул Геворг Павлович...

Здесь и подскочил бледный Толоконов.

Молитвы его не помогли.

Федину было тошно: он в который раз убеждался в продажности суда, на этот раз продались властям.

Казалось, при увольнении допущен миллион нарушений, а суд не узрел ни одного!

И он успокаивал себя:

— Иван Александрович, вы особо не переживайте...

Он боялся, что тот может совершить резкое движение.

Сафьян собирался на вокзал — ему скорее хотелось в столицу.

В суматохе даже не поинтересовались здоровьем Штерна.

На следующий день в кадетский корпус приехала комиссия из Москвы. Толоконову кадеты сообщали: Костюнов бежит зеленый, красный, белый. Кадеты рассказали, как их унижали, как вымогали деньги, как прекратили послеклассное обучение, как изживают, как пьяные воспитатели матерятся.

Теперь ждали, что решит комиссия. Хотя волновало одно: снимут главную фигуру преткновения — Костюнова — или нет? Если снимут, то давление на суды прекратится, тогда они расправят плечи, а если нет, тогда будет потяжелее.

Федин восхищался кадетами, воспитанными Иваном Александровичем, — они за него готовы были хоть куда, хоть в приемную президента, хоть — самого Бога! Таких учеников он не встречал: даже в его интернате, когда снимали директора, школяры повоевали, голодовку объявили, но потом рта не открывали, хотя понимали, как ухудшилось обучение после ее ухода — с ней ушли многие высокочеловеческие учителя.

— Ха! Вот ларчик и раскрылся...

Толоконов рассказал, как учительница, которая не дождалась заседания, при выходе из здания областного суда чуть не столкнулась в дверях с губернатором.

— Ой, здравствуйте, — она когда-то была у того на приеме, защищая кадет.

Тот кивнул головой и прошел мимо.

— Значит, за пять минут до суда губернатор выходил из облсуда. Что бы это значило? — спросил Федин загадочно.

— Не знаю, — сказал Толоконов.

— А я знаю. Это значит, что у нас есть сомнения в беспристрастности суда, к которому, — поднял палец и произнес с ехидцей, — не исключено, что протоптал дорожку сам губер... И теперь понятно, почему нас гнали в шею, в шею, в шею...

Выглянули костюновские уши: вот кто крышует захватчиков школьных земель! Самый что ни на есть избранный-переизбранный, залетный москвич, бывший министр. И чуть ли со стоном не вылетело: «Когда ж вы насытитесь, алчные волки...»

А Толоконов:

— Поговаривают, уберут...

Это Федин слышал сто и один раз.

4

Через четыре дня звали на суд по уголовке. Москвичи звонили: то придут, то не придут, то придет Геворг Павлович, то Олег Иосифович, то снова Геворг Павлович и Олег Иосифович.

На город налетела жара: сушило и гоняло ветром тучи пыли. Федин еле успевал в редкие оконца между дел поехать на дачу и что-то поса-

дить: огурцы, тыкву, укроп, лучок — и полить свежие лунки. Отливать ростки картошки, кусты смородины и клубники, причитая:

— Век живи и век удивляйся...

Жалел, что не ему попался губернатор при выходе из облсуда, он бы его просто так не упустил: подробно бы расспросил о цели посещения Дома Фемиды.

Шли заседания по халатности. Менялись прокуроры: с тремя звездами на погонах полковника, потом с двумя звездочками лейтенанта, а дальше — с одной звездой майора. Менялись кадеты и их мамы. Менялись адвокаты: то варяжский Федин и москвич Геворг Павлович, то варяжец и москвич Олег Иосифович, то один варяжец или один москвич, и так двигались от заседания к заседанию, от жары к ливню, от ливня к жаре, изнемогая при жаре и промокая при дождях.

А детище Ивана Александровича задышалось, теряя свой кадетский дух братства, верности, бойцовскости.

Вот жене Фемина пообещали путевку в санаторий под Варяжском, и он с ней засобирался на отдых. Адвокат спрятался в санатории. Сначала ему это удавалось: прогулка на лодке по реке, подводный душ, бассейн, кино в клубе. Все как бы отвлекало. Но ненадолго. Прорывались телефонные звонки — его требовали назад. А уже на следующий день после возвращения потянули в суд. Опять кого-то допрашивали. Два прокурора, полковник и майор, по очереди нудно выуживали у свидетелей компроматы на Толоконова, на что Федин резко реагировал и, как обычно, получал от суда замечания.

Но когда упрекнул судью: «А почему вы прокурору позволяете так вести допрос?... Наводящими вопросами...», судья огрызнулся: «Михаил Васильевич, ведите себя...»

А как вести иначе, если не ведется.

Вот допросили библиотекаря. А она сказала про Петрина Сему:

— Он выскочит из-под парты и ляжет на пол...

На что прокурорский полковник:

— Это не имеет значения!

Федин:

— Как не имеет? У человека отклонения...

Прокурор отмахнулся рукой:

— Не имеет...

— А если прокурор выскочит из-за стола и ляжет на пол, я должен реагировать?!

Это вызвало замешательство у прокурора: на полу никто не лежал.

У судьи во рту что-то заклинило: он шлепал губами, но звуков не раздавалось.

Полковник, глотая пилюлю адвоката, нервно одергивал китель. В нем что-то росло, готовое вот-вот выплеснуться. Майор-прокурор протирал

вспотевшие вмиг очки, сжимая рот от хохота. Сосед Федина, москвич, втянул шею в плечи.

Судья обрел дар речи:

— Конечно, должен...

А Федин теперь поглядывал по сторонам: хорошо, что Петрин и его мамаша с некоторых пор прекратили ходить в суд, а так бы немой сценой не закончилось.

5

Допросы шли: воспитатели то лили грязь на Толоконова, то, наоборот, возносили его до небес, и тут зверели прокуроры, нападая:

— А вы на следствии говорили другое...

— Ну и что, я теперь иного мнения... — воспитатель ухватился за края тумбы, как за борта лодки.

— Ложные показания! — чуть не хлопал в ладоши прокурор-майор.

А полковник:

— Вас посадят...

И судья:

— Что, ввали тогда?

— Нет, не врал, — приседал от «выстрелов» за тумбой воспитатель. — Но теперь я понимаю, что кадетский корпус — это не армия, где я до того служил. Там иные меры воспитания. Выговор, наряд... А тут — дети... К ним такие высокие требования дисциплины ставить нельзя...

— Вот, это не солдаты, а дети! — подхватывал Федин, что разозлило судью.

— Михаил Васильевич, не мешайте...

Вот в зале появилась та, которую ждали: библиотекарь Подседова. Именно к ней первой пришли кадеты («Поговорите с Семеном Петриным!» — «О чем?» — «Чтобы бросил делать плохие дела», — вспомнил Федин протокол допроса библиотекаря) и, как могли, рассказали о случившемся... Она тогда помчалась к воспитателю. А тот взялся за кадет: «Что там у вас?» Ну, чисто по-армейски, они и замкнулись.

Федин смотрел на костлявую женщину: «Что ж ты раздула...»

А она говорила суду:

— Я иначе не могла... У меня у самой дети...

У Толоконова играли желваки на щеках.

Библиотекаря за тумбой сменила психолог Архентова — упитанная толстушка с выпуклыми глазами.

— Когда мне сказали, что Семен Петрин с кадетами... (ей об этом рассказала библиотекарь: приходили кадеты, просили повлиять), — Архентова облокотилась о тумбу, — то я пригласила Петрина Семена и спросила: «Правда, что такое было?» Семен покраснел и ответил: «Это шутка». — «Разве так могут шутить?» Мол, кадеты так не шутят. Сема на следующий день пришел: «Я их простил за такую шутку».

Все слушали с замиранием. Словно им раскрывали что-то потрясающе важное или потрясающе интересное, а для Федина — возмутительное и мерзкое.

Архентова рассказывала, как Семен стал приходить к ней и настойчиво убеждать, что «всё нормально», «всё хорошо» и: «Вы мне верите?» Она ему ответила: «Верю».

Федин невольно представлял, какие муки испытывал Семен Петрин, решая для себя, как поступить, и не находя выхода, а присутствующих в зале больше занимала пикантная сторона истории.

Архентову тревожило другое: ведь подросток ходит и ходит. Если бы ничего не было — что ходить? Забыл, и всё. А раз ходит, что-то его тяготит.

И психолог:

— Мы стали думать, что мальчики балуются. Версия насилия отпала. Так как ребенок ведет себя спокойно, не видно синяков, нет переживаний... Да и как возможно насилие, когда в комнате спят по двадцать кадетов, и, если бы было насилие, этого не скрыть.

— Вот! — Федин взмахнул рукой.

И удивлялся, почему коллега из Москвы отмалчивается.

Архентова:

— И осталось две версии: либо на самом деле «шутка», либо у Петрина Семена с кем-то возникли определенные отношения и надо вывести из этого состояния.

«Когда публично опозорили, он переживал, это могло привести к суициду, — понимал Федин. — Нужно было во что бы то ни стало снять остроту переживаний, направить в нужное русло».

Психолог Архентова почти легла на тумбу от какой-то внутренней усталости:

— Я видела: у Семена... имели место косвенные признаки добровольных отношений... Он не плакал. Спокойный. То есть ни о каком насилии мыслей и не было!

«А вы тут раздули», — Федин посмотрел на прокуроров.

6

Слушали психолога, как 14 или 15 июня ей воспитатель сказал, что имеет место «насилие». В это время Сема уехал домой «за погонями» и «рубашкой», и, когда вернулся, она: «Тебя принуждали?» Он: «Да». — «Сообщи отцу и матери». 16 июня 2014 года ей сказал, что его «насиловали».

Самый осведомленный в корпусе человек о происходящем с Петриным узнал 16 июня 2014 года, — зафиксировал в памяти Федин.

Архентова продолжала... Она пошла к Толоконову, рассказала. Тот был расстроен. Она: «Надо в полицию». Толоконов: «Я сначала поговорю с отцом».

Федин зафиксировал: получив сообщение, директор решил выяснить ситуацию у отца мальчика.

Поступал правильно.

Архентова... Тогда предложила Семе написать, когда и как было... Он написал: первый раз зимой с Христенко. Он это делать не хотел. Потом это делал с Ефименко, Хортовым... Его заставляли...

Федин сидел, как замаранный грязью, таким же побитым выглядел Толоконов, а прокуроры загадочно улыбались...

Один лишь Саламов в духе мусульманина садился ровнее и сильно вытягивал шею, выражая свое сожаление, что не он судил Христенко, Ефименко, Хортова, ими занимались в другом суде.

Вот он посмотрел на часы на стене и объявил:

— Перерыв на обед...

«Какой обед, в рот ничего не полезет», — пробурчал Федин.

После перерыва заседание продолжилось.

Архентова:

— Меня Толоконов просил не сообщать в правоохранительные органы о происшедшем...

Федин про себя: «Понятно почему — надо посоветоваться с законным представителем мальчика».

И вот от Архентовой:

— Толоконова кадеты любят, как отца!

Из Федина вырвалось:

— Это же прекрасно.

Все услышали высшую степень оценки директора учениками, что заслуживало только одобрения. У нее к нему сложилось предельно уважительное отношение.

Но Архентова:

— Мое отношение изменилось, когда в сентябре 2014 года кадеты в знак протеста против увольнения сбежали из корпуса...

«Ах ты, тварь!»

Архентову не погладили по головке за проявление самостоятельности ребят. И она теперь вымещала свою обиду.

Федин не сдержался:

— А я бы такой верности порадовался. Они показали, что верят директору, хотят его вернуть, борются за него, как считают нужным. Хуже было бы, если бы утерли руки — тогда корпус нужно было бы точно разогнать!

И тут же получил от судьи:

— Михаил Васильевич, вы вообще понимаете, что...

Федин не успел парировать, как сорвался Толоконов:

— Что они несут? — он показывал рукой на прокуроров. — Их всех надо...

Судья:

— Толоконов, встаньте! Я вас удалю из зала и рассмотрю дело без вас... Вон видите, как ведет себя адвокат Сафьян...

Федина коробило: москвич отмалчивался, и это нравилось суду. Он бы на месте Геворга Павловича от такой похвалы оскорбился, а тот только улыбнулся. А потом в коридоре москвич даже не оправдывался, а выговаривал Толоконову:

— Надо вести спокойно...

А Федин:

— Как спокойно?!

Когда такое льют...

Ему Толоконов с его судами сидел в печенках, и, будь он благоразумнее, а точнее, безразличнее или даже расчетливее, промолчал бы, но он пройти мимо такого унижения не мог. Ему не позволяла поступить так его совесть.

Из суда Толоконов, как обычно, поехал провожать Сафьяна на поезд, а Федин поспешил на дачу поливать огурцы, укроп, клубнику, кусты смородины и лук — ягоды и овощи, которые он выращивал и которые требовали воды, как любое растение в жаркую летнюю пору, а адвокат подчас забывал про делянки и потом впопыхах старался увядающие ростки отливать и спасать.

7

Что с московской комиссией? Толоконов снова говорил, что должны Костюнова снять, губернатора — убрать...

Но это Федин слышал с первого дня дела Толоконова. Хотя и не терял надежды, и даже подгонял: «Ну, когда? Когда же...»

Толоконов понимал, что для Федина не последним оставался вопрос о гонораре. Тем более дело затягивалось, и не видно было конца. Он ждал-ждал, когда адвокат заведет разговор, и, не дождавшись, сказал:

— Вот родители кадет должны скинуться...

— На что?

— На вас...

«На адвокатов», — подумал Федин.

Он не знал, как рассчитывается Толоконов с москвичами, сам или кто за него, но было ясно: столичные адвокаты за полтысячи километров на свои не поедут, а вот он ходил в суд бесплатно, и известие взбодрило: надо же, помнит.

Толоконов, как будто виноватый:

— Хотите, я картридж заправлю...

Хоть как-то хотел отблагодарить.

— Ну что ж, давайте...

Отдал ему пару картриджей.

А в Донбассе все так же стреляли. Все так же долбили Донецк и Луганск. Но почему-то Толоконов туда уже не рвался, да и Федин привык к «убийствам» в Новороссии, считая их чуть ли не неизбежным делом. Так же ведь долбили и его директора, только не «укры»-националисты, а расхитители школьных земель в компании с дядями в синих мундирах.

Тягомотина с судами затянулась: чем сильнее жарило лето, тем сильнее жарило в залах суда, тем меньше являлось в суд свидетелей, и вот они вообще перестали приходить, что вызывало мрачную иронию у судьи и тихую радость у адвокатов: дело затягивалось и до своего отпуска в сентябре Саламов его не рассмотрит.

Сами адвокаты начали «шланговать». Но если москвичи вообще не приезжали, то Федин копошился, приходил в суд.

Но и он собирался в конце лета на декаду съездить в Железноводск и свозить туда жену — попить славяновскую водичку.

Он оформил отпуск, а говорить судье не стал, отдал распоряжение об отпуске Толоконову с напутствием:

— Путь москвичи почешутся. А вы скажите про меня: мол, приезжал в суд, хотел сдать документ об отпуске, но вы забрали. — Он сел в поезд и умотал.

Как Федин смеялся, когда Толоконов рассказывал по телефону: «Судья орал в бешенстве, что вас нет!» — «А что орал?» — «Папаша Петрина приехал из Симферополя». — «А вы распоряжение отдали?» — «Отдал». — «А москвичи были?» — «Нет». — «На москвичей орал?» — «Нет». — «Тогда что орать на меня, надо орать на москвичей!»

Федину хорошо отдыхалось, и ему начихать было на суд.

Имел же он право на отдых.

Смеялся, радовался, что оглушил судью: заслужил!

Отдыхалось и не думалось об адвокатской работе, он ею наглотался вдоволь. А что судья? Ему отдали его алиби, он не палочка-выручалочка, а там хоть трава не расти.

8

Только Федин ступил на порог квартиры, включил автоответчик на телефоне, и там послышалось: вызывают в адвокатскую палату.

«Что это про меня вспомнили? То по году молчат, а тут...» — подумал Федин и, еще толком не раздевшись, позвонил в палату: «Зачем я нужен?» — «На вас поступило письмо от судьи...» И прозвучала ненавистная фамилия.

«Саламов!»

Еще смеясь, он ехал в палату, что-то выговаривал помощнице президента палаты, что и москвичи в деле, что он в отпуске, а она ему: «Но вы же не предупредили судью».

Вот тут-то он и прокололся!

Считал, ушел в отпуск чисто, а оказалось — не очень чисто!

Второй раз его подставлял Толоконов: первый, когда с подделкой медали его таскали в полицию. И теперь... Он набрал номер Толоконова: «Что там?» Тот часто-часто что-то кричал в ответ, а потом связь вообще оборвалась. Снова приходилось отбиваться в одиночку. И вот день «парился», хотя на улице стыло, холодило, думал, день писал, день вносил правки в ответ в палату.

Вычитывал на дисплее:

«Адвокатская палата

...области

Объяснение.

Ознакомившись с письмом судьи... поясняю следующее: ... участвую в рассмотрении уголовного дела Толоконова... обвиняемого по ч. 1 ст. 293 УК РФ. Дело с апреля 2015 года рассматривает судья... Салямов... Защиту Толоконова... осуществляют адвокаты... из города Москвы Сафьян... и Штерн... и я... Состоялось более двадцати пяти судебных заседаний. Судья... говорил, что ему достаточно, чтобы... был один адвокат у Толоконова... Он должен обеспечить явку кого-либо из трех защитников... сложился порядок — адвоката... приглашал Толоконов... Мною с ним был согласован вопрос о нахождении... с 24 августа по 7 сентября 2015 года в отпуске и неучастии в заседаниях суда...».

Легло гладко, но на душе у Федина было гадко: «Я Толоконова защищаю и через него шишки получаю».

А в ответе читалось:

«18 августа 2015 года с Толоконовым... согласован вопрос... что я не буду участвовать в... заседании 24 августа 2015 года... Ему передано распоряжение об отпуске... При этом Толоконов заверил, что пригласит в заседание адвоката из Москвы... поэтому я уехал в отпуск...»

С возмущением пробежал строки:

«Заявление Салямова... о том, что... я передал распоряжение о моем отпуске Толоконову 22 августа 2015 года, надуманно... я в этот день ехал в поезде Санкт-Петербург — Кисловодск...»

Судья — лгунишка!

«Кроме того, если бы Толоконов узнал о... отпуске 22 августа... у него было время для приглашения московских адвокатов...»

Чертяка!

«Заявление Салямова... о том, что я был осведомлен о вызове свидетеля — отца Петрина... из Симферополя... надуманно... Салямов никогда не сообщал, кого вызывает на следующее заседание...»

Надо ж так врать! А еще приговоры выносит!

«Я телефон не отключал: на автоответчике значатся все сообщения за период нахождения меня в отпуске... Среди этих сообщений телефонных звонков от судьи Салямова... нет».

Вконец заврался!

«Находясь в отпуске... я был абсолютно уверен, что вопрос участия в суде других адвокатов решен... и они примут участие...»

— Вот тебе! — показал фигу, подразумевая Салямова.

Распечатал, вынул из принтера листок, подписал.

9

Еще потея, положил на стол помощнице президента палаты объяснение и спросил:

— Вот, написал... Надеюсь, из адвокатов не выгонят?..

На что помощница улыбнулась.

«Что ж, ждать так ждать!»

Федин вышел из палаты и метал громы и молнии в адрес судьи: «Я накатаю на тебя в облсуд!.. В Верховный!»... И эти «я», «я», «я» отлетали в стороны, как с тополей слетали пожелтевшие листья.

И летели мимо судьи, который отдыхал, может, в том же Железноводске, пил ту же водичку и так же поминал адвоката, как тот его.

Федин не мог успокоиться.

Распалялся:

— На меня ни разу не писал ни один судья! Меня подставил клиент! То таскали на допрос, теперь — в палату.

Злило:

— Мало того, что я защищаю бесплатно, но он меня еще и под монастырь подвел! Еще отберут удостоверение! Что тогда буду делать...

Хотел высказать все директору, а тот пропал.

Когда Федин поостыл, Толоконов объявился:

— Мне надо у вас бумажки взять...

Бумажки! Когда Федину надо — шиш! А когда ему — вынь и положи!

А тот давил:

— Я приеду...

У Федина язык не поворачивался, чтобы его послать. Вот она, адвокатская душа, — ласкай клиента даже тогда, когда он тебя бьет.

Но что ж...

А как не отдать...

Хотя мог, как и тот, отключить телефон, и — баста.

И лишь осторожно-осторожно напомнил:

— А как с собранием родителей кадет?

— Это вы о чем?

— Но вы же говорили, что соберутся платить адвокату...

— Разослали информацию по кадетам...

— О Боже! Еще на афише объявление повесьте... — ужаснулся Федин, представив объявление в центре города: «Бывший директор кадетского корпуса собирает деньги на адвоката Федина. Помогите, граждане! Пожертвования принимаются по адресу: город Варяжск...»

«Нет, ему этого надо! Вот он какой, родители кадет должны скинуться, а месяц прошел, и не скинулись... А теперь еще байку про письма кадетам...» — злило адвоката.

Долго искал бумажки, отдал их Толоконову, — он снова веером слал жалобы во все инстанции на Костюнова.

Федина трясли из Абхазии. Вышла книга об абхазском бойце. Его отец теперь умолял ее привезти. Пришлось выкроить несколько дней и, снося неудобства, ехать в поезде на верхней полке носом к потолку, а внизу громоздились две коробки с книгами. Тащил пачки через границу на Псоу. В Сухуми рвал голос перед школярами, расхваливая сына абхаза.

Продрогнув на берегу моря, так и не искупнулся и рванул назад.

Когда вернулся, надо было снова отбиваться: заявление судьи на него не замяли и потянули Федина на квалификационную комиссию.

Что ж!

Теперь «вырывал» дело в суде, пытаясь собрать документы, которыми защищаться. Найти ордера москвичей — они должны были выступить вместо него. Повестки-вызовы... Но дело не давали — судья Саламов спрятал дело в сейф и находится в отпуске. И только после жалобы в областной суд ему выдали дело. Он листал и читал его взахлеб. Огрехи на судью сыпались как из рога изобилия. Судья хотел ущипнуть Федина за какую-то мелочь, а сам наворачочал с короб. И помечал: не приглашал ад-

вокатов (это компромат против судьи!) на это, на то заседание; отец Петрина не вызывался в суд — «А что ж меня винят?» То-сё, и тешил себя мыслью — ведь на москвичей, небось, тоже послал телегу. И проглотил язык, когда увидел заявление Толоконова, что он от них отказывается. Чего их тогда звать!

На возглас Федина: «Сволочи!» — в зальчик вбежали приставы:

— Где?! Кто сволочи?!

Адвокат стоял над томом и размахивал от волнения руками.

— И тут меня уделали! Сами в кусты, а все на меня. Ну, подлецы, — орал, ахал, охал Федин, видя, как его снова подставили.

Москвичи ловким жестом отвели от себя удар: от них отказались, а под пулями остался один Федин. Мало того, что его шпыняют отовсюду, но и не выпускают из сетей — ему теперь одному с этим судьей-отморозком тянуть лямку!

О Боже! Он судью терпеть не может, тем более после его телеги...

А нет — сиди... Терпи... Мучайся... И он завыл бы волком, не возьми в нем верх благоразумие: за «сволочи» могут определить на пятнадцать суток!

Выйдя на улицу, плевался, чуть ли не крича на свою незавидную судьбу.

10

5 ноября 2015 года состоялось очередное заседание Ворошиловского районного суда. Увидев в коридоре чуть полноватенького, лысоватенького мужчину, понял: отец Семена Петрина, и именно он приезжал в суд 24 августа, когда Федин смотался в отпуск. Он знал, что отец переехал жить в Крым, а крымские события интересовали Федина.

Он мягко начал с ним разговор, и тот получил.

— Крым не выживает, а живет, — говорил Петрин-старший. — Мост через Керчинский пролив уже строится... Что воду из Днепра перекрыли — теперь наполняют водохранилища, и воды с лихвой... Что электричество обрывают — Китай уже тянет кабель через пролив... Что газ будет свой — уже из Краснодарского края труба идет. Но, думаю, понятно: Майдана в Крыму не будет...

Федин кивнул головой и:

— А как с законами?

— Уже фактически перешли на российское законодательство...

— Полиция-милиция?

— Тут вопрос в том, что ее перевели из украинской в российскую...

— Без чистки...

— И вот старые проблемы... Президент Крыма, например, ГАИ разогнал... Теперь из России патрулируют...

— А татары?

— Как и все... Ведь три языка у нас: русский, украинский и татарский... Им что, разве плохо? Им многое разрешили... Кстати, много татар воевало в Донбассе...

— Это показатель. А Артек? Я там бывал.

— ФГУП...

— Госучреждение...

— Да, санатории в своем большинстве...

— Это молодцы... А отдыхающих?

— В 2014-м был некий спад. А в этом году на полтора миллиона больше, чем раньше...

— А Форос?

— Где Горбачева держали?

— Да...

— Был там... Одни развалины...

— Вот оно как!

Федин слушал Петрина и тогда, когда перешли в зал и появился хмурый Толоконов с адвокатом Сафьяном.

«Геворг Павлович здесь зачем? — Федин хотел спросить у директора. — Ты ж от него отказался... Выходит, снова позвал».

Разговор Федина с Петриным оборвал грудастый полковник прокурор:

— Что вы тут со свидетелем обвинения?

— Да мы о Крыме...

— Крым-Дым...

Когда стали допрашивать Петрина, Федин все больше молчал, но все-таки не упустил возможность задать вопросы. Конечно, Петрин после душевного разговора о Крыме такого не ожидал, но Федин спросил:

— Вот вы нам сказали, что, когда Толоконов рассказал о «прессовании» вашего сына кадетами, вы пошли поговорить с сыном, выяснить у него...

— Да... — Петрин-старший стоял в центре зала на виду у всех.

— И только из разговора с ним узнали, что его заставляли исполнять, извините, роль партнера... — спрашивал и что-то помечал.

Петрин-старший молчал.

— Получается, Толоконов, как и вы, до разговора с сыном не знал о фактах насилия...

Еще Петрин-старший не ответил, как оторвался от кресла прокурор:

— Что вы тут навязываете....

Судья тоже проснулся: что тут происходит?

Федин повел рукой с ручкой, на что прокурор:

— Замечание адвокату! Он указывает судье молчать...

Судья выпучил глаза.

Федин:

— Уважаемый суд, тут что-то у обвинителя... У меня и в мыслях не было, чтобы вам указывать.

Федин понял: хотят сбить с мысли.

Судья по-орлиному водил взглядом из стороны в сторону.
Федин еще спрашивал, а Сафьян сложил листки и:
— У нас вопросов нет... Ваша честь, может, огласим протоколы допросов... Ведь свидетелей мы не дождемся...

11

Федина как ошпарило: «Он что?! Самые главные козыри и сбрасывает. Не хочет биться! Гонит вперед!» Ведь тащили в суд руководителя департамента образования. Этого Костюнова, который уволил Толоконова. Его Федин хотел «порвать в клочья». И тот, видимо, понимал это и не шел! Также боялись чинуши-подчиненные... А Сафьян: на фиг!

Но как конфликтовать с москвичом? Он глянул на вертящего в руках карандаш Толоконова. Тот молчал.

Федин пожал плечами.

Теперь нудно читали страницы, и гудели, повторялись в разных словосочетаниях отвратительные слова.

Федин невольно поглядывал на секретаря — женщину с прической каре, которая подперла кулаком с обручальным кольцом на пальце подбородок и опустила глаза вниз.

Прокурор откинулся на спинку кресла — галстук на его животе подчеркивал уже проявившееся брюшко.

Судья, как примерный школьник, сложил ручки на столе и читал, бубнил, глотал слова, покачиваясь то назад на спинку кресла, то вперед.

Федин думал, куда гонит Сафьян.

А тот вдруг:

— Мы все это знаем... Что повторять...

«Ему что, скорее отделаться?» — пронеслось в голове Федина, что даже возмутился судья:

— Нет, я важное должен огласить.

«Эх, Толоконов, набрал же... Они от тебя бегут, вместо того чтобы помогать».

Не стал пререкаться, лишь бросал взгляд на прокурора: «Подожди, я тебе в прениях дам!»

Сафьян смотрел и смотрел на часы над дверью.

Судья:

— Ладно, давайте прервемся...

— Да, прервемся, — Сафьян вскочил.

А судья, собирая тома, Федину:

— Почитал я вашу книгу о Троепольском...

«Ничего себе! А откуда он знает про мои книги?..» — подумал Федин.

— Вам лучше книги писать...

«И этот хочет меня из адвокатов погнать...»

Федин шел против шерсти у судей, у прокуроров.

Но обрадовало: «Мои книги читает...»

Выходя из суда, не удивился, когда Сафьян потащил Толоконова покупать ему билет на поезд.

«Вот, а мне говорит, денег нет... Картриджи до сих пор заправляет, — кольнуло Федина. — На Сафьяна, который его сдает, бабки есть...»

Подумал, и почему-то от этой мысли стало стыдно.

12

— Билет на месте, — Сафьян ударил по накладному карману куртки. Снова сидели в суде.

Федин чуть не потерял дар речи, когда москвич:

— Мы не прочь огласить всех свидетелей...

«Черт-те что! — ударило в голову Федина. — Он рехнулся! Все круги спасения выбрасывал! Какой подарок чинушам!»

Федин смотрел на Толоконова — тот что-то нервно писал ручкой. На Сафьяна — тот как ни в чем не бывало. На судью — судья чесал кончик носа. Прокурор позевывал.

«И что, я сейчас среди этого мертвого царства скажу: нет! Давайте вызывать! Не явятся — их приводом! Глас вопиющего в пустыне...»

Федин еще путался в мыслях, а судья читал протоколы допросов.

«Мне что, больше всех надо?! — не мог успокоиться. — Ломать копья? Накликать новую бумагу в палату?»

Охрипнув, судья сгреб тома. Следующее заседание назначил на 9 ноября.

Толоконов уехал провожать Сафьяна, а Федин, даже не спросив о Штерне — от него тоже отказывался директор, побрел домой.

Стремительно пронеслись четыре дня, а четыре ночи превратились в муку: Федин ворочался, его преследовали мысли: Толоконова москвичи кинули, а он их финансами поддерживал. Его Толоконов кидал с финансами, а он за него воевал. Меркантильные думы были противны, но они лезли и лезли в голову.

Даже искал кару, которой бы наказал своего доверителя, но ничего лучшего в голову не приходило, как при случае уколоть посильнее. В голове как заклинило. С такими мыслями он ехал на маршрутке, потом шел медленно, чтобы прийти к самому началу заседания и его спросить: «Картриджи заправил?» И потом вне зависимости от ответа выдать: «Что ж вы, Иван Александрович, меня за быдло принимаете...» И если спросит: «Почему?», сказать: «А москвичам-то платите...» И посильнее уколоть, проткнуть...

Черт-те что!

В 9 часов 58 минут зашел в Ворошиловский суд, в 10 часов поднялся на второй этаж и увидел в холле Толоконова, который резво поднялся ему

навстречу со стула и протянул руку. Федин хотел спрятать свою руку, но что-то не позволило, и он пожал. Но сразу выдал вертевшееся на кончике языка: «А патроны где?» — «Да нет». — «Что ж вы, к москвичам-то у вас какое отношение...» Тот еще не понял, а Федин извергал: «Вы им платите, а мне...» Но сработали все-таки тормоза. Он не стал напоминать, что все лето и осень его держали на сухом пайке. И сразу, не дожидаясь ответа, пошел к двери в зал, открыл и — за стол. А Толоконов бежал следом:

— Что вы, Михаил Васильевич... Я им всего раз...

— Ну уж...

— Да, да, пять тысяч... Когда им в Москве нечем было платить...

«Все-таки дал!» — теперь обрел определенность в своих предположениях Федин.

— Честно...

— Хм...

— Вы не поверите, в прошлый раз Геворг Павлович кормил меня на свои...

«Но кормил же» — еще что-то трещало внутри адвоката.

— Я с вами рассчитаюсь, закончится дело... — с волнением говорил Толоконов.

Федину сделалось от такого откровения не по себе.

Но адвокатский опыт подсказывал и другое, что по окончании дела клиенты забывают своих защитников, только выйдут из зала суда.

«Выходило, за Толоконова кто-то платил...»

Он совал какую-то бумажку. Федин видел: какое-то заявление...

«Снова грузит меня».

И, не беря, встал из-за стола и вышел в холл. Старался собраться с мыслями. Рука вздрагивала, а он успокаивал: «Что ж ты нервничаешь? Нервничать должен он».

А нервничал адвокат. Почему? Душу воротило от шкурных разговоров. Он чуть ли не ругал себя за то, что его завел. Но рука тряслась даже тогда, когда он уселся в кресло у двери, а потом встал и удалился в край холла, приблизился к открытому окну в центре.

Но вот появилась секретарь — эта высокая шатенка с прической каре — и позвала:

— По делу Толоконова...

Федин снова зашел в зал. Посмотрел на медвежью спину Толоконова, сел рядом.

Толоконов и тут ему подсовывал бумажку, но Федин сидел, не обращая на нее внимания. «Сам соображай!»

Вот мелькнуло что-то синее сбоку — это прошел за свой стол прокурор.

Появился в мантии судья и, улыбнувшись, произнес:

— Что сегодня такие мрачные?

— Вроде ничего, — одернул себя Федин и глянул на полковника-прокурора, чье отечное лицо испещрило красными пятнами, и тот прохрипел:

— Понедельник — день тяжелый.
«С похмелья», — подумал Федин, удерживая себя, чтобы не посмотреть на Толоконова.

13

Судья сел, его лысина заблестела от света лампы сверху, и:
— А где москвичи?
Но, не получив ответа, произнес:
— Продолжаем оглашать материалы...
Федин: «Жаль, не вставил москвичам!» А как ему хотелось...
Теперь Саламов бубнил, различались обрывки слов: «любят дети», «увлечен кадетским движением», «приверженец кадет девятнадцатого века», «кадетское братство», «монархист», «не отмечает 23 февраля, так как за белогвардейцев»...

«Но я не люблю», — подумал Федин.
Саламов:
— «не одобряет общественный строй»...
— Ну, за это грозит... — как проснулся прокурор.
— Подполье организовал! — взорвался Толоконов. — Заговор!
— Тише, тише, — проговорил судья и поднял голову. — Ума не дам, вот ваш корпус Великого князя... Кто это?
— Это сын императора... брат императора... — звонко сказал Толоконов.

«Ну дебил, только понял, каких людей судит», — пронеслось в голове Федина.

Саламов:
— Ах вот оно что...
«Вот оно что!» — уставился в судью Федин.
Судья снова заблестел лысиной и бубнил. А у прокурора слипались глаза. Слышались чьи-то показания:
«Корпус — гадюшник!»
«Кадеты жили по принципу: не выноси сор из избы...»
«Толоконов — головотяп...»
«Петрин... роль партнера...»
И вдруг:
— Оглашаю показания Костюнова...
«Вот эту чинушу я хотел вытащить в суд... Он бы продолжал бегать, а суд затягивался... Так дотянули бы до апреля... Всего пять месяцев осталось! Больше ждали... И дело бы прекратили...»

И уже закрадывалась мысль: а не вышли ли костюновские ребятки на москвичей? Они люди денежные, не обнищали бы.

На Федина выходить бесполезно: он чужих не признает и даже с судьями дерётся.

— ... «выговор»... «за нарушение снова выговор»... — выплевывал фразы судья.

Федин слышал, как тяжело задышал Толоконов, как щелкали его пальцы.

Судья:

— ... «побег кадет»...

«Молодцы кадеты!» — вырывалось из Федина.

Он чувствовал, что, если бы всю эту мутатень понес за тумбой Костюнов, Толоконов бы кинулся на него с кулаками.

— ... «никудышный руководитель»....

Когда заскрипела под бывшим директором скамейка, Федин склонил голову: ему виделось, как нечто человекоподобное бросается из-за тумбы в угол... С визгом выскакивает в холл... Сбегает по лестничному пролету... Спасается от преследования... Выскакивает из суда, а бежать некуда — впереди полукругом стоят ошестинившиеся кадеты... А сзади его уже бьют пинками... Он летает от цепи кадет туда и назад.

Сбоку от Федина часто-часто дышал Толоконов.

— Ух!

Теперь судья бубнил показания других воспитателей... Что Толоконов тюфяк... Что Петрин сам поддался...

И все конкретно. В деталях.

Тьфу!

14

В адвокате все переворачивалось, и невольно сыпались в адрес соседа упреки: «Ну, понятно, занят. Ну, понятно, опекал кадет. Жил там, не спал. Но что ж не докопался! Что ж не донесли! Мрак... Жуть...»

И внутри невольно циркулировали гневные речи. А прокурор то подпрет подбородок левым кулаком, то правым, ему от таких слов вовсе не тошно, а комфортно.

Заканчивая читать, судья:

— Иван Александрович хороший, это да, но вот сволочи — те, кто такое делал с подростками...

— Сволочь тот, кто там! — Толоконов выставил вверх палец. — Тот, кто уничтожил корпус! Костюнов!

Федин окончательно понял: приди Костюнов в суд, непременно получил бы не допрос, а избиеение его Толоконовым ещё при входе в зал, такой ненавистью пылал директор корпуса к руководителю департамента, а москвич Геворг Павлович лишил всех драматического события, а может, и циркового представления. Толоконов мог напасть, как лев, как тигр. Досталось бы и дрессировщику, и зрителям. В общем, из вышедшего из-под контроля судебного заседания получилось бы яркое зрелище.

Судья, почувствовав что-то недоброе, ретировался:

— Я пошел...

Федин смотрел на прокурора: окрысится или нет. Но у прокурора на самом деле от перепоя болела голова, и дополнительные нагрузки доставляли мало приятного.

Он вышел из зала.

Только тут посмотрел в бумажку, которую мял Толоконов.

Ну, точно, москвичи снова шланговали. Это было заявление, чтобы их поменьше вызывали.

«Но мы как-нибудь без них...» — подумал адвокат.

Когда Федин и Толоконов спускались по лестнице, адвокат выговаривал Толоконову:

— Вы лоханулись... Отказаться свидетелей вызвать... Так бы затянули... А скоро два года и точка... — напоминал то, что произошло в прежнем заседании.

— Как? — Толоконов выпятил глаза.

— А вот так! Нам что вменяют? Вы узнали в январе 2014 года... В апреле уже приняли меры...

— Ну...

— Так следующий год какой? 2016-й... И весной истекает два года... И вы на свободе...

Толоконов заскрежетал зубами.

— И на следствии зря не воевали... — сыпал соль на рану. — Я ведь предлагал еще тогда бороться, обжаловать, биться, а вы послушали Штерна, и что...

До Толоконова доходило, как его подставили столичные ребята.

Федин снова сорвался:

— Но им еще платили за это...

— Михаил Васильевич, их наняла Москва... Она их и приглашает...

— Не понял...

— У нас есть кадетское движение... Они и прислали...

— Но тогда они не могли вас сдать...

— Почему вы так думаете... А если у них деньги кончились...

Сермяжная правда выплеснулась на Федина, и он все понял: на самом деле, перестали платить — москвичи решили все свернуть и не ездить.

ЧАСТЬ 5

1

Федин уже не особо замечал, как мотался по другим делам, настолько его зацепило кадетское дело. Толоконов обещал позвонить, и снова не звонил, и настроение у адвоката, как по накатанной, снова портилось. Он кипятился. И летели возгласы: «Ух, Иван Александрович! Понятно, почему тебя из директоров поперли...»

Опять двадцать пять: идти в суд или не идти... И ни ответа, ни привета. Но вот дозвонился, и тот как ни в чем не бывало:

— Картриджи привезу...

Федин уже и забыл про них.

Толоконов:

— Суда не будет... Геворг Павлович говорит: ему помощник судьи позвонила...

И как на закуску:

— У меня ноги отнялись... Нарушено кровоснабжение мозговое...

— Вот те на! — покорило Федина.

Но директор:

— Оклемался... Привезу картриджи сегодня...

Черт-те что! Федин уже давно плюнул на них. Вставил в принтер новый. А тут напомнили, и снова как заело. Федин ждет и никак не отмотается от мысли: привезет или не привезет. А того нет ни до обеда, ни в обед, ни после обеда. И ни звонка. Мелочь выросла чуть ли не до размеров буйвола.

И, как болячки, цепляются другие мысли: не дай бог с ним что! И уже больница мерещится, и переживает: потом еще скажут, вез картриджи адвокату и по дороге помер.

Вот прогремит!

Еще крохобором назовут.

Настроение в сотый раз портилось, а с Толоконовым оставались одни неясности. Хотелось разрядиться — если не по Толоконову, то по кому-нибудь другому кулаком заехать.

«Ну и попал же я с ним! — прицепилась назойливая муха-мысль. — Если все-таки загнулся...»

Снова настроение катилось к нулевой отметке.

Одна радость: заседание не состоится. И не придется в слякоть грязь месить и в суд добираться.

2

Уже думать о Толоконове перестал: ну его, хоть болеет, хоть не болеет, черт с ним! И даже видеть его больше не хотелось. Только бы спрятаться в теплую постель от невзгод, сырости, мокрого снега, промозглой погоды. Былая роскошная теплота осени улетучилась.

Когда раздался звонок в домофон, не ожидал, что услышит задорный голос:

— Это я, Толоконов...

«Слава богу, жив», — отлегло.

И следом:

— Картриджи привез.

Чуть не вырвалось в ответ: «Да на хрен мне нужны эти картриджи!»

Толоконов взбежал по лестнице на третий этаж вовсе не как больной, и тем более не после нарушения мозгового кровоснабжения.

Выкристаллизованная у Фебина отповедь: «Обманываете, я вас целыми днями жду» — выдохлась. До того он ему опостылел, что говорить о нем и вспоминать не хотелось.

Даже не приглашая в коридор, взял картриджи из рук румяного директора.

— Судья заболел... — выдал тот как-то весело. — И, может, другой вести будет...

— Вот это колбасит!

— Кого?

— Дело...

— А что?

— Это редкая удача! — теперь взбодрился Фебин. — Тогда всё заново... А теперь уцепимся за объяснительную Стоянова... И Костюнова за «шибот»... Остались декабрь, январь... — загибал перед носом директора пальцы. — И баста! Дело уж точно прекратят за давностью...

Толоконов еще больше посветлел.

— Меня федеральный инспектор приглашал... Говорит, бросай бодаться... Создадим под тебя общественную организацию и будешь за кадетскими корпусами следить...

— Хм! Это неспроста...

До Фебина дошло: неважны у противников дела, раз идут на попятную.

Толоконов:

— А я ему: «Я ж по уголовке!» Тот отмахнулся...

— Да, видимо, с уголовкой не все сошлось...

Фебин подумал: «Поняли, что с судом проблемы».

Вспомнилось, как в самом начале суда Саламов говорил: вызовем следователей, эту кралю, которая четыре часа «пытала» Стоянова, молодцеватого следачка, закончившего дело... Всех следаков...

Боятся, не выйдут сухими из воды.

Что-то пошло вкось.

Фебин смотрел на Толоконова, и, как бы он к нему ни относился, как бы из-за него ни страдал, он ощущал приближение победы.

— Что ж... Если назначат суд, заболеете...

— Конечно...

— Только не у нас в городе. Тут заставят врачей выписать...

— Конечно, куда не достанут...

— А там Новый год, праздники...

Они расстались в приподнятом настроении.

— Жалко, что только речь свою не произнесу! — сказал Фебин, который любил в прениях раздавать всем сестрам по серьгам. — Не утру нос прокурорам...

А про тягомотину с картриджами подумал: видимо, не сразу получилось заправить.

3

Федина изводило.

«Чертов директор!» — его преследовали неприятные мысли.

Скоро ему идти на заседание Совета адвокатской палаты, где неизвестно, выдерут ли его как сидорову козу или, наоборот, пожалеют и простят.

Но чем ближе подходило 10 декабря 2015 года, тем меньше надежд оставалось на удачу у адвоката Федина.

10 декабря он шел в палату, как на плаху. Не то, что был уверен, что его «казнят» — разжалуют из адвокатов, а то, как ему не повезло с любимцем кадет: пахал, бился за него, вкалывал, ему за это с некоторых пор не перепало и рубля — сидел на голодном пайке, а тут его еще и побить за это должны.

И с самого начала били: еще на порожках палаты к нему обратились: «Ну, что, правонарушитель?» А он уж себя чуть ли не в преступники записал.

Язвы-девки из палаты приставали: «Ну, как? Ну, как?..»

На заседании он разошелся и, уже не сдерживаясь, говорил, какой чертяка судья, какие москвичи-адвокаты, с которых как с гуся вода, а вот он-то — пахарь...

И надо же, ему поверили!

Чего это бить своего! Вот пусть москвичей. Но туда судьишка боится слать телеги...

И он вышел, выдыхая в мороз:

— Прекратили...

Хотя и слышалась последняя фраза: за малозначительностью. Но разве это что-то значило? Главное, ему все ноль, а судье — кукиш!

Он ощутил, что такое братство, когда свои своих не сдают. Что такое, когда один за всех и все за одного — тогда волк не страшен. В такой эйфории он уходил от палаты, не ведая, чем закончится его защита директора корпуса.

До финиша — когда все станет вне зависимости ни от чего — оставалось четыре месяца.

— Четыре месяца протянуть — это не два года!

Спасительный двухгодичный срок давности маячил перед самым носом.

17 декабря Федин названивал директору, хотел поздравить его с днем рождения и перекинуться парой вопросов по делу — телефон оказался заблокирован.

Федин не переставал удивляться тому, как его водил вокруг носа Толоконов. Мало того, что, похоже, устроился на работу — его видели в

одном офисе охранником — и мог бы что-то подбросить адвокату, но и обманывал даже в том, в чем мог помочь. Федин его попросил: «Поедете в Москву, мне привезите журналы». В адвокатской палате Московской области выходил то один, то другой его материал по его практике. А Толоконов смеялся: «Да как... Не на что...» А когда 22 декабря Федоров поехал в Москву — защищать в Савеловском суде литературный журнал от наезда одного отмороженного полковника: мол, при публикации его очерка нарушили его права — вычеркнули самое важное, то не поверил своим глазам: через четыре ряда в его вагоне сел прямо лицом к нему Толоконов. Кресла с одной стороны салона были повернуты к креслам с другой стороны.

Адвокат долго не решался заявить о себе и смущенно клонил голову за спинку кресла. Как-то было неловко, ведь как будто подлавливал директора, а на душе кипело: «Не позвонил, не сказал, что едет. Какой же! И я его защищаю, этого друга! Говорю суду, какой он порядочный! Какой честный...»

И вот когда позвал: «Иван Александрович...», тот подскочил к нему и, склоняясь над ним своим вмиг покрывшимся капельками пота лицом, что-то нес, что вот неожиданно ему позвонили, вот только купил билет.

«А что ж так вспотел?» — хотелось Федину спросить.

Видел, как завирался бывший директор: билет он явно купил раньше Федина — место у него было меньшим, предшествующим номером, а адвокат приобрел билет за неделю. Вранье отталкивало: как так можно!..

Тот что-то оправдывался.

А Федин — жесткий адвокат — снова размякал, вместо того чтобы отчитать врунишку.

Вот такой он, Толоконов!

За всю дорогу только два раза подошел к нему и по своей доброте предложил чашку чаю.

«Эх, размазня!» — с таким словами он выходил из поезда, стараясь скорее подальше уйти от этого лгунишки и подольше не видеть его.

А в душе поднималось: «Может, на самом деле не прав? Тот купил билет перед отходом поезда, сданный кем-то. Вот и сидел на кресле с меньшим номером».

Вернувшись из Москвы, думал: Толоконов позвонит, объяснится, но тот — как обычно, как набрал в рот воды. Федин уже и не ругал директора: может, у него на самом деле за душой ни копейки и ни рубля на сотовом телефоне.

Но невольню фиксировал: скоро Новый год — а не позвонил.

Вот и Новый год — даже не поздравил!

Вот старый — тишина.

И пробежал холодок по телу: неужели к нему относится как к официальному лицу, и ни грамма человеческого, а он к нему — в первую очередь как к человеку.

Вот Рождество... Люди прыгают в прорубь. Может, Толоконов прыгнул, и, извините, случилось печальное. Ведь лежал с нарушением кровообращения.

4

Нет, не утонул.

Когда Федин получил повестку на 20 января 2016 года и позвонил Ивану Александровичу, тот сразу взял трубку и сказал: «Я знаю».

Выходило, что судья Саямов выздоровел.

Федин хотел спросить: «А что ж не звоните?», но промолчал, как толоконовски промолчал и директор. Федина теперь раскачивало: мало того, что на него набросили аркан, но с ним еще не разговаривают, а ему неясно: идти или не идти в суд; заболеет Толоконов — не заболеет; встречаться с хачиком-судьей и слушать его нотации или не встречаться и не слушать... Неясность зудела в нем, куда бы он ни шел, чтобы ни делал, даже в бассейне, когда пытался забыться. Пока проплывал двадцатипятиметровую дорожку, это «идти — не идти» мелькало в его голове больше двадцати пяти раз.

С головной болью 20 января направился в суд, желая приструнить своего арканщика. В суде сидел как набрав в рот воды, сухо перебрасываясь словами с приехавшим из Москвы Штерном. Сжал зубы при появлении Толоконова: выходит, не заболел. В присутствии коллеги разговор с ним не получался.

Адвокатское начало брало в Федине верх, и, когда у тумбы появилась следачка Паолова, одетая в черные лосины, короткую черную юбку, в черном свитерке — явно не представитель страшного ведомства, — он пошел в атаку.

Ее пригласили ответить на вопросы, как проходил допрос кадета Стоянова о злосчастном объяснении, которое топило Толоконова. Федин в допросе увидел, как выжимали, выуживали из кадета нужное: чтобы тот потопил директора. Мол, да, объяснение 23 января отдал директору, он с ним знаком. То есть директор знал про сексуальное насилие еще в январе. А Федин рисовал ситуацию иначе: объяснение не отдал, а молча положил на стол. И с какой это стати директор должен все читать и знать о его содержанием.

Стоянов в суде отказался от былых пояснений. Встал вопрос о показаниях, записанных Паоловой. Если они окажутся с браком — выиграет защита, если без брака — обвинение.

Судья краснел, пыхтел, сначала пытаясь прервать вопросы адвоката, а потом их снимая. Федин спрашивал как можно медленнее, словно диктовал секретарю, следя, чтобы та все записала:

— Джульетта Ивановна, вы допрашивали кадета Стоянова?

— Да, — ответила дама в черном.

— А зачем задавали вопросы присутствующему педагогу? Ведь это же запрещено законом.

— Хм. Это в конце допроса.

— Как же? Допрос на десяти страницах, а вопросы педагогу, — заглянул в свои записи, — на четвертой странице, на девятой....

Судья чуть не гавкнул. И ничто не говорило о том, что он только вышел из больницы.

Федин — следователю:

— Так это давление на кадета?

Судья:

— Снимаю вопрос.

Федин:

— Вы задавали наводящие вопросы?

Судья:

— Снимаю.

Федин:

— Вы повторяли одни и те же вопросы?

Судья:

— Снимаю.

Федин:

— А скажите, повторы, отсылка к авторитету педагога — это давление?

Судья:

— Снимаю...

Когда Федин закончил, его коллега развел руками:

— А что еще можно было ожидать...

Становилось ясным, на чью сторону клонился судья.

5

Адвокаты с директором вышли из суда — морозец гулял по белоснежным полям, а защитникам было жарко. Можно было сравнить потраченные ими в суде калории с затратами спортсмена-лыжника при кроссе. Но с какой дистанцией — на три километра, на десять или на все двадцать пять, оставалось вопросом. Федин в таких случаях сравнивал себя со спортсменом, который за «спасибо» на дистанции выложился. Что ж, был спорт массовый, любительский, бесплатный, и защита могла получиться такой же.

Расставались до 1 февраля.

Толоконов сказал:

— А там всего немножко...

Он терпеливо ждал время, когда прекратят дело.

1 февраля 2016 года в холле Ворошиловского суда расселись на стульях по стенам пожилая женщина и две помоложе, они были одеты в шубы, и еще худощавый, лысый мужчина средних лет — в тужурке.

Федин стоял у окна.

Когда появились Толоконов с Сафьяном, пожилая женщина подошла к ним:

— Иван Александрович, все будет хорошо...

— Если бы... — вздохнул тот.

Федин понял: сегодня будет жарко. Им предстояло оспорить протокол обыска, где было написано, что именно из кабинета Толоконова изъяли злополучную объяснительную Стоянова.

А если обыск проведен с изъязном, то и то, что в протоколе записано, сомнительно.

Началось неплохо: женщинам показывали объяснительную Стоянова, и они в один голос говорили: «Мы не видели этой бумаги». Прокурор-майор чесал лысину и потел, судья злился, а женщины говорили такое, от чего кое-кого хотелось побить. Они и во время обыска там были всего ничего: одна уходила открывать ворота, вторая даже отъезжала, а третья — на своем рабочем месте этажом выше писала отчет. Две из них были понятые, третья, как комендант, присутствовала от администрации корпуса.

Вставал вопрос: если объяснительную не видели ни одна, ни вторая, ни третья, как она оказалась в деле?

Станным образом!

И на нее нельзя было опираться суду.

Задавал вопросы коллега Федина, задавал вопросы он сам, записывал, прокурор стал крутить-вертеть вопросами, судья стал угрожать женщинам: мол, еще посажу за дачу ложных показаний, как вдруг всех словно обдало кипятком.

— Сейчас заеду! Совсем охренели! — вырвалось откуда-то слева.

Федин даже не сразу понял, что это Толоконов.

А судья:

— А ну встань!

Толоконов встал.

И на него вылилась отповедь суда.

— Уроды! — Толоконов сел и так часто и сильно дышал, что воздух ветерком долетал до уха Федина.

Конфликт освежил обстановку.

С заседания обычно улыбочивый и учтивый очкастый прокурор ушел не попрощавшись.

— Все равно день удался! — Федин пожал руку Толоконову, прощаясь.

Ему трудно было представить, что будет делать вечером Иван Александрович: уйдет в лес, соберет кадет, они будут скандировать: «Руби врагов!»... «Костюновых на пику!»... «Прокуроров в расход!»... «Следачек топить!»

И не дай бог за ними приедет наряд полиции.

Через две недели собрались в суде, а тот, кого вызывал судья — следователь, проводивший обыск, — так и не явился.

Судья:

— Да и не надо...

Адвокаты Сафьян и Штерн промолчали.

Федин на этот раз возмутился:

— Доставляйте приводом...

Но москвичи как-то хором закричали.

А Толоконов попросил:

— Время на подготовку к даче показаний дайте...

Дали.

Суд назначили на 24 февраля 2016 года.

Спрашивается, зачем приезжали москвичи? — просто деньги промотали.

24 февраля Федин пришел в суд и не увидел никого. Один Салямков. С ним потрепались о прокурорах, о судьях, о книжках. Салямков удивлялся тому, сколько адвокат написал книг — и про ментов, и про войну в Абхазии, и бывшего генерального прокурора.

Федин рассказал смешную историю, которая послужила сюжетом для одной из его повестей, когда доцент университета нашел в кровати своей жены удостоверение прокурора области и что из этого потом вышло; рассказал про другого доцента, который на защите диплома Федину влепил трояк за то, что он в своё время не сбегал за бутылкой водки; хотел рассказать, почему показали кукиш судье с его письмом на адвоката, но не стал...

Судья смеялся.

Ждали. А никого.

Судья занервничал:

— Где они?

И уже шумит:

— Где Толоконов? Где московские адвокаты?..

Федин пожимал плечами.

— Вот подлянку подложили! — горячился Салямков.

На душе у Федина попискивало: «Вот теперь тебя уделаем».

Судья:

— Ну, если вы его подговорили, держитесь...

Федин с грустным лицом:

— Что вы, мне по Интернету присылал, собирается на обследование...

Секретарь уходила звонить и приходила:

— Дома нет. Мать сказала, в Санкт-Петербург уехал, а там в Москву...

«Вот и ищите в поле ветра», — от радости глаза у Федина заблестели.

— Арестую! Закрою... — ругался судья.

Адвокат смотрел на судью: «Бесишься! А как я бесился, когда ты на меня кляuzu накатал...»

Забрезжил свет в конце тоннеля: Толоконов не явился, месяц-другой полежит на обследовании и баста — там и дело за давностью на все сто процентов прекратят.

Снова мыкался в коридоре: судья его не отпускал. Пересекся с чернявым адвокатом, который представлял департамент образования в Центральном районном суде. Подтягивая ногу, тот шел по коридору. Поздоровались и даже разговорились. Еще несколько месяцев назад выглядели непримиримыми врагами, а теперь чуть не смеялись. Федин говорил, что дело было для них выигрышным, но департаменту подыграла судья. Чернявый кивал головой, а насчет приказа сказал: «Идиот! Он отдал судье подлинник». Федин помнил рыжего юриста департамента, который передал документ с поддельными подписями. Не оборви тогда судья суд, проводи Федин с Сафьяном экспертизу, подделка бы вскрылась и Толоконова восстановили. Но основной козырь — подделку — как шайбу, сняла с клюшки сама судья.

Теперь они чуть ли не смеялись над схваткой. Так ведут себя бойцы, воевавшие по разные стороны от линии фронта, когда вспоминают бывшее за чашкой чая или за стопариком, случайно встретившись на отдыхе в нейтральной стране.

Чернявого позвали в один зал, Фебина — в другой.

Судья, поскрипев голосом, выдал:

— Встречаемся послезавтра...

А потом секретарю:

— Толоконова на 26 февраля 2016 года доставить приводом.

«Хм, приводом... А откуда?» — не умолкали радостные нотки в душе Фебина.

Ему-то ясно, что такое привод: придут, спросят, дома или нет, и свалят.

«Пустячная затея».

7

Спал крепко: вставал один раз при обычных пяти-шести вставаниях, когда спалось нервно. А тут — хорошо. Счастливо посмотрел в окно, где уже заливало пространство светом: «Сегодня судья понервничает-понервничает, и баста... Толоконов ведь не явится! И объявит в розыск... Пусть ищут в поле ветра».

Он знал, как ищут. Еще в бытность его следователем один из разыскиваемых жил в общежитии напротив отдела милиции. Операм лень было перейти улицу и заглянуть в общагу, не то что искать. А тут в каком-ни-

будь многомиллионном городе, как Москва, как Санкт-Петербург, найти иголку в стоге сена невозможно.

«Минут двадцать подвергается судья, и точка».

Федин даже посмаковал его угрозы: «Ну, адвокаты, держитесь...» Представил, как сделает озабоченный вид, а внутри все будет торжествовать: напоследок уделали судью! А тот будет метаться, слать запросы, гонять приставов искать, звонить матери Толоконова, трясти адвоката: «Где он?» И это будет длиться, длиться, неминуемо приближая финал: надо только март продержаться да апрель простоять, а там наши придут, как писал Аркадий Гайдар в «Мальчише-Кибальчише».

И — Толоконов невиновен...

Обвинительного приговора в любом случае не будет.

26 февраля 2016 года раздался звонок. Он взял сотовый, узнал голос Толоконова:

— Михаил Васильевич, во сколько у нас сегодня?

— В два дня... А вы что, приехали? — спросил и выпучил глаза.

— Да...

— Зачем? — произнес, не понимая поступка директора. — Ведь на обследовании.

А следом раздалось голосом Сафьяна:

— Толоконов будет давать показания...

— Вы что, с ума... — Федин чуть не закричал в телефон.

Рушилась вся с таким трудом построенная защита.

Но тот повторил:

— Будет давать...

— Ну, как считаете... — прорвалось грудным голосом.

Он жутко удивился: снова московские адвокаты сдавали Толоконова.

Подумал: «А если судья устроил разнос москвичам, а те струхнули?...» Ладно, приехали бы сами, но без директора. А то привезли — сами тащили под статью...

Ему оставалось только вздыхать.

Московские ребятки губили выигрышное дело. И уже не в первый раз: так и по восстановлению прошляпили.

— Эх, бедный Иван Александрович, с кем ты связался! — теперь так гремело в комнате адвоката, что вбежала жена:

— Что с тобой?

— Да так...

Толоконовым играли, как мячом. А он летал меж ног судьи и москвичей... горе-игроков...

Ходил, поносил коллег последними словами, но делать было нечего.

— Эх, тряпка...

Федин нехотя собирался, утолкал в портфель кое-какие материалы дела, нехотя шел по улице, обходя лужи по чавкающему снегу. Нехотя поднялся по порожкам суда. Когда в холле встретил судью, не знал, сказать про звонок директора и москвича или нет: «А вдруг передумали и не придут». Мялся секунду, другую, пока судья сам не сказал: «Геворг Павлович звонил». Ответил: «Ясно». — «Ну, как появятся, жду вас с Геворгом Павловичем у себя». — «Если придет», — сказал, еще не подавая виду, что что-то знает. — «Придет...»

Смотрел в окно и, к своему удивлению, видел, как по тротуару на противоположной стороне улицы подходили к суду двое: узнал небольшого росточком Геворга Павловича, он шел как бы несколько впереди, и за ним — амбалистый Толоконов. Маленький вел большого. Слабый сильного. Еще думал: может, развернутся? Может, броситься к ним навстречу и остановить? На худой конец, отбить Толоконова. Но эти мысли не находили реального воплощения.

Вот из лестничного проема показались Геворг Павлович и... Толоконов.

«Все-таки привел!»

Никак не ожидал такой подлянки адвоката по отношению к клиенту.

И сразу не сдержался: «Зачем приехали? Лучше бы вы одни», — сказал Сафьяну. Поражаясь Толоконову, который стоял, как тюфяк. «Зачем?» Тот жал плечами.

Рассказал, как два дня назад бесновался судья.

А Сафьян:

— Вот Ивана Александровича нашел и привез...

Произнес и говорил, как ему дважды звонил судья, и он, как розыскник, выполнил просьбу суда: «Найти и доставить немедленно!»...

— Вы прекрасно исполнили привод вместо приставов. Я вами просто восхищен, — вырвалось саркастически из Федина.

Хотя проницательный взгляд заметил явное желание одного адвоката заехать в лицо другому.

Если не заехать, то по крайней мере — плюнуть.

Толоконов:

— Они в шесть утра приходили к моей матери домой...

«Эх, ну и что, что приходили... Черта с два бы тебя нашли», — не стал объяснять твердолобому директору Федин.

Вот адвокаты по узкому коридору прошли в кабинет судьи, который их разве что не облизывал, как собака.

Еще бы — сделан такой подарок суду!

Судья сел в кресло, Сафьян — на стул к столику, и Федин — тоже на стул рядом.

Кабинет судьи был с половину зала, в котором шли заседания, светлый, со шкафчиками, стульями и огромным окном на стадион, где гоняли мяч мальчишки.

Судья не скрывал радости:

— Я понимаю вас...

Он намекал, что в вину им не ставит, что Толоконов накануне проигнорировал суд.

— Понимаю и как бывший адвокат, и бывший следователь, и как бывший прокурор, и как судья...

«Неслабый послужной список», — поерзал Федин.

Что он вкладывал в понимание «адвокат» — неясно, что — «следователь» — тем более, что — «судья» — возмущало, что — «прокурор» — вообще не лезло ни в какие ворота.

Предательство осуждалось всеми без исключения.

«Понимает... Мы тебя тоже понимаем», — покачал головой Федин.

Судья и москвич нервно засмеялись, Федин загыгыкал.

Судья говорил:

— Пора с этим делом кончать... Ну, что, он даст показания?

— А может, подлечится? — сказал Сафьян, стараясь загладить свою вину.

Сам сбросил Толоконова с плота в бушующую реку, а теперь протягивал ему соломинку.

На что судья улыбнулся.

Сафьян намекал на болячки Толоконова, но это особого впечатления на судью не произвело.

Их разговор прервал звонок по телефону, и Салямов в чем-то оправдывался.

А положив трубку, показал пальцем вверх:

— Уже там интересуются...

Все сразу встали.

9

Только зашли в зал, как дело понеслось, покатилося.

Толоконов достал заранее подготовленные бумаги и читал.

Минуту, другую судья его не слушал, а листал тома, что-то ища в них, потом слушал и словно что-то проглатывал, а Федин невольно подумал: «На рынке в мясном ряду куриную шейку увидел...»

Салямов слушал и снова листал.

Толоконов закончил речь и передал листы судье:

— Это мои показания...

Удивительно, ему не задали ни одного вопроса ни защитники, ни судья, ни прокурор-майор.

Только тут Сафьян принялся отрабатывать и сыпать ходатайствами, которые футболил судья, и так же футболил, когда подключился Федин.

Просили назначить экспертизу определения времени изготовления записи в объяснительной...

Вызвать Костюнова...

Заместителя губернатора...

Судья щипал себя за щеку, склонял голову в сторону, выпрямлялся, и мелькал орлиный взгляд кавказца, потом клонился набок, как бы от стола подальше.

Ему снова не нравились адвокаты.

Но все их ходатайства рубанул одним махом:

— Много хотите... Отказать...

«Вот и отблагодарил», — с ненавистью посмотрел на соседа-москвича Федина.

В конце как проснулся прокурор:

— Так как Толоконов игнорирует суд, прошу избрать ему меру пресечения...

Федин замер: «Заклучат под стражу?!»

Хотя понимал нереальность такого — слишком мелкая статейка.

Но услышал:

— Подписку о невыезде...

Судья тут же решил:

— Избрать...

Добавил:

— Черт знает что, на следствии даже не избрали меры пресечения...

От чего Толоконов вскочил:

— Стрелять таких надо...

Его еле усадили, потянув за оба рукава.

Потом долго утрясали дату следующего заседания: в один день мог прокурор, но не мог адвокат; в другой — мог адвокат, но был занят в другом процессе другой адвокат, к чему теперь судья внимательно прислушивался.

Договорились встретиться 4 марта.

Судья напоследок:

— И готовьтесь к прениям 15 марта...

Выходя из суда, Сафьян шепнул Толоконову:

— Вот тогда и заболеешь...

«Иуда», — чуть не вырвалось из Федина. И хорошо, а то, не дай бог, подрались бы адвокаты.

Толоконов, глядя на москвича, со злостью выдал:

— Он меня привез...

На что Федин промолчал. Ему эти столичные адвокатишки сидели в печени. Скольких они сдали клиентов. Без боя. Заботясь о своем благополучии, а не о клиенте, думая только о себе.

И только тут почувствовал озноб в теле. То ли от сдачи клиента с потрохами, то ли от ветра, который гонял порошу по покрывшимся льдом лужам. За время суда резко подморозило.

10

Не хотел оказаться свидетелем окончательного позора и торжества проходимцев. Но 4 марта надо было идти в суд. Шел, ища подсохшие после трех дней дождей дорожки. Теплившаяся надежда: вдруг Толоконов плюнет на все и свалится? — не осуществилась.

В зале началась грызня: прокурор-майор хотел задать вопросы, а Толоконов его как кусал:

— Я в прошлом заседании давал показания. Тогда и готов был отвечать...

«Вот тогда надо было проявить упорство, а не сейчас», — вспоминал малодушный поступок директора, приехавшего на поводке Сафьяна.

А прокурор:

— Ну что ж...

И оглашали показания Толоконова.

А потом судья радостно:

— Вот пришел приговор...

Все поняли: на кадет, которых уличили в сексуальных делишках с Семеном Петриным.

— Ему дали четыре года лишения свободы...

— Кому ему? Их было трое — Христенко, Ефименко, Хортов.

— Христенко, — ответил судья. — Остальные не достигли возраста... «привлечения к уголовной ответственности...»

Судья:

— запретили заниматься «определенной деятельностью»...

Все в зале заржали, разве что секретарь от стыда опустила голову.

А судья:

— Какой еще деятельностью?..

Он удивлялся: как тут запретить...

Чуть подпрыгивал в кресле:

— Ну ясно, нельзя там служить... торговать... А тут...

Когда перестали смеяться, еще что-то оглашали, потом зачитали поощрения Толоконова: и кавалер, и медалист, и обнимаем, и возносим, и лучший, и несравненный — такое слышалось от фраз в бумагах. Даже не придрались к злополучной медали имени Жукова.

— Тридцать листов! — воскликнул Федин.

На что судья:

— Хороший человек Иван Александрович...

— И прекратить его мучить... — произнес Федин.

— Ну что ж, раз такое случилось... — проговорил, счастливо поглядывая на настенные часы над входом в зал.

Саямов уже собирался закончить судейскую бодягу, но не тут-то было.

— У нас есть еще ходатайство, — Федин толкнул в бок Толоконова. Тот встал, поднял пачку листов.

Федин обратил внимание, как счастливую улыбку смыло с лица судьи.

— Ну что ж, слушаю...

Толоконов прочистил горло и пошел читать. Сначала читал неуверенно. Судья кашлял, прокурор что-то искал в айпаде. Адвокаты молчали. Секретарша потела с ручкой, старясь успеть все записать. Голос Толоконова твердел. Судья склонился набок, голова его ходила то влево, то вправо.

«Он что, зарядку делает?» — подумал Федин.

А сосед-москвич открыл на столе ноутбук и что-то там искал.

Толоконов созрел, наконец понял, что нужно бодаться на каждом шагу, и теперь, наверстывая упущенное, «топтал» следачку, которая столько наворочала, прокурора, который сунулся в суд с «дерьмовым» обвинением, воспитателей, замов-«помов», которые безбожно врут, Костюнова, который продан «всем чертям» на свете.

Судья следил за тем, как Толоконов переворачивал лист за листом, и снова мотал головой в разные стороны.

Но тут словно что-то произошло, прокурор сунул айпад в карман и стал что-то нервно записывать.

Судья морщился, лицо его вдруг сделалось как мягкая игрушка.

Толоконов уже шпарил ледяным голосом. То, что он проглатывал слова, придавало его речи особую грозность. Прокурор тер плешь, судья вообще закрылся рукой и нет-нет сверкнет гневным взглядом на бумаги в руках Ивана Александровича. Вот так накренился набок, что того и гляди свалится с кресла. Но подался к столу и уже не отводил своего пронзительного взгляда от звенящего словами директора.

Вот листки оказались в руке судьи.

Что-то вякал прокурор, прокукарекали адвокаты, судья исчез.

Все напряглись: на час, на два, до самого вечера?

Ведь отдали бумаг на десяти листах, быть может, не с одной сотней нарушений, фактов укрывательства, недочетов, залетов, которые, как казалось, имели только одно окончание: швырнуть дело назад в прокуратуру. Пусть разгребаются...

Может, Толоконов надеялся, что раздавил судью...

Если бы...

Саямов через пару минут вышел и улыбнулся:

— Отказать...

«Как отказать?! Как...» — взорвалось внутри Толоконова.

Только адвокаты сидели молча.

Они такое видели не раз.

Федин понимал: директора разводят москвичи, убеждая в том, что его бумажки могут что-то стоить. А ими взяли и подтерли одно место.

Судья:

— Что ж, 15 марта прения...

11

Федин уходил раньше Толоконова и москвича. Прощаясь, они переглянулись: 15 марта он точно должен заболеть. И там всеми правдами-неправдами тянуть до июня.

Федин сказал:

— Ты б в Донбасс свалил... Лучшее дело...

И теперь разве что дергалось внутри: «Ну, свалит Иван Александрович. Нет, не свалит. Почему? Да он — тюфяк...»

Федина поражал этот громила директор, а фактически рыхлый, неорганизованный, даже безалаберный мужик, но его любили кадеты.

Готовиться к прениям или нет?

Если свалит — не надо.

А если нет?..

Другие дела как бы не замечал, они мелькали мимоходом. Вот молодые взяли квартиру в ипотеку, а когда дочке пришла пора идти в школу — стали разводиться, делить квадратные метры, кому оставаться с жильем, а кому идти на улицу. Вот сбежавшая с ребенком за Урал мать уехала дальше на Алтай. Вот вдова вступила в наследство, а дети мужа от первого брака оставили ее и их совместных детей ни с чем. А два соседа в частном доме после крыши сцепились за межу на участке...

Жизнь Варяжска не унывала...

А Федин шел к финишу, быть может, по главному делу жизни. Защитить кадет, эту свежую поросль, а с ним и директора, который оступился, но не настолько, чтобы его судить...

Он должен помочь...

Невзирая ни на что...

Ни на какие охи-ахи-страхи-махи-завираки...

Завтра 15 марта 2016 года. В груди у Федина давит, сжимается все внутри. Позвонил москвич: вроде приедет. А насчет Толоконова? Вроде тоже будет.

«Что же они его за собой ташат?..» — ему не верилось, что так могут вести себя коллеги.

Да сбеги...

В соседней с судом посадке пересиди...

Наступило 15 марта. Федин с утра проснулся и — сразу за компьютер, править наброски к выступлению. И чем глубже уходил в дело, тем

все больше чувствовал, как раскачивает внутри. Посмотрел — он еще только на двадцатой странице, а чуть со стула не падает.

Давление?

Открыл настежь дверь балкона и в потоках свежего сырого воздуха считывал текст, боясь, что не выдержит и все-таки окажется на полу.

Ладно, дома, а если в суде?

Каким-то чудом закончил работу с выступлением, распечатал его и вот вывернул из подъезда на двор ехать в суд.

В суде удивился: оба московских адвоката приехали.

— Где Толоконов?..

«Неужели лег на дно?» — затеплилась надежда.

А в коридоре уже мелькнул судья.

«Он уже приготовился... А ему кукиш!»

Не тут-то было... Не пришел, а привалил Толоконов...

— Что ж ты...

Он понял: не лег на дно.

Снова почувствовал проделки москвичей.

Толоконов испуганно:

— Посадит...

— Идиот, тебе до свободы полтора месяца осталось... — твердо произнес.

— А где я буду прятаться?..

Федина не просто поражала, а убивала нерешительность человека, у которого птица счастья уже была в руках.

Зашли в зал.

Федин увидел прокурора-майора.

— Что ж один? А где ваш полковник?..

Майор пожал плечами.

— Я думал, у вас все полковники, майоры, лейтенанты придут...

И тут майор:

— Думаю, тут и лейтенанта хватило бы...

«Тяжелую артиллерию не прислали. А может, и не пришел с похмелья».

12

Начались прения. Прокурор стоял, поправлял очки и как будто читал лекцию, говоря негромко и как бы вдумчиво, но его ссылки на «вроде», «видимо», «зачем» только раздражали.

Федин все поглядывал на Толоконова:

«Да сейчас сбеги... Прямо из зала».

А тот сидел тьюфом.

Когда прокурор попросил признать Толоконова виновным в халатности и приговорить к штрафу сто тысяч рублей, никто не удивился, разве что наивный Толоконов ждал: прокурор откажется от обвинения...

Пошли в бой адвокаты.

Федин видел, как морщился судья, как что-то набирал на айпаде прокурор.

Первым выступал Геворг Павлович. Он кашлял и говорил, потом кряхтел и говорил, что-то в горле мешало ему. Судья делал вид, что слушает, но сам витал где-то в ином пространстве. Пахала разве что секретарь, челочка которой спала на лоб, и красная ручка дёргалась, как сумасшедшая, выделявая частые движения над листом бумаги, который заполнялся, откладываясь в сторону, появлялся новый и снова заполнялся.

Видимо, судья подустал сидеть, тер пальцы, подпирал подбородок рукой, снова тер.

Сафьян все говорил и говорил, желая хоть тут показать, как он бьётся за Толоконова...

За ним поднялся Штерн и тоже пошел говорить-нудить-говорить-нудить, а в Федине все сжималось: уходят последние золотые минуты...

И вот снова махнула птица счастья крылом.

Судья:

— Михаил Васильевич, у вас много?

Федин показал на пачку листов.

Прокурор:

— Но вы не повторялись бы с адвокатами...

— А что я писал, все произнесу...

Он упирался, стараясь бросить последнюю надежду директору.

И удалось.

Судья:

— Что ж, прервемся...

Объявили перерыв на десять минут.

Федин потянул Толоконова за руку:

— Выйдем...

В холле:

— Беги...

Тот растерялся. Смотрел на Геворга Павловича, тот загадочно улыбался, на Олега Иосифовича, тот чесал в ухе. Из холла уходили вниз две лестницы, было открыто окно.

Ну!..

Толоконов стоял в нерешительности...

Эх, сколько проиграно битв, где не сделали решительного шага...

Толоконов смотрел на одну лестницу, на другую, на окно, на Михаила Васильевича, который в сотый раз ему посылал глазами: беги, рви...

Золотые секунды тикали...

А Толоконов — на лестницу, лестницу, окно...

И вот снова оказались в зале.

Теперь говорил Федин. Клевал суд за притеснения защитников, прокурора — за потакание следователям, следователей — за «пытки», подделки протоколов обыска, грубые нарушения... В общем, всем сестрам раздавал по серьгам. И не обращал внимания, слушает ли его судья, играет или нет на айпаде прокурор, что делают адвокаты...

И не вспоминал про боязнь упасть: не падал и даже не качался.

13

Вот перешел к тому, что должно было подействовать:

— Уважаемый суд! Я хочу привести пример, о котором мне рассказал бывший генеральный прокурор. Руководитель государства Хрущев (это было в его время) давил на суд и требовал от тогдашнего председателя Верховного суда Горкина расстрелять подростка. Тот убил родителей. А Горкин отвечал: «Я нарушать закон не буду». Запрещалось применять высшую меру наказания для несовершеннолетних. Первое лицо страны требовало! Вот какой Горкин...

Глаза у судьи закрутились шарами.

Федин:

— Не слушайте никого и ничего: ни власть, ни шумиху вокруг дела Толоконова, поступите по совести, все сомнения, которые одолевают вас, трактуйте в пользу обвиненного...

Салямов вскипел:

— Вы что, думаете, я... я... я... — заякал и заикался.

Федин закончил речь словами:

— Оправдайте Ивана Александровича...

Только садясь, увидел, что адвокаты играли на экране планшета в шахматы.

Судья:

— Ну что, Иван Александрович, последнее слово...

Федин с мольбой посмотрел на своего подопечного «лоха». Весь его вид говорил: «Скажи: дайте подумать, только не сегодня...»

Тут Сафьян и Штерн оторвались от игры:

— Иван Александрович, ну скажите...

Последнюю возможность спастись вырывали из рук Толоконова московские адвокаты.

Федин:

— Ему подумать надо...

Но сам Толоконов встал.

«Ну идиот!» — как простонал Федин.

Разгоряченный речами адвокатов Толоконов ударился в историю создания корпуса, как он его организовывал, как выпестовывал, как под-

нимал из небытия кадетское движение, как переехал жить в корпус и находился там безвылазно, как выпускники приносили плоды, теперь служили во всех точках страны, как пришлось бороться за землю, как подставили его алчные чинуши...

«Прекрасная речь, но разве она пробьет стены этого зала?» — озирался Федин по сторонам.

Толоконов сел потный.

— Приговор будет объявлен 18 марта, — сказал судья, сгребая бумаги со стола.

В холле Федину бесполезным бальзамом на душу отзывались слова Толоконова:

— Спасибо...

Ему понравилась речь Фебина.

А Федин теперь изливал свое раздражение:

— Ты не хотел сопротивляться на следствии — тебе отсоветовал москвич. Тогда бы месяц прибавился... И где б мы были сейчас? В апреле... Ты не хотел вызывать свидетелей, — он обращался на «ты», считал, что теперь получил на это право, — «шишек»... На это бы месяц ушел... Мы теперь бы в мае были... Ты приехал из Москвы, когда заболел... — не стал называть имена тех, кто привез и стоял рядом. — Мог теперь исчезнуть... До прений... После прений мог попросить время для последнего слова... Мог...

Федин был предельно раздражен. Он боролся не только за Толоконова, а за все кадетское движение. Получалось: Толоконов подводил кадет. Заблудился он или смалодушничал, не имело разницы. Вот что было страшное.

14

Москвичи уезжали в столицу на джипе. Как остопоп, склонился у капота Толоконов. А Геворг Павлович и Олег Иосифович ободряли: если не оправдает, ничего, обжалуем, ничего, там, в Москве, решим...

Снова кормили завтраками.

Федин молчал. Ему было очень обидно, что ему не дали свои же коллеги подчистую разбить гнусное дело.

Пришел день события, которое подводило итог двух лет. Федин шел, и его снова покачивало. Только теперь он ощутил всю усталость от изматывающих дней, недель, месяцев процесса, всей этой двухгодичной тяжести, годичной — на предварительном следствии и годичной — в суде.

Два года жизни отдал этому делу. Его томило. Вспоминал, как взъярился судья, когда он начал толковать про Хрущева и Горкина. Видимо, уколол в самое место. Только ему звонили «шишки» меньшего масштаба. А кто, мог только предполагать.

«Эх, не убежал Иван Александрович... Мог на Донбассе воевать... Мог в Абхазии в горах скрываться... Мог в том же Крыму отсидеться... Да на худой конец, в любом кадетском корпусе в мастерской... Или у меня на даче...»

А что?

В суде холл оказался пустым.

Секретарь вышла из дверей зала:

— А Толоконов...

Федин пожал плечами. Даже если бы он не пришел, это уже ничего не решало. Теперь хоть на север в тундру убегай, хоть на юг в Кодорское ущелье, уже ничего не изменишь.

Но все равно теплилась надежда: а вдруг судья поднимется над системой, поступит по совести и оправдает?

Заметил, как прибежал озабоченный Толоконов:

— Чудеса! Да одна опекунша захотела денег поиметь и пожаловалась, что ее ребенка...

— Насилуют?

— Да. А оказалось, фикция. Её теперь за клевету...

«Насилие стало среди родителей кадет бизнесом».

Вместо майора на оглашение приговора пришел полковник, на этот раз побритый, помытый, в отглаженных брючках, бодрячок.

Федин:

— А майор нам говорил: лейтенанта достаточно...

«Ты у меня договоришься», — сверкнули глаза у полковника.

Когда появился судья со стопочкой бумаг, все встали, а тот, пройдя за председательский стол, сел и сказал:

— Прошу садиться...

«Приговор объявит сидя. Ну что ж, видимо, долго читать...»

Федин раскрыл тетрадку, писал и... остановился.

— ... «совершил преступление»... — прозвучало монотонно со слабым кавказским акцентом.

Выходило: Толоконов виноват!

«Да, кукиш тебе — а не оправдание...»

15

Глянул на часы над дверью: «10 часов 17 минут», потом на знамя, которое поблескивало острым металлическим наконечником сбоку от судьи.

Прокурор, как полководец, подбоченился в кресле и покряхтывал.

А со стороны Толоконова потрескивали скамья, стол, пол под ним.

Судья тараторил, прокурор тыкал в айпад.

«Как в прошлом заседании майор, — заметил прокурорскую привычку Федин. — У них манера такая — слать друг другу “любовные” письма».

Перевел взгляд на Толоконова: как Тарас Бульба склонил голову.
А секретарь уперлась взглядом в монитор: ее работа писать закончилась.

Писал только Толоконов. Ручка пульсировала и трещала в его руке.
«А эти козлики, — подумал Федин о москвичах, — не приехали».
Они свою работу сделали, затащили Толоконова под статью.

Голос судьи крыл:

— «...хотел избежать огласки...»

«А как же? Надо спасти детище!» — мысленно парировал судье Федин.

— «...обязан был сообщить о насилии...»

«Зачем поперек батьки в пекло?» — Федин вспомнил, как директор советовался с отцом, а тот побежал в прокуратуру.

И снова звучали отвратительные описания из жизни кадет.

«О Боже! Те же мерзкие фразы».

Понял, почему секретарь тупо смотрит в монитор — ей слушать тошно.

Прочитанные листы судья сбивал в пачечку, брался за очередной.

Стопка бумажек сократилась на треть.

Судья отметал то, на что уповали адвокаты: Стоянов врал следовательно, а в суде говорил правду.

Суд посчитал, что на следствии он не обманывал, а судью вводил в заблуждение.

Одним словом, топил Толоконова.

В зале становилось душно. В голове Федина засвистело. Неужели прыгнуло давление? Сейчас свалится. Но что-то не падал. А в комнате гулял откуда-то взявшийся ветерок, грозя обратиться в вихрь.

Кололи слова воспитателя: «Мальчишки получили жуткий опыт...»

В Федине огрызалось: «Слухи... сплетни... рассказы... шутки...», и он подумывал, чего на этот раз ждать от Толоконова: встанет? уйдет? убежит? Но толку-то. Теперь бегай — не бегай... Или разбушует? Вмажет этому? Посмотрел на прокурора, который блаженствовал в кресле, на судью, на знамя около него. «Схватит стяг и прошьет Салямова... И еще не дай бог заодно меня — его адвоката... Вот будет месиловка...»

Невольнo отодвинулся на стуле подальше от скамьи с Толоконовым.

Стопочка листов уменьшалась.

А слова: «однополюсные связи», «пьянки воспитателей», «параша» (ну почти как в зоне!) — сыпали и сыпали.

Федину становилось не по себе от набивших оскомину словосочетаний, фамилий кадетов, воспитателей, учителей.

Одни из них стояли за Толоконова. Другие предавали, а фамилия воспитателя Двойняшкина оставалась в стороне.

«Вот кто должен сидеть на скамье подсудимых!»

Одних коллег директора и воспитанников Федин хотел похвалить за смелость, другим — плюнуть в лицо за подлость, и тяжелила мысль: в скольких мальчишках убьет душу этот процесс, сделает их продажными, а в ком — закалит душу.

Прокурор забыл про айпад, клонился на один бок, потом вздрогнет и сядет ровно, а потом валится на другой бок.

«Сейчас захрапит».

Федин снова глянул на часы: «11 часов 29 минут. Уже больше часа читает. Нет бы пропустить десяток страниц».

Казалось, не час прошел, а целый день.

Прокурор открывал глаза, шурился, тёр виски, а в Федине ныло: «Когда ж это кончится», и скрипела в руках Толоконова ручка, готовая треснуть.

Судья провел по лысине, как будто смахнул перхоть.

Прокурор вдруг нахохлился и посмотрел на судью, а Федин теперь разглядывал белый воротничок на судейской мантии («подшил как солдат»), рыжий галстук («оделся как на праздник»).

Теплилась надежда, а чем черт не шутит, возьмет и выдаст: оправдать!

«11 часов 56 минут».

Судья никак не останавливался.

«Да, опытная тарактелка... 11 часов 59 минут».

Все чаще поглядывал на часы. Прокурор теперь вообще не открывал глаза и покачивался.

«Наркоман, накололся и балдеет».

Нет-нет вздрогнет, откроет глаз, стрельнет на адвоката, на Толоконова и снова в спячку.

«12 часов 05 минут... 12 часов 07 минут...»

Стопка листов перед судьей уменьшилась на две трети.

«12 часов 18 минут».

Федин мял руки, качал ногами, старался снять невроз. Считал, сколько заплатили судье за то, что он год судит. Семьдесят тысяч рублей в месяц умножить на двенадцать месяцев — получается под миллион. Нехило потратилось государство на такую мутатень. А если прибавить, сколько еще следакам заплатили... Прокурорам... Да, с такими тратами страна далеко не уедет..

Если в прежних заседаниях Иван Александрович взрывался, то теперь сидел ниже травы тише воды.

А стопочка листов убывала.

Судья поднял последний лист:

— Встать!

Все как встрепенулись. Вскочили.

Судья:

— Именем... приговорил признать Толоконова виновным...

«Все-таки сдрейфил».

— Назначить наказание в виде штрафа сто тысяч рублей...

«Попка», — произнес про себя Федин, вспомнив то, что просил майор.

— Освободить от наказания... в связи с амнистией...

Федин считал, что перед его глазами должна разразиться буря, Толоконов должен был начать крушить все и вся, а тот стоял, опустив руки.

Судья:

— Толоконов, вам понятен приговор?

И тот даже не повысил голос, а тонким голоском:

— Понятен...

«А где же шквал? Где крик? Где буря?» — забило в Федине.

Он не узнавал бывшего директора, из которого суд сделал пай-мальчика.

Адвокату стало даже обидно. «Эх ты, — он глянул на Толоконова. — Твои кадеты больше бились за тебя, чем ты сам».

Хотелось видеть мощного вояку-героя, который может сдвинуть гору, а не размазню.

«Что ж ты не крикнул! Даже не покрыл матом... а утерся», — вот что бурлило в Федине, когда они с Толоконовым выходили на улицу, когда шли на ветер и не чувствовали его, когда перебрасывались фразами: один, воевавший за директора, а другой — сдавший свой редут без боя.

И когда Федин: «Вот, мог же убежать... Не приехать на суд... Тогда бы этого позора не было...», — Толоконов: «Что об этом говорить...»

Федина заело: «Надо говорить! Я за тебя дрался. Дрались кадеты. Меня били за тебя. А ты наложил в штаны».

И страшно становилось от судов, которые из мужиков делали трусов.

Несмотря на свой большой опыт, Федин представить себе не мог, чтобы Илья Муромец оказался тряпкой.

Судья Саямов уходил из зала счастливый.

Прокурор поскакал как козлик.

И уже через час по СМИ понеслось:

«Бывший директор кадетского корпуса осужден...»

Федин пытался оспорить приговор. Сделал предварительную жалобу Толоконову, а основную писать не стал. Это сделали москвичи. Сходил в Ворошиловский районный суд, хотел найти в протоколах судебных за-

седаний просчеты, но секретарь дословно записала вопросы и ответы, и уличить её не представилось возможным.

И вот позвонили из областного суда.

— Дело назначено на 5 мая... — говорила помощник судьи. — Вы будете?..

Федин стушевался.

— У вас с Толоконовым есть соглашение на участие?

— Нет... Но там москвичи...

— У москвичей тоже нет соглашения... Говорят, пусть Федин идет...

«Окончательно бросили, — подумал и добавил: — А у моей внучки 5 мая день рождения...» — На этот раз вспомнил дату.

Помощник рассмеялась.

— А судья-то кто? — спросил Федин.

— Дамилова...

Федин вздохнул: эту судью знал по ее особой послушности обвинителям и понимал, что ловить будет нечего, но сказал:

— В общем, будет соглашение, сообщу...

Но помощник цеплялась:

— Нам надо знать заранее...

— А если со мной соглашение заключат за день?

— Все равно...

Так и не договорившись ни о чем, Федин положил трубку.

18

А тем временем узнал, что уже кадетского корпуса имени Великого князя... нет, а есть просто кадетский, и это возмутило:

— Убит бренд!

Большевики в борьбе со старым уничтожили корпус, теперь новые власти в борьбе с возрождающимся прошлым отрезали ему корни.

5 мая 2016 года Федин прибыл в областной суд. Год назад здесь тройка судей не помогла им в деле по увольнению. Теперь дело по халатности рассматривала единолично судья, бывшая жена большой «шишки», поношенная, со следами былой смазливости бабенка.

Надеялся ли на что-то Федин?

А он ни в одно дело в жизни не шел без надежды.

И когда ему дали слово, он начал с главного:

— Император... рекомендовал варяжскому дворянству принять добровольное участие в расходах по устройству корпуса... Призыв императора был услышан и... дворянство собралось... свыше двухсот тысяч рублей... Но средств не хватило... Тогда отставной генерал-майор, участник войны с Наполеоном... пожертвовал на открытие корпуса все свое состояние в размере двух миллионов рублей... Генерал просил назвать

корпус в честь Великого князя... Выпускники корпуса: книгоиздатель... изобретатель электрической лампочки... создатель трехлинейки... герой Брусиловского прорыва генерал... герой белого движения генерал-лейтенант...

— Хватит! — ударила по столу бывшая.

— Извините, я говорю о главном...

— Здесь главное — секс, а не ваша трескотня...

Федин еще цеплялся с судьей, зарабатывая на себя очередную «телегу» в палату, а бывшая, шепелявя, выясняла:

— Был секс или нет?.. Ходили кровати ходуном под кадетами или не ходили...

Пыталась дойти до тонкостей.

— Вам показать? — возмущался Толоконов.

«Какая развратная тетка...» — мутило Федина.

Потом, даже не удаляясь в совещательную комнату, судья объявила:

— Секс был... В жалобе отказать...

«Проститутка», — чуть не выкрикнули адвокат с директором.

Они вышли из суда с головной болью.

А СМИ уже кричали: «Приговор оставили в силе».

Как трезвонили, когда приговор не удалось отменить ни в кассации в Варяжке, ни в столице; когда ни в одной инстанции не отменили решение по увольнению.

Кто-то радовался, кайфовал, плясал, а кто-то и горевал, а кому-то и хотелось напиться. Напиться оттого, что проиграли два дела, что подвели кадет, что перемололи многих из них — из кого-то выбили души, что тонуло в болоте кадетское движение, кадетская идея, что вообще так гадко жить на земле, а не оттого, что распутничают подростки — где и когда этого не случилось?

Все-таки были победы. От кадетской земли чиновники и их коммерсанты отстали — за это принес себя в жертву директор Толоконов. Он теперь получал эсэмэски от бывших своих учеников, пусть и не при должности, оставаясь их духовным наставником, как духовник у насельников в монастыре, встречался с ними у памятника Ивану Бунину, отец которого во время Крымской войны защищал Севастополь.

Адвоката Федина несло дальше по жизни. На 9 Мая с женой к внучке не поехали, начинались дачные хлопоты. Перед его глазами мелькали клиенты, судьи, следователи; попалась навстречу и улыбнулась племянница министра — у неё всё утряслось; подвёз священник и рассказал про брата Саньку, который женился и остепенился; увезшая на Алтай дочку мать вернула ребенка отцу; кто-то махал рукой, то ли приветствуя,

то ли подзывая Федина, и металась при приближении его в подворотню Паолова.

Как сложилась дальнейшая судьба Семы Петрина и его девушки Даши — не знал.

Нет-нет и вспоминал кадетское дело и корил себя, что пошел у москвичей на поводу, что бился не в полную силу. И вовсе не вспоминал, как перепало ему за медаль, за неявку в суд, как измотали бесконечные встряски, и становилось совестно, что обижался на Толоконова за «ляпы», относя их к доверчивости и загнанности бывшего директора.

Был удивлен, когда Толоконов приехал к нему домой: «Михаил Васильевич, я с вами должен рассчитаться. Сколько я вам должен?..» Это произошло после того, как у следователей выбили изъятые у директора компьютеры и деньги. И Федин ответил: «Сколько сможете», и в его руки перепало несколько сотенных бумажек. Но они почему-то жгли руки: он не должен был их брать.

Он, как и каждый адвокат, обязан биться за кадет и их людей бесплатно.

Теперь при виде пареньков в черных мундирах с белыми погонами и в фуражках с красным околышем у Федина подымалась грудь и тянулась рука к голове. Он незаметно их приветствовал.

Бои на Донбассе не утихали.

Имя Великого князя корпусу не вернули.

12 января 2018 года

Андрей ШАЦКОВ**СНЕГИРИНЫЕ
СПОЛОХИ****Стихи****ДЕКАБРЬ**

Уходят дымом в небо декабри —
Ровесники мои и обереги.
Гори, звезда высокая, гори,
Пока глаза не запорошат снега.

Покуда глина не простыла вглубь
На две казной предписанных сажени,
Приветствую тебя, Декабрь —
друг
В последнем неоконченном сраженьи:

Стихов и прозы, лазов и пути,
Где каждый шаг возможен стать судьбою.
Веди меня, Введение,
веди
В свой храм, захлопнув двери за собою.

Чтоб за порогом жизни суеты,
В лампадном свете — ангелами рея,
В морозных окнах чудились цветы,
Процветшие на Зимнего Андрея!

И чтоб дубов железная листва,
Опавшая покровом плащаницы,

Мостила путь к началу Рождества
И выводила души из темницы!

Пусть в мельтешенье скоморошных дат
Незыблемо пребудет та, что свята
Пришедшим в журавлиный снегопад,
Когда метель по-птичьему крылата!

СНЕГИРИНАЯ ПАНИХИДА

И падает снег, и, отбившись от рук,
В угрюмое, зябкое небо
Летит запоздалая стая на юг,
Где зрелищ хватает и хлеба.

Как выбранный невод — скукожилась ширь.
Повыползли Божие страхи...
А я — остаюсь, как российский снегирь,
В кровавой отцовской рубахе.

Которую сын мой примерить успел.
Земля ему — прахом и пухом.
Я б песню ему средь трилистников спел,
Овеянных Троицы духом.

Он в жаркую пору июня унёс
Отцовское сердце в ладони.
И только с утра пробудился мой пёс,
Призвав к бесполезной погоне.

И что остаётся: читать псалтыри
На жизнью возведенной плахе?
И клювом в окошко стучат снегири
В отцовской горящей рубахе!

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Непроглядны сумерки под ёлками...
В таинстве рождественской ночи
Холода сквозят меж рамы щелками,
Щелкают поленьями в печи.

Вся Россия ждет, на небо глядячи,
Первозвездья драгоценный дар:

Кривичи, радимичи и вятичи,
По деревням, селам, городам.

На земле, где мною столько хожено,
Где делил с друзьями черный хлеб,
Вьюгой бездорожье запорошено.
Долог путь в рождественский вертеп.

От острога и горючей паперти
На Руси не зарекаться стать.
В женщине с глазами Богоматери
Узнаю свою родную мать.

Над землей, которой Богом дадено
Мужества на долгие века,
Проплывают облаки из ладана,
Мчатся снеговые облака.

Но в сугробы страхи и сомнения
Опадут, как прошлого листва,
В полночи высокое мгновение
Светлого начала Рождества.

КРЕЩЕНСКИЙ НОКТЮРН У ИСТОКОВ РУЗЫ

*Истоки реки Рузы лежат
на Московской возвышенности...
Истоки реки Иордан лежат у горы
Хермон... ранее принадлежащей Сирии...
Материалы Википедии*

Я хочу попросить прощения
Перед вами, мои стихи
Нерождённые...
Пусть Крещение
Грех омоет волной реки.

Да не будут они обузою.
До земли не оттянут плеч...
Над моею застывшей Рузою
Засвистела снегов картечь!

Пусть стихи остаются в заводи,
Щукой спрячутся в глубину,

Над русскою печальною равниной,
Которой нет ни края, ни конца.
Как нет конца и края у кольца
Российских рек,
чьей вечной пуповиной

Повит из Грек в Варяги крестный путь
Истории, что нам не поиначить...
Какая боль в метельном волчьем плаче!
Как разрывает эта песня грудь!

Но всё равно, покуда в сердце есть
Хоть капля праотеческой отваги,
Спешу стихи оставить на бумаге
И завещаю своим потомкам честь,

С которой жил,
и не твоя вина,
Что на последнем заповедье шага
Не взвешал над кормою стяг «Варяга»,
Как прадед,
и грошовая цена

Делам, поступкам, мыслям и словам...
Они пришлись не вовремя, не к месту.
Попавши под губительный секвестр
Низвергнутым из ада временам!

И что ещё, по правде говоря,
Осталось ждать от Синегорской стужи,
Покуда над землёй, как враны, кружат
Слепые снегопады февраля!

СРЕТЕНИЕ

Не рассветает... Смутен зимний сон.
Метели бьют навыворот и навывнос.
На аналое — инея антиминс,
На колокольнях — куколи ворон

Чернеют...
Непрогляден окоём.
Не рассветает... Сон медвежий смутен,

И не понять, то ль сумерки, то ль сутемь
Витают над разбуженным огнем

Лампады...

Но простуженный тропарь
Вещает, что близка весны примета —
День встречи с Новым — Ветхого Завета,
День Сретенья, говаривали встарь

В России...

Здесь весомы, но нежны
Снега ложатся в тракты и дороги.
И чаще встреч — разлуки на пороге,
И чаще песен — ектеньи слышны

Под небом,
на которое рассвет
Вернется и с надеждой будет встречен
В день Сретенья, который свят и вечен
Для тех, кто верит, что разлуки — нет!

ЗАВЕЩАЮ РОССИЮ

Задолго до Светлого праздника вешнего,
От комля столба, у заставы стоящего,
Под кашель простуженный старого лешего
И шорохи льда, переправы мостящего,

Метет по дорогам пурга-околесица,
Но дело неметно, как водится исстари.
Опять начинается месяцев лествица
От печки, где ели горят серебристые.

Беременна прошлого года загадками,
Пришла января суетливая проза.
Опять Рождество с надоевшими святами.
Опять на Крещение не будет мороза.

Под утро опять одолеет бессонница.
И скрип половиц под шагами неслышными.
И дело к разлуке негаданной клонится —
Печальной разлуке под старыми вишнями.

И Виевы веки сомкнутся усталые.
Века разомкнутся в пространстве и времени.
И лишь снегирины сполохи алые
Рассыплются искрами в траурной темени...

Но звон колокольный густою октавою
Разбудит вчерашние сумерки синие.
Я в них остаюсь за чертой, за заставою,
А вам, сыновья, завещаю Россию!

Где никнут берёзы над прахом отеческим,
Над зимником, битым стальными полозьями,
В края, где не пахнет жильем человеческим
И звезды висят самоцветными гроздьями, —

Над русской землёю, как ворот распахнутой,
От скал, где бушует волна океанная,
До степи полынной, нагайкой распаханной,
Где Разина песня звучит окаянная!

Валериян МАРКАРОВ

МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ

**Фрагмент романа
«Легенда о Пиросмани»**

Рассказ «Миллион алых роз» является самостоятельным фрагментом исторического романа-драмы «Легенда о Пиросмани» о жизни выдающегося художника-примитивиста Нико Пиросмани. События, описанные в книге, разворачивались в Тифлисской губернии Российской империи на рубеже 19-го и 20-го веков. Рядом с нами порой живут удивительные люди, которые ещё до скончания их земных дней становятся легендой. Таков удел избранных. Они слышат, видят и чувствуют то, что недостижимо для простых смертных, а мы не замечаем их, не бережем. Вот таким создателем, чьё имя окружено ореолом бессмертия, и был Нико Пиросмани. Истории, которые о нём рассказывают, никто не может подтвердить или опровергнуть. Даже современники вспоминали Никаду как сон. Он так и остался загадкой для поколений. Но именно эти истории и есть его биография. Он сам её создал своей удивительной жизнью. Жизнь, превратившейся в Легенду о Мастере. И мы не имеем права не верить ей...

Нико бездумно брёл вперёд, сквозь изнурительную весеннюю жару, когда улицы Тифлиса, зажатого к котловине между горами, дымились от накала палящего зноя. Ноги легко снесли его по чешуйчатой мостовой Верийского спуска, аккуратно перевели через мост над Курой и по Михайловской улице довели напрямик до самого «Муштаида», этого «Булонского леса» грузинской столицы.

Здесь пахло жареными каштанами, в богатых ресторанах страстно пели и кутили богачи — эти дети веселья и достатка, щегольски разодетые в серебро и цветные сукна, — и беспечно рассыпали по сторонам свои накопления. Солиднее и сдержаннее вела себя интеллигенция —

врачи, инженеры, учителя, адвокаты, которые приходили сюда отдохнуть и подышать прохладой за тихой благоразумной беседой. В заведениях попроще собрался торговый и ремесленный люд Тифлиса: карачохели, торговцы и мелкие купцы, ставшие недавно набирать коммерческий оборот. Мужчин непременно сопровождали черноволосые и черноглазые красавицы с румяными щеками и сверкающими белизной зубами. Кто-то из них — чья-то жена, кто-то — дочь на выданье, а кто-то — и любовница. И вся эта толпа — в ресторанах и духанах рядом с фонтанами или под свежей сенью елей, акаций, чинар и тутовых деревьев — острит и хохочет, танцует и азартно играет в лото, поёт, болтает и бранится, гуляет по аллеям сада, шумит и блескает улыбками, ботинками, платьями, мундирами.

Неугомонная детвора шумно носится по аллеям сада, лишь изредка останавливаясь, чтобы поглазеть на представление петрушки или понаблюдать за ловкими китайскими фокусниками, послушать старых шарманщиков, чьи барабаны изготавливались одесскими мастерами, по причине чего здесь были популярны мелодии «7.40», «Шарлатан» и другие еврейские напевы. Любопытным девочкам постарше предсказывают судьбу разноцветные попугаи, за определённую плату вытаскивающие своими кривыми клювами плотно уложенные и написанные корявым почерком судьбоносные билетки.

Нико заглянул в духан. Здесь, в глубине, за длинным столом, освещённым лампами, сидели люди. Шёл большой пир на полупире. Ароматные бычьи лопатки, хорошо сваренные, лежали в облаках пара на больших блюдах, рядом с шашлыками на шампурах, пестрели гранаты, наливные яблоки, гроздь прозрачного винограда, жирная индюшка и поросёнок, покрытый яичным желтком и обжаренный, с зеленью петрушки и ярко-красными редисками в раскрытом рту, и тарелки с тёмно-зелёным варёным шпинатом, заправленным пахучим хмели-сунели. Мужчины сидели кто в пиджаках, кто — в блузах, а кто — в чохах, чёрных, каштановых, с серебряными и чёрными поясами и кинжалами. Все говорили спокойно, наслаждаясь тем, что ночь ещё длинна, и тем, что это уже не первая, но и далеко не последняя ночь великого пира.

Вскоре подошёл буфетчик-микитан, обмотанный фартуком до самого пола, с подносом в руках. На нём стояли стеклянный графин с холодной водкой и рюмка. Нико залпом выпил полную стопку, и блаженное тепло немедленно разлилось по всему его телу. Затем он выпил вторую и третью и, опустошив графинчик, взял дрожащей рукой пустую рюмку, став в задумчивости рассматривать её матовое донышко...

Оставив духан, он в отрешении углубился в сад и наткнулся на кафешантан, на его открытой эстраде по вечерам давали музыкальные спектакли и иллюзионные номера. Здесь выступали весёлые конферансье-куплетисты и акробатки-«каучук», балетные пары исполняли па-де-де и па-де-труа, им на смену выбегали стройные артистки кордебалета, а

ближе к ночи неискушённой кавказской публике демонстрировали непристойные пляски задорного и беззаботного канкана.

Дыхание новых перемен, идущих с Запада, как и дыхание необычайно жаркой весны, явственно витало во всей атмосфере этого увеселительного заведения, с появлением которого неведомая сила начинала выгонять мирных жителей Тифлиса, привыкших проводить тихие весенние вечера за игрой в нарды и лото, в эти кафе-шантаны, заставляла из любопытства слушать пикантные шансонетки на непонятном языке, учила не стыдиться коротких, выше колен, юбок, выразительно-двусмысленных движений танцовщиц французского варьете в купальных костюмах, высоко задиравших длинные ноги и посылавших зрителям воздушные поцелуи, и толкала скромных и совершенно невинных девушек, дочерей местных обывателей, на работу модистками в ателье, на сцену, в театр, натурщицами к свободным художникам либо на новый промысел на новом тротуаре.

Нико бы прошёл мимо эстрады и толпы зевак, созерцавших анонс выступления какой-то заезжей артистки, которое вот-вот должно было начаться, если бы не уткнулся носом о широкую тумбу с наклеенной на ней афишей, краешек которой был потрепан ветром:

«Новость!

Съ 27-го Марта 1905 года

Г А С Т Р О Л И

Впервые в Тифлисе Парижский Театръ Миниатюръ «Бель Вю»

и знаменитая артистка ещё небывалаго въ Россіи жанра

La Belle Margaritta De Sevre.

Уникальный даръ петь шансоны и одновременно танцевать кейк-уокъ!

Концертъ-дивертисментъ въ трёх отдѣленіяхъ

От 8 час. вечера до 2 час. ночи. Билеты покупайте в кассахъ».

Спустя мгновенье взгляд его задержался на диковинке, что появилась на сцене из-за кулис после того, как конференсье объявил выход мадемуазель Маргариты. Изящная певичка с лёгким слоем наложенного на белое лицо театрального грима, что придавал ей выразительности, с большими глазами, обведёнными чёрной краской, пухлыми, розовыми от пудры щеками, с копной вьющихся волос, она стояла в полосатых чулках, не скрывавших её крепких ног, на которых красовались изящные туфельки с заостренным мыском на небольшом каблучке в форме рюмки. На ней была пышная юбка на очень тонкой, похоже перетянутой, талии, а в руках она держала веер и кланялась публике своим ротиком тёмно-морковного цвета, чем невольно заставила Нико обратить на себя внимание. Она дивно запела на непонятном ему языке своим глубоким и чувственным голосом, и все, заслышав её пение, отчего-то вздрогнули. Она же, танцуя, в такт музыке плавно покачивала бёдрами из стороны в

сторону, размахивала руками над головой, а на припевах подскакивала и поднимала ноги выше своей головы таким образом, что Нико искренне испугался, как бы эта удивительная девушка не развалилась на части.

Рот его был приоткрыт от наивного удивления, а застывшие глаза устремлены к эстраде. Он не мог их оторвать от неживой и холодной улыбки мадемуазель Маргариты. В какой-то миг ему померещилось, что она бросила на него свой томный взгляд из-под густых ресниц, и от того его сердце учащённо забилося. Её странное «двойное» пение, если внимательно его слушать, создавало впечатление, словно одновременно пели два человека: будто главный голос, что был громче другого, был золотой, а второй, очень тихий, — серебряный. Этот необыкновенный вокал тронул его до глубины души, и ещё немного — он готов был заплакать, хотя это бывало с ним редко, когда он слушал песню. Ему представлялось, что певица рассказывает о человеке, которого хорошо знает, за которым не раз наблюдала, знает, как он смеётся, смущается, радуется...

— О чём эта песня, уважаемый? — шепнул он, не в силах сдержать свой интерес, на ухо человеку весьма почтенного возраста, с пышными усами и не менее пышными бровями, одетого в дорогой костюм по моде тифлисского городского купечества.

— Понятия не имею, генацвале. Либретто ведь у нас нет, а название на французском мне ни о чем не говорит...

Артистка завершила своё выступление, и зал охватил восторг. Одна из зрительниц, что стояла ближе всех к подмосткам, взвизгнула в ажитации, а кое-кто из молодых офицеров, предчувствуя нешуточное веселье, стал свистеть.

На сцену полетели букетики цветов! Сердце Нико заколотилось от волнения, задрожало от злости на самого себя — как же так, что у НЕГО нет цветов? Никаких! Даже полевых! Эх, Никала-Никала, глупый ты, и голова твоя соломенная! Не запомнил разве, что женщины любят цветы. Их в духаны не води, вареной осетриной и копчёным балыком не корми, а вот цветочек, хотя бы маленький, подари! Разбейся, найди этот чёртов гривенник и купи!

Публика в экстазе вздыхала и колыхалась. Слышались раскаты грома восторженных оваций!

— Шарман-шарман! — истошно вопила дама в цветочной шляпе и с пломбиром в руках.

— Гран мерси, мадемуазель Маргарита! — вторили другие.

— Bravo! — кричали третьи, посылая артистке бурные аплодисменты и воздушные поцелуи снизу. — Прелестно! Очаровательно! Мерси боку!

А высокий мужчина солидного возраста в дорогом костюме, который во время выступления мадемуазель Маргариты стоял рядом с Нико и что-то говорил про какое-то, кажется, «либретто», вдруг бросил пыхтеть своей трубкой и, усиленно толкая других своими локтями и плечами и даже

не оборачиваясь, чтобы извиниться, смог в конечном счёте протиснуться к самому краешку сцены и, встав на цыпочки, покровительственно кивнул артистке и что-то положил в боковой кармашек её платья...

Нико не отводил от неё глаз, зачарованно смотрел, изучал каждое движение той, что до невероятности поразила его воображение. Сейчас вот ему показалось, что артистка кокетливо подняла на плечо спадающую бретельку её легкого платья и... странно! она вновь бросила на него свой взгляд, а потом её отвлекли очередные возгласы публики:

«Гран мерси, мадемуазель Маргарита!»

Она скромно прошептала серебряным голосом что-то невнятное, вроде бы «жё ву зан при», и... — нет, ему не приснилось! — она действительно посмотрела на него! Но почему? Что в нём такого особенного? Ей смешно? Или, быть может... может... он приглянулся ей?

Он не мог прийти в себя от изумления, от какого-то удивительного, странного чувства, поселившегося в нём. Что это с ним? Неужели он, увидев прекрасную девушку, влюбился с первого взгляда? Влюбился без памяти, по-настоящему, до сущего безумия?

— Вот она, любовь всей моей жизни! — грезило его большое мечтательное сердце. — Прекрасный ангел, наконец-то спустившийся ко мне с неба!

...Он не мог дожидаться наступления нового дня, ворочался всю ночь напролёт с боку на бок. Кровь его, воспламенившись от любви, бурно текла по жилам, а из головы не выходил дивный, чарующий голос певицы, невероятный по своей силе и красоте.

На рассвете к дверям его молочной лавки подошли серые, вечно грустные ослики из Табахмелы с хурджинами на своих спинах, таких пыльных, будто весь Тифлис вытирал о них свои туфли. Нико, не торгуясь, второпях заплатил деревенским мальчишкам за молоко, мацони, сметану и сыр и, не дождавшись прихода компаньона, принарядился как умел: снял фартук и взамен него нацепил на себя пиджак — и выскочил из лавки, прихватив с собой из вчерашней кассы целых пять рублей.

Вот и «Муштаид». Здесь, у самого входа, расположились два чистильщика сапог. Сидят себе перед красными креслами и стучат щётками по ящикам. А над креслами у них — настоящие балдахины с фестонами, кистями и декоративной бахромой — господам хорошим нравится! Любят в Тифлисе картинность!

С раннего утра в саду уже гуляли люди, плавно кружилась карусель с гнедыми лошадками в сбруях, санями, белыми лебедями, радостно визжали детские голоса, а один старый грузин, в сером плаще и сванской шапке, следил за порядком на этой территории и одновременно нажимал кнопки, запускающие аттракционы. Недалеко какой-то шустрый и крикливый малый зазывал широкую публику в павильончик кривых зеркал.

Нико без труда нашёл кассу — маленькую будочку — и за полтинник купил входной билет на представление актрисы Маргариты. Итак,

сокровенный билет у него в кармане. И сейчас прожигает насквозь его кожу. Но он, Нико, вытерпит эту боль. Ведь осталось ждать не так и долго — всего до 8 часов вечера, когда начнётся большое представление!

Ему захотелось есть, но в духан он не пошёл — испугался за себя, что выпьет лишнего и предстанет пред Маргаритой не в лучшем виде. Весь день он находился в сильном волнении и вместе с тем в радостном возбуждении и ощущал странный трепет в груди. Когда же в желудке его заурчало грозно и неумолимо, он купил себе сначала жареных каштанов, потом — кукурузы и стакан сельтерской, тем и утолил голод и жажду.

Оставалось не более двух часов до начала концерта. Электрические лампы напрасно горели над ненужными уже афишами: билетная касса была закрыта. На её круглом зарешеченном окне теперь висела табличка: «Все билеты проданы». Зато расторопные мелкие спекулянты наживали себе состояние: только и успевали продавать вожаделенные билеты в три, а то и в пять раз дороже их стоимости — ведь желающих попасть на представление было больше, чем мест в зале.

И вот, наконец, двери роскошного ресторана широко распахнулись и грузный билетер в ливрее стал запускать зрителей внутрь, строго проверяя наличие у них билетов и отрывая от них корешки, дабы не были они использованы во второй раз. Здесь, в большом светлом зале с громадной электрической люстрой, паркетным полом, высоким потолком, стенами, обклеенными богатыми обоями, за столами, покрытыми белыми накрахмаленными скатертями, ужинали нарядные дамы и господа, по преимуществу — русское население, принадлежащее к военному сословию или к гражданской администрации. Грузинское же и армянское дворянство, зажиточное купечество и интеллигенция тоже усвоили костюм и образ жизни европейский. И старались если не перещеголять, то не отстать от русских в пышности своих туалетов. Здесь не было ни одной женщины в лечаки, наоборот — состоятельные дамы были облачены в пышные юбки. Широкие поля их шляпок, украшенные цветами и атласными лентами, венчали роскошные букеты из перьев или даже целые чучела маленьких птичек, хотя программа концерта «покорнейше просила» снимать головные уборы, чтобы не загораживать сцену зрителям, сидящим сзади. Руки дам закрывали узкие перчатки, ноги — чулки, а элегантный аксессуар — зонтик был заботливо поставлен рядом со стулом. Здесь было не найти ни одного мужчины в чохе или остроконечной бараньей шапке, сюда не пришёл ни один кинто! Сегодня мадемуазель Маргарита собрала воедино весь цвет европейского Тифлиса!

Публика пребывала в волнительном ожидании — время концерта приближалось. Актриса сидела одна перед зеркалом в маленькой комнатке, служившей одновременно уборной и гримёрной. Всякий раз, собираясь накладывать грим, она вспоминала скандалы, которые устраивал Жан, её импресарио, требуя, чтобы макияж её был максимально заметным и броским.

— Мужчины падки на красоту, глупышка! По платью встречают! Ты же актриса! Ну же, дай им зрелищ, покажи чувства, страсть, индивидуальность! Развлеки их, даже если ты рыдаешь под маской грима. Обмани их и замани в свои сети! — он нервно прохаживался за её спиной, то держа руки сзади, то лихорадочно размахивая ими в воздухе. — Тебе уже скоро тридцать, ты мечтаешь стать богатой и знаменитой, той, которую на выходе поджидает толпа состоятельных поклонников и вездесущих репортёров! Слушай мои советы, и жизнь твоя станет лучше. И тогда я либо сделаю из тебя великую актрису, либо пойду по миру без гроша в кармане...

Тёмная прядь её волос упала на глаза, упрямое выражение которых была не в силах скрыть даже самая обаятельная улыбка. Не нужны были ей ссоры и скандалы Жана, она всячески старалась их избегать. Она жила, как умела, и слушала советы этого пройдохи только для того, чтобы кивнуть в знак согласия, но вовсе им не следовать. К тому же она помнила, что ещё бедная её Матап, посвящая её, тогда ещё маленькую девочку, в женские тайны, рассказывала, что броский макияж считается уделом представительниц одной старинной профессии:

— Ты ведь не станешь куртизанкой, дочка? Одной из этих «une demimondaine»! Не для этого я тебя родила! Не для этого сама прошла этот тернистый путь! Ты приличная барышня, Марго. А приличные барышни отбеливают кожу уксусом или лимонным соком. Хочешь придать коже таинственное мерцание — всегда найдёшь рисовую пудру и жемчужный порошок. Желаеть выглядеть аристократкой — бледность лица твоего оттенят тёмные густые брови, которые аккуратно подведёшь сурьмой...

Матап её когда-то в юности подрабатывала модисткой, а потом, в поисках лучшей жизни, предпочла стать куртизанкой и жить за счёт средств состоятельных любовников. А дочерей — Марго и Франсуазу — воспитывала её старая мать, жившая в Париже. Когда девочки подросли, их отдали в школу мадам Фрессард. Там они и стали принимать участие в спектаклях, там раскрылся их талант: музыкальный и актёрский. Следующим учебным заведением, в котором учились девочки, была частная привилегированная школа, а потом — драматический класс Высшей национальной консерватории драматического искусства, обучение в которой, конечно же, оплачивала Матап, грезившая видеть своих дочерей, или хотя бы одну из них, «второй» Сарой Бернар, «божественной Сарой»! В консерватории они научились создавать характеры с помощью жестов и голоса. Что же касается вокала — профессора были очарованы голосом Франсуазы, но не Маргариты! Лучшие парижские театры ставили пьесы Генрика Ибсена и Эдмона Ростана, и девочки мечтали играть в одном из них — на сцене «Комеди Франсэз». Марго удалось сыграть третьестепенную роль в «Женщине с моря», а Франсуаза дебютировала в спектакле «Ифигения». Но, увы, скоро стало понятно, что для всего нужна протекция! Матап уже не было среди живых, она оставила их, будучи ещё далеко не старой женщиной. Бывшие же её покровители не собирались помогать дочерям давно покинувшей их

куртизанки Мадлен «лишь в память о ней». Обнажилась жестокая правда жизни: театральные критики внезапно стали суровы к ним, они не разглядели в начинающих актрисах будущих звёзд и считали, что их имена могут в лучшем случае украшать афишки, но никогда — серьёзные афиши! А когда и сам главный режиссёр объявил, что они лишены большого дарования, им пришлось покинуть театр. Театр, который с малых лет считали Храмом, но где все роли давно были разобраны среди фавориток маститых режиссёров, стоявших за кулисами театральных несправедливостей, лжи и интриг. Для сестер наступили непростые времена. Пришло ощущение, что никогда уже не зажжётся для них свет на сцене. Никогда им не играть ведущих ролей в драматическом театре! И Франсуаза, смирившись, ушла танцевать и петь в кабаре «Мулен Руж» на бульваре Клиши. А Маргарита, после того как все взыскательные импресарио отказали ей в ангажементе, обосновывая своё решение тем, что её голос для профессиональной сцены довольно слаб, начала танцевать в кабаре «Чёрный кот» на Монмартре. Что поделаешь, им приходилось исполнять канкан, хоть он и считался крайне непристойным среди приличной публики, но, благо, осуждать их мораль было уже некому...

А потом совершенно внезапно, спустя два года после смерти Матан, к ним пришла беда. Заболела Франсуаза, лихорадочно билась в ознобе, боролась с рвотой, жаждой и рвущей болью в спине. Они поначалу полагали, что она простудилась или «потянула голую спину» в бойком танце. Но потом на её замечательном лице и теле стала появляться страшная, безобразная сыпь, конечности её била беспощадная судорога, а сознание было в бессвязном бреду.

— У вашей сестры серьёзное заболевание, мадемуазель, — озадаченно произнес приглашённый Docteur. — Вы чудом не заразились! Это Variole, или чёрная оспа, — крайне опасная вирусная инфекция. Если она и выживет, то может частично или полностью потерять зрение. А кожа её навсегда останется покрытой многочисленными рубцами. Точно от такой напасти и упокоился наш король Людовик XV...

...Внезапный стук в дверь уборной и женский голос: «Можно?» — мгновенно вернули её к действительности.

— Входи, Франсуаза. Я уже готова, — ответила Маргарита.

Вошла женщина, платье которой с длинными рукавами закрывало её тело вплоть до самого подбородка. Лицо её скрывал толстый слой белил и румян, плохо маскируя оспенные шрамы.

— Марго, Жан сказал, мы начинаем через считанные минуты, — звонким и чистым голосом произнесла та. — Зал полон... Что это с тобой? Опять началось? — она с тревогой посмотрела на сестру.

— Кажется, да, Франсуаза. Опять этот чёртов страх перед сценой. В этом городе приступ повторяется каждый вечер. Не могу ничего с этим поделать... — в её голосе слышался трепет. Она силилась унять нервную дрожь в коленях.

— Успокойся, Марго, возьми себя в руки. Всё пройдет прекрасно!

— Я боюсь, как бы зрители не смекнули, что на афишах — обман. Что нет у меня никакого «уникального дара одновременно петь и танцевать кейк-уок»... Что и голоса-то у меня пригодного нет... Этот Жан, чёрт бы его побрал! Если бы он не грозил разрывом ангажемента, никогда бы не согласилась я на такую авантюру...

— Родная, мы делаем это не впервые. И репетировали много раз. Не собьёмся... Ты танцуй, как обычно. А я, по причине большого зала, буду петь за кулисами громче, чем всегда...

— Как же всё надоело, Франсуаза! Мотаемся по странам и провинциям, веселим публику, а утешительным призом для нас служат лишь низкие гонорары. Всё оседает в кармане у этого канальи Жана. Вместо сердца у него — книжка театральных билетов, вместо идеалов — красивая отпечатанная афиша...

В дверях уборной в этот момент показалась голова взволнованного импресарио, словно он услышал, что его имя склонялось на все лады. Его можно было бы назвать симпатичным: высокий светловолосый человек лет сорока, с чеканными чертами высокомерного лица и холодными голубыми глазами, — если бы только не его рот, с неестественно широкой улыбкой на накрашенных губах — он портил его, делая похожим на постаревшего клоуна. Поправляя на ходу свой шейный шнурок-галстук и очки в золочёной оправе, он произнёс с апломбом, всплеснув холёными марципановыми ладошками:

— Небывалый аншлаг, Марго! Ни одного свободного места сегодня. Так неожиданно! И приятно! Люди толпятся даже в проходах и между столиками. Ты должна, слышишь, должна напоследок поразить искущённую публику этого Тифлиса... Кстати, очень недурной городишко, скажу я тебе! Среди сидящих в зале много тех, кто не только в Петербург и Москву катается, но и в Париж, Вену, Лондон ездит по делам. Так что ты выжми из себя все соки... ничего с тобой не станется: отплясала шесть концертов, остался сегодняшний — прощальная гастроль! — и домой, в Париж. Там отлежишься в своих апартаментах. Я ведь ещё не полностью расходы возместил за этот вояж, за дорогой отель — чёрт бы побрал его несговорчивого метрдотеля! — за все твои капризные предпочтения в еде: багет, фуа-гра, бешамель, печенье безе и крем-брюле, шампань... затраты на аренду зала, на афиши. А ведь ещё и труппе надо гонорары выплатить... — его губы в алой помаде искривились в ехидном раздражении. Он налил себе отменного коньяка в разогретую им в ладонях рюмку и, втянув носом аромат, залпом её осушил, следуя своей неизменной традиции перед началом каждого концерта, спектакля, а также репетиции, которую он приравнивал к спектаклю, принимать это чудесное французское средство. — А ты, Франсуаза, не стой, как манекенщица на помосте! Лучше затяни на Марго корсет потуже!

Сестра дрожащими от смятения руками затягивала шнуровку на поясе, то и дело путаясь в его длинных лентах. От боли Маргарита закусил губы, во рту внезапно пересохло, дыхание затруднилось. Но она совладала с собой. Послушно кивнула Жану, затем встала со стула, придирчиво осмотрела себя в зеркале, поправила перья и провела рукой по блёсткам.

Во Франции она блистала в жанре варьете и водевиля. Но в Тифлис труппа театра «Бель Вю» привезла небольшой репертуар: несколько скетчей, коротких комедийных пьес и шуточных реприз, танцы и несложные песенки, модные в парижских кафе-шантанах и поэтому всегда принимаемые «на ура» в «провинциях», к одной из которых французы и относили ещё мало знакомую им Грузию.

...Нико занял своё место за столиком. Отсюда было хорошо видно сцену и всю остальную публику, уже слегка выпившую и раскрасневшуюся. Ему принесли бокал вина, от которого он отказался, попросив водки:

— Бокал вина вам положен за счёт заведения. А за водку платить придётся, уважаемый. — Он молча кивнул в знак согласия.

И вот на сцену вышел тапёр, похоже француз, средних лет, в белоснежном костюме. Он, поклонившись respectable публике, ударил по клавишам рояля своими длинными тонкими пальцами, заиграв регтайм. В полумраке блеснули подведённые густым гримом глаза артистки. Она! Прелестная мадемуазель Маргарита! Сверкнули её белые зубы, такие ослепительные на фоне ярко накрашенных губ. И она начала петь своим удивительным «двойным» голосом и танцевать оригинальный, совершенно новый для тифлисских зрителей танец cake-walk, он же «ки-ка-пу», этот гротескный танец американских негров, подскакивая и вытягивая руки вперёд параллельно полу, словно предлагая толпе попробовать пирог.

За ней стояла пара — очередная диковинка: два самых настоящих чёрных негра-франта, разодетые в пух и прах по последней моде, с белоснежными манишками, высокими воротничками, с пенсне и тросточками. Они, активно двигая бёдрами и тазом, громко топали ногами и подпрыгивали, смешили публику и дурачились, выделявая различные «кренделя».

Представление не раз покрывалось оглушительными криками, дикими воплями пылкого восторга, гиканьем, аплодисментами, взлетающими кверху шляпами и летящими на сцену цветами. Что касается танцев самой актрисы Маргариты, то умение выделять ею различные па ласкало взгляд и возбуждало всеобщее ликование. Публика тряслась от неподдельных эмоций, неистово экзальтируя. Похоже, люди были готовы наслаждаться этим лицедейством с ночи до утра! Под конец актриса спела несколько лёгких мелодраматических песенок, и красивый её голос пробирался всё глубже и глубже в души зрителей, чем вызвал слёзы восторга у нежных барышень, тут же зашпешивших полезть в свои сумочки за платками, и сентиментальные вздохи дамочек повзрослее.

Нико не сводил глаз с Маргариты, любуясь ею, восхищаясь её воздушными движениями в такт музыке, внимая каждому слову из её песни, но слышалось ему одно лишь кошачье мурлыканье, какое-то странное, легкомысленное «мур-мур-мур». Как бы хотелось ему знать, о чём же она поёт!!! Но песня эта была на французском, которого он, на беду, никогда и не знал и отчего сейчас так сильно страдал. Ведь ему совершенно необходимо было знать, о чём же она поёт? Что хочет сказать своим зрителям? А зал, похоже, понимал её очень даже неплохо и от этого веселился и ликовал! Нико с завистью оглянулся по сторонам. Эти аристократы и интеллигенты из европейского Тифлиса, что относят себя к великим знатокам обычаев просвещённого Запада, им-то до тонкости известны правила загадочной науки, именуемой этикетом, а знание французского или даже немецкого они позаимствовали у своих гувернанток или закордонных поваров, научивших их на этих языках изъясняться, а коли надо, то и разговор поддержать недурно. И не нашлось в тот вечер никого поблизости, кто мог бы объяснить Нико, что в незатейливой и фривольной той песенке пелось, конечно же, про любовь. Разве поют французы про что-то иное со времён сотворения мира?

Нико схватил со стола астры, окрашенные во все цвета радуги умелым мастерством садовника, и, подойдя к сцене, протянул их «божественной» Маргарите. Та приняла их, как и другие букеты, не особенно выражая восторга. Лишь сдержанно произнесла, бросив на него сиюминутный взгляд: «Мерси, мерсье!» И он догадался, что «мерси», должно быть, означает «спасибо». Второго слова он не разобрал.

Публика еще семь раз вызывала её на бис, она появлялась, опять танцевала, ей кричали:

— Шарман-шарман! Браво! Гран мерси, мадемуазель Маргарита! Прелестно! Очаровательно! Мерси боку!

Освещённая огнями ramпы, она грациозно кланялась, посылая «в никуда» улыбку и воздушные поцелуи. Казалось, представлению не будет конца. Но вдруг на сцене появился высокий представительный человек в пенсне, встал рядом с актрисой, поклонился зрителям, широко улыбнувшись при этом своими удивительно красными губами и одновременно подав за кулисы раздражённый жест, означающий, чтобы занавес больше не раздвигали, как бы там ни надрывалась публика со своими докучливыми «браво» и «бис!»...

Нико и заметить не успел, как Маргарита пропала из виду, исчезла в тени пыльного занавеса. Зрители, успокоившись, стали постепенно расходиться, благосклонно обсуждая выступление гастролирующей парижской труппы. За воротами их ожидали роскошные экипажи, фаэтоны и коляски.

Он тихо поднялся со своего места, с растерянным видом озираясь по сторонам. Ей не понравился его букет? Наверное, и правда не понравился! Иначе она бы одарила его лучезарной улыбкой! Ведь цветы других

поклонников были пороскошнее, побогаче. Что же делать теперь? Он подошёл к выходу, что-то напряжённо обдумывая. В каком-то недоумении, вперемешку с щекочущим нервы волнением, сделал он пару неуверенных шагов вперёд, но вдруг передумал и замер на месте, а потом робкой поступью вернулся к своему столику и заказал водки...

...Танцы совершенно выбили Маргариту из сил, а сильно затянутый на талии корсет совершенно не давал дышать.

В гримёрной Франсуаза помогла ей переодеться и расстегнуть шнуровку бандажа. Когда актриса стирала искусный грим, её неприятно поразило истощённое лицо, покрытое сетью мелких морщинок, выглянувшее из зеркала. Только теперь она почувствовала смертельную измождённость, как медведь навалившуюся на неё всей своей тяжестью.

— Я умираю от усталости! — сообщила она сестре, а взгляд её был вялый и оцепеневший и смотрел в одну точку. — В зале было накурено и душно до дурноты! — она вновь повернула голову и бессильно взглянула на себя в зеркало. — Мне кажется, я сильно постарела за последнее время. И нервы мои окончательно истощены... К счастью, сегодня был прощальный концерт.

— *C'est la vie*, Марго. Ты приляг, — заботливо суежилась вокруг неё сестра, поправляя подушку на диване и помогая ей лечь повыше. — Я принесу мокрые полотенца и бутылочку коньяка. Отдохни немного, хоть четверть часа. Потом поедem в отель. Тебе надо поспать. А я начну собираться в дорогу. Жан заказал экипаж на завтрашний полдень.

— *Merci beaucoup!* Что бы я без тебя делала, Франсуаза? И ещё... поищи пузырёк с нюхательной солью, *s'il te plaot*. Ума не приложу, куда он запропастился...

Нико всё ещё сидел за столиком в ресторане и с напряжённым вниманием наблюдал из окна за его центральным входом. Некоторое время спустя он заметил, как подъехал фэтон, и вот — ОНА! Мадемуазель Маргарита! И рядом — другая женщина. Облачённые в лёгкие манто, они вышли из заведения и впорхнули в ожидавший их фэтон. Кучер щёлкнул бичом.

«Я не могу её потерять! Надо узнать её адрес!» — повторял он самому себе. И бросился вдогонку, однако лошадь бежала так проворно, что он вскоре выбился из сил: пока фэтон петлял по улочкам, он ещё кое-как поспевал за ним, но вот он покатил по набережной, и Нико стал задыхаться и отставать. По счастью, было темно, и он ни жив ни мёртв рискнул вскочить на запятки так, словно всю свою жизнь служил выездным лакеем — чего только не учиняет любовь с человеком! Там, на запятках, он перевёл дух, радуясь собственной находчивости. Однако другое чувство, поселившееся в нём с недавнего времени, терзало его. И имя ему было — ревность! Оно убедило его не сомневаться, что фэтон ЕГО «ангела» направляется сейчас в какое-нибудь укромное местечко, где её, прелестную актрису Маргариту, дожидается таинственный молодой кавалер, с

жаром аплодировавший актрисе. Однако какое право имеет он, простой молочник, совать свой нос в ночную жизнь красавицы Маргариты? Но он полюбил её, полюбил всей душой, и был полон решимости проникнуть в одну из её тайн и, если понадобится, защитить её от упрямых, докучливых и грязных помыслами обожателей.

Когда лошадь остановилась на Головинском проспекте, аккуратно напротив недавно возведённого Александро-Невского военного собора, у гостиницы «Ориант», он понял, что напрасно тревожил себя дурными мыслями. Ведь ОНА, ЕГО «чистый ангел», здесь проживает. Незаметно соскочив на землю, Нико испытал минутное замешательство.

— Подойти? — спрашивал он самого себя, но тут же задавался другим вопросом: — Но как? Без цветов? Нет, это не по-мужски! Так он никогда не поступит!

... Уже совсем стемнело от туч, и скрежещущий удар пронёсся по небесам. По иссохшей земле застучали дождевые капли, и, наконец, хлынул ливень. Он хлестал по кронам деревьев, по крышам домов, фэтонов и колясок, по булыжным мостовым. Потоки воды с шумом неслись вдоль тротуаров. Сквозь сверкающую пелену дождя пробивались тусклые лучи одинокой и равнодушной луны. Загулявшие допоздна девушки, приподнимая пышные юбки, со смехом пробегали мимо. Но Нико не замечал дождя. Он, подталкиваемый неведомой силой, куда-то шёл быстрым шагом и вскоре оказался в Харпухи, где упрямо стучался в старую деревянную дверь хромого на одну ногу садовника Нукри. Он знал, что на его заднем дворе цветут пышные клумбы роскошных роз, которые тот потом продавал на Мейдане. Помнил, что Нукри, как и его отец, был не просто букетчиком, а, прежде всего, очень хорошим садовником, умел своей заботливой рукой прививать и выращивать фруктовые деревья и разводить новые цветы.

— Кто там? — услышал он голос, и в окне показалось заспанное лицо пожилого человека.

— Это Нико.

— Какой такой Нико — не знаю. Знаю, что ночь уже на дворе. Всем спать пора. Что тебе нужно?

— Цветы. Очень нужны. Сейчас.

— Цветы тоже спят, генацвале. Нельзя их тревожить. Приходи завтра, на рассвете. — Но, увидев, что Нико очень расстроен, всё же сжалился. Встал, отворил ему дверь и, ступая шаркающими шагами, провёл гостя в свой тёмный притихший сад, умытый сильным дождём. Где, объяснившись в любви к выращенным им цветкам и выпросив у них прощения, аккуратно их срезал большими садовыми ножницами и отдал странному ночному покупателю. Несколько очаровательных роз, обильно покрытых дождевой росой, крупных и душистых, — за полтора рубля.

Видел бы эту сделку его компаньон Димитри! Да он бы насмерть убился, но никогда бы не отдал денег за цветы. Сказал бы ему: «Эй ты,

градом побитый! На что такие деньги тратишь? На веник? Что? Это цветы? Какая разница, что цветы? Всё равно завтра в веник превратятся! Слушай, хочешь цветы — пойди нарви где-нибудь! Э-э-э, кацо, что тебе ещё сказать? Настоящий ты чокнутый! За полтора рубля целого ягнёнка купить можно в базарный день! Пир закатить!»

А ему, Нико, не жалко никаких денег для «ангела, сошедшего с небес»! К тому же Нукри их заслужил: уважил его просьбу, встал с постели посреди ночи, а ведь он ранняя птичка — рано ложится и рано встаёт! Поистине, великий он садовник, даже холщовый фартук на нём не уменьшает его особого величия! Не бывает ведь роз без шипов, а вот он так умело их срезал своими золотыми руками, что смог избежать уколов. Точно как и хороший пчеловод, которого не жалят пчёлы, когда тот крадёт у них мёд.

С букетом в руках он торопился, почти бежал на Головинский, к гостинице «Ориант». Швейцар в ливрее преградил ему путь, не впустил к заезжей «звезде», сославшись на слишком позднее время суток. «Никого не велено пущать к госпоже артистке! Сударыня нынче почивать изволит». И если бы он не всучил ему щедро на «чай», а потом ещё столько же и портье, ему, вероятно, так и пришлось бы ночевать сегодня либо на мокрой скамье Александровского сада, находящегося под боком, откуда его когда-то погнал строгий дворник, либо идти в свою лавку, чтобы провести бессонную ночь в смежной комнате, на излюбленном снопе сена. Но цветы! Цветы! Ведь они неизбежно завянут к утру! А если и поставить их в воду, то и в этом случае они будут уже не так свежи, грустно повесят свои головки. Прилизанный портье провёл его, утомлённого и взволнованного, пахнущего потом, в отяжелевшем от ливня костюме и грязных ботинках, — к заветной двери.

— Как подойти к ней? Что сказать? — мучился Нико вопросами. — Как надо здороваться с такой знаменитостью?

Французского языка он совсем не знал. Вот грузинский — да! Русский — тоже, пожалуйста! Даже на армянском мог изъясниться. А вот на французском — ну никак, ни единого слова не знал. Непонятный язык ведь какой-то, странный, ни на что не похожий...

В итоге, собравшись с духом, он постучал в дверь.

Маргарита с сестрой недавно вернулись в свой номер. Актриса только успела переодеться в пушистый белый халат, окончательно стереть макияж, как в дверь робко постучали.

Дйѣа-vu! Боже, как часто это случалось в её жизни!

Схватив пуховку, она начала судорожно поправлять грим, словно пудра могла скрыть её страх от нетерпеливых глаз кавалеров и поклонников. Да-да, очередных бестактных поклонников, которые вот так, самым беспардонным образом, вторгаются в её покои, бесцеремонно будят её, примадонну парижского театра, и несут потом несусветную чепуху, что мечтают, мол, пообщаться с ней лично, с глазу на глаз, и заполучить авто-

граф на вечную память! Несмотря на обаятельность и воспитание, будет она неприступна и холодна к этим назойливым воздыхателям, от которых слышала многое в своей жизни — банальные комплименты, маскирующие лесть, торжественные клятвы быть с ней «в радости и в горе», чувственные, однако пустые обещания, но лучшее, что она слышала, — это тишина. Потому что не было в ней вопиющей, гнусной лжи...

— Vous avez besoin de quelque chose, monsieur? — спросила Франсуаза, отворившая дверь незнакомцу.

Он оцепенел от неожиданности. Удивительный голос этой женщины, одетой в плотное длинное платье от подбородка и до самых пят, показался ему до боли знакомым. Не тем ли самым «золотым» голосом он наслаждался на концерте Маргариты? Но лицо её, сплошь покрытое грубыми рубцами, не говорило ни о чём и отталкивало. Он не понял её вопроса и не знал, что надо ответить. И, потеряв дар речи, которым, впрочем, никогда и не обладал, только робко протянул цветы — роскошный букет красных роз. Та, кивнув головой, произнесла:

— Merci beaucoup, monsieur! — и отчего-то стала рыться в бархатном ридикюле на тонком шнурке. — Un instant s'il vous plait!

Её сумочка, похожая на шар, вмещала всё, что было необходимо настоящей моднице или актрисе: обрамлённое серебром овальное зеркальце с изящной ручкой, помаду, румяна и пудру, расчёску, флакон с нюхательной солью, игральные карты...

Но безумный взор Нико был устремлён в глубь комнаты, где у трельяжа, всего в нескольких шагах от двери, спиной к нему сидела ОНА, актриса Маргарита, его Непорочная Дева, благородная и чистая! Его Богиня красоты, хоть и земная от рождения! Она, словно почувствовав на себе чьё-то касание, слегка повернула голову, и он поймал её растерянный взгляд, увидел светлые её очи, в которых блистали искорки, подбородок, высокие скулы и маленькие губы, обрамлённые густыми прядями её распущенных пышных волос, которые так и просили, чтобы их целовали. Он смотрел на неё с неисчерпаемой нежностью, и его стало трясти от страха или от вожделения...

Она же с некоторым удивлением на лице рассматривала худого, промокшего до нитки мужчину. Кто он? Вид отнюдь не парадный, не респектабельный, а неухоженный и измождённый. На лице — старая щетина, под глазами мешки, руки тонкие, почти прозрачные... В поношенном костюме, на неуклюжих ботинках — свежая уличная грязь... Фу! Не выношу грязной обуви! А на голове — низко надвинутая на глаза и насквозь вымокшая какая-то старомодная фетровая шляпа. В Париже давно уже таких не носят. Ему, должно быть, лет сорок пять. Ну да, она так и знала. Очередной бесцеремонный поклонник... Чего ему дома не сидится в такую непогоду и поздний час? Хотя, возможно, она и ошибается. На поклонника ведь он не слишком похож. Больше всё-таки на нарочного. От какого-нибудь местного богача, наверное... Как их здесь называют?

Князь? Купец? С дорогими цветами и, наверное, с запиской — приглашением на обед или ужин — и пылкой надеждой на мимолётный адюльтер с французской шансонеткой...

Женщина, что стояла перед ним, у самого порога, вытащила наконец из недр своей сумочки двугривенный и протянула его Нико, снова бросив что-то непонятное, и, прежде чем он успел опомниться, закрыла перед ним дверь.

— Зачем она вручила мне эти двадцать копеек? — недоумевал Нико, раскрыв ладонь. — За цветы заплатила, что ли? Или за посыльного приняла? — казалось, он был растерян оттого, что ожидал радушного приёма в будуаре знаменитости. А его и внутрь-то не пустили, чаю не предложили. Не по-грузински это, не по-человечески как-то. А потом его враз осенило:

— А может, они, эти французы, относятся к тем людям, которые встречают незнакомого человека по одежде? И, если это так, тогда ему всё понятно. Вид-то у него довольно посредственный. Значит, ему нужен новый костюм — конечно, не тот, в котором он ездит кутить с друзьями-карачохели по весёлым духанам да по деревянным плотам, передвигающимся по Куре. И не тот, в котором он ранним утром покупает молочный товар у деревенских мальчишек. И уж точно не тот, в котором стоит за прилавком, с фартуком поверх него, но всё равно замызганном белыми каплями парного молока или липкими пятнами от мёда...

На его лице появилось выражение упрямой решимости, а где-то глубоко внутри него проснулись бушующие чувства, надёжно до этого скрывавшиеся за его робким, излишне застенчивым видом. Недаром ведь говорят, что слишком сильная любовь вызывает желания, недоступные трезвому человеку, и покоряет его разум.

— Будет у меня хороший костюм и новая обувь — не хуже тех, в какие были облачены купцы и дворяне на концерте! — твердил он самому себе, засыпая в своей балахане. — А у тебя, моя божественная Маргарита, будут самые лучшие цветы мира! Могилой матери клянусь!

На другой день, дождавшись компаньона, он сообщил, что согласен продать ему свою лавку, то есть ту долю, которая всё еще принадлежала ему. Удивлённый Димитри, не ожидая такого поворота дела, радостно потирал руки от выгодной сделки, глаза его сверкали от внезапно навалившегося счастья. Во всю прыть сбегал он домой — только пятки сверкали — и вернулся в лавку с деньгами:

— Вот, Никала, держи, генацвале. Как договаривались. Ты смотри — не бросай деньги в воду, на ерунду не истрать!

Спустя четверть часа Нико уже нёсся что есть мочи по Головинскому проспекту. Зайдя в Дом готового платья «Венский шик», имевший также собственное пошивочное ателье, он нашёл здесь знаменитого Сержа, старая мать которого, зажиточная армянка Анна-ханум, часто покупала молоко и свежий сыр в его лавке. Серж считался лучшим портным Тиф-

лиса, потому как Господь при рождении поцеловал его в темечко. Именно так говорила Анна-ханум о единственном сыне. Он совершенствовал своё мастерство сначала в Петербурге, а потом — в Вене и туманном Лондоне и при каждом удобном случае хвастал, что пил чай с молоком за столом у самого английского короля Эдуарда VII, который считается законодателем мод. А в качестве доказательства об окончании им портновских «академий» служили его дипломы, висевшие здесь в рамках под стеклом. К этому первоклассному столичному портному стекалась постоянная богатая клиентура из буржуазии и верхушки тифлисской интеллигенции. Под фигуру каждого он делал манекен, чтобы шить одежду стиля «модерн», не слишком утомляя клиента частыми примерками, и создавал «продукт» свой в строгом соответствии с пожеланием заказчика и по модным журналам, которые издавались в том же Петербурге, Вене и Лондоне. Имелся у него ассортимент материй, как кусками, так и в образцах, в виде каталогов английских, русских и лодзинских фирм. И славился он своим наметанным глазом и умением создавать все виды и типы костюмов, в том числе военные мундиры, фраки, сюртуки и смокинги.

— Шить я не буду, Серж-джан, — поторопился сообщить Нико. — Мне срочно приодеться надо. Я ждать не могу.

— Как хочешь, Никала... Желание клиента для нас — закон!

Ему показали пиджаки двубортные и однобортные: черные, синие и тёмные в светлую полоску. Из крепа, бостона, шевиота. Порекомендовали купить удлиненный и приталенный, с высоким воротником и широкими лацканами, рукава у которого покороче, с учётом, чтобы крахмальные манжеты выступали на два-три сантиметра из-под рукава. К пиджаку брюки дали неширокие, на подтяжках, жилет с лацканами, белую рубашку, тёмные носки, шляпу, скрипучие от новизны ботинки, а галстук из атласа повязали широким узлом, сколов его булавкой с головкой из жемчужины.

— Выпрямите спину, любезный! Одежда не терпит сутулости. Ну вот, теперь другое дело — костюмчик ваш сидит как влитой! Головой ручаюсь! — говорил ему галантный продавец в Доме готового платья, ахая от восхищения. — Наряд этот отобьёт всех конкурентов и откроет путь в тот мир, где вас будут любить и страстно желать. Дело за малым — вам, генацвале, в парикмахерскую бы сходить ещё...

Что Нико и сделал. Побрился у лучшего цирюльника на Головинском, который за отдельную плату ещё и опрыскал его модным цветочным одеколоном «Вера-Виолет». В конечном итоге он, наивный человек, полный надежд на счастье, свежий, прилизанный и напомаженный, одетый с иголочки щёголь и с немалыми деньгами в кармане, нанял извозчика. Лошадиное ржание, цокот копыт, и вот уже коляска стучит колёсами по мостовой, вдоль тротуаров справа и слева, держа путь на Мейдан.

Впереди его ждала новая жизнь...

Хромоногий Нукри и двенадцать его собратьев по садовому делу в холщовых фартуках, завидев платежеспособного заказчика, беспрекос-

ловно стали собирать в охапки все цветы, что были ими свезены сегодня на продажу, и грузить их на арбы: гордые розы всех оттенков крови, оранжерейные лилии, садовые гвоздики, гиацинты, камелии, астры, бегонии, пионы... Каких цветов тут только не было!

Поднялись шум и суета: мол, какой-то чудак сегодня скупил на корню все цветы в Тифлисе! И все цветы, которые росли под Тифлисом, и все цветы, которые пришли в Тифлис на поездах из Батума...

Недалеко от этого действия торговал один кинто по имени Сико, в чёрном ахалухе, подпоясанный тяжёлым, сплошь из серебряных чеканных накладок с чернением поясным ремнем. Шаровары у него были с напуском на мягкие полусапожки, из-под ахалуха на груди проглядывала яркая, красного цвета сорочка со стоячим воротником. С утра носил он съестное и зычно кричал: «Агурец, агурец, Александре молодец!», «Черешни, вишни испанцки!», «Яблоко антоновцки!», «Перчик, перчик, априкос!», «Красавица памадор!», «Бадриджани, свежий луки, немецки слива!» Но сейчас, больше чем продать свой товар, торопился он разнести ошеломительную весть по всему городу.

— Клянусь, что земля всех садов в Тифлисе сейчас черна, — говорил он каждому встречному и поперечному, громко жуя «ляблябо» — орехи с кишмишом. — Пусть цветы никогда не вырастут на моей могиле, если остался сейчас хоть один цветок в городе...

— А что? Что случилось, Сико? Почему так? — с любопытством спрашивал подошедший к нему другой кинто, с фруктами, разложенными на подносе-«табахи», который он держал на голове. Затряслись от интереса у него на плечах весы с большими медными тарелками на цепях, которые носил он как коромысло, держа в отдельном холщовом мешочке гири разных размеров.

— Да вот этот Нико все цветы в Тифлисе купил сейчас... Миллион роз!

— Вах! Что я слышу? Какой Нико? Зачем? Почему?

— Слушай, Сако, ты его знаешь. Этот Никала держит молочную лавку на Верийском спуске.

— Пиросман, что ли? — догадался тот наконец. — Говорят, он и так немного чокнутым был...

— Да-да, он самый, не от мира сего. Влюбился в какую-то артистку. Французенку. Вот этими ушами всё слышал — садовники шушукались. Говорили, лавку свою продал, на все деньги цветы купил. Совсем разум потерял. Вот что любовь с человеком делает!

— Вах-вах-вах! — покачал головой Сако. — Бедный Пиросман. Чувствую я, сгорит его сердце от этой любви...

— А ещё новость знаешь?

— Что за новость?

— Говорят, жених живёт у неё в Париже. Он по моде очень-очень рыжи. Она зовёт его Жаком, потому что ходит он пинджаком...

Они переглянулись и оба шумно расхохотались. И смеялись бы они долго, если бы вдруг один не посмотрел на другого и не спросил с серьёзным выражением лица:

— Слушай, Сико, я тебя вчера почему весь день не видел на базаре? Где был? Что делал?

— Болел я...

— Вай ме, болел? Как? Чем?

— С разным девочкам гулял, сильно наслаждался, нехорош болезнь поймал — насморк назывался...

— Ва-а-а! А я кутил в дуканах. А потом нанял два фазтона... Сел в передний...

— А второй для кого?

— А во втором ехал моя шапка! Он тоже человек!

— Ва-а-а!

— Кля-нусь, чесный слова!

Тем временем горы купленных цветов — в больших и маленьких корзинах — были уложены в нанятые повозки с впряженными в них лошадьми. А когда корзины закончились, цветы стали сваливать и без них, поверх самих корзин, перевязывая их тесьмой. Одна повозка, вторая, третья, четвёртая, пятая... они, доверху нагруженные срезанными и обрызганными водой дарами флоры, закрипели и тронулись в путь с Мейдана, через Армянский базар, в сторону Головинского проспекта. Позади них шёл Нико, по лицу которого, не столько от яркого полуденного солнца, сколько от волнения, ручьями лился пот. И кружилась его голова, пьянея и сводя с ума от приторно-сладкого благоухания цветов, над которыми, словно над цветущими лужайками, летали беззаботные стрекозы, шурша своими прозрачными крылышками, жужжали трудолюбивые пчёлы, порхали легкомысленные бабочки...

Вереница повозок остановилась около гостиницы «Ориант». Носильщики, сопровождавшие груз, вполголоса переговариваясь (нельзя в этом солидном заведении шуметь!), начали суетливо снимать охапки цветов восхитительной красоты и заносить их вовнутрь, поднимая на второй этаж с его элегантным интерьером, к дверям номера знаменитой актрисы. Ставили пахнущие ароматом корзины повсюду: к двери, вдоль длинного коридора, потом стали заставлять помпезную мраморную лестницу, запрудили ими парадный вход в гостиницу. Но неразгруженными оставались ещё три повозки. И тогда цветами стали усыпать сначала широкий тротуар, а потом уже и саму мостовую Головинского проспекта. Их запах заполнил всю округу, привлекая пытливых прохожих. Швейцар гостиницы многозначительно бросал зевакам, жадно наблюдавшим удивительное зрелище:

— Большой князь... Кто именно? Не велено сообщать! Проходите-проходите, господа дорогие, не толпитесь у входа! Это вам не цирк!

Но люди не расходились, продолжая глазеть на непонятное зрелище. Шум, галдёж, громкие разговоры и возгласы удивлённых прохожих, под-

нимавших головы и пытавшихся разглядеть окна той загадочной счастливой, кому предназначалось сие дорожное преподношение, разбудили Маргариту. Она села на постели и вздохнула. Море запахов — ласковых и нежных, радостных и печальных — наполнили её комнату. Взмолвленная, она быстро оделась, ещё ничего не понимая. Надела концертное платье, тяжелые серебряные браслеты, прибрала свои роскошные волосы и, выглянув в окно, ахнула. *Oh mon Dieu!*

Отроду не видела она такого чуда! Как в сказке! Хотя и в сказках она о таком не читала. Сердце её замерло. Она догадалась, что этот праздник устроен для неё. Но кем? Кто этот таинственный незнакомец, бросивший к Её ногам миллион алых роз!

Счастливая улыбка родилась на её лице, губы смеялись, а на прелестных глазах навернулись слёзы умиления, которые она аккуратно смахнула кончиками своих тонких пальцев. Выглянула ещё раз в окно, под которым собралась чуть ли не половина Тифлиса с поднятыми вверх головами. Все смотрели на неё. И она — истинная артистка — начала рукоплескать публике.

— Марго! — услышала она за спиной громкий и страшно взволнованный голос сестры, ворвавшейся к ней в номер. — Ты видела это? Что за богач здесь чудит?

— Не знаю, Франсуаза. Сходи разузнай, *s'il te plaot!*

Через минуту сестра вернулась. И не одна. За ней в номер медленно вошли знакомый ей гостиничный портё, неплохо изъяснявшийся по-французски, и какой-то странный, худой и бледный, но очень прилично одетый мужчина, должно быть коммерсант. Или, мерчант, как называют богатых торговцев у неё на родине. Он снял шляпу, прижав её к груди, затем пригладил свои поседевшие, но благоухающие модным парфюмом волосы и застенчиво взялся рукой за стену, словно боялся упасть.

— Это он, — сказала Франсуаза по-французски. — Ты не помнишь его, Марго? Вчера он преподнёс тебе этот букет цветов, — она указала на красные розы, стоявшие в китайской вазе на полированном столике. — Я приняла его за нарочного. А сегодня — вот! — всё, что ты видишь, — дело его рук!

— *Oh la la!* — вырвалось из уст артистки. Она, очаровательно улыбнувшись, протянула ему руку для поцелуя. А он стоял как громом поражённый — наверное, его компаньон Димитри был прав, когда называл его так! Сейчас он впервые услышал, как этот прелестный голос, такой знакомый, обращается к нему, впервые увидел, как идол, которому он поклонялся, сходит с пьедестала и хотя мгновение, но живёт и улыбается лишь ему одному. Он, художник, заметил, как свет раппы меняет черты знакомого лица! И она, мадемуазель Маргарита, в жизни оказалась ещё прелестнее, чем на сцене! Не сразу он сообразил, ему подсказал портё, что к протянутой руке в таких случаях положено прикоснуться губами. Что он и сделал, ощутив в этот миг, что кожа её нежной ручки обожгла его огнём.

— *Quel est son nom?*! — любопытствовала она с неподдельным интересом.

— Николя, — сухо сообщила Франсуаза.

— *Merci, monsieur*, — выговорила она, ласково смотря ему в глаза. — *Merci beaucoup, Nicolas!* Но... но затчем столько тсветки? Мой голова будет ломатса от боль. И вы тратить много деньги... очень много...

Он молчал. Только тихо смотрел на её ангельское лицо, чуть дыша.

— Он не есть мерчант, Марго. И тем более не князь! — хладнокровно вставила Франсуаза на своём языке. — Простой мелкий лавочник. Ничего не имеет за душой. Странноватый чудак из Тифлиса. Попрошайся уже с ним. С минуты на минуту подъедет экипаж. Саквояжи я уже упаковала. Ты готова?

ОНА ВСЁ ПОНЯЛА! Он полюбил её, заезжую артистку с берегов Сены. Капризную, избалованную примадонну маленького театришка. Влюбился так, как безусый юнец может влюбиться в девушку с первого взгляда. И, сам веря в сказку, подарил её ей, искренне надеясь, что она покажет ей силу его большой, необъятной любви.

Но ведь она совсем не знает его. И поэтому не может ответить на его чувства взаимностью, а только... только жалеет этого мечтательного романтика и идеалиста. Ему бы, с его сентиментальной душой, не лавочником быть, а поэтом или художником...

Санта Мария! Неужели она, сама того не желая, разбила его сердце? Тогда ей надо покаяться! Хотя в чём состоит её вина перед ним? В чём ей каяться и укорять себя? За что терзаться муками совести? Она вздохнула и вспомнила: «*C'est la vie!*» — «Такова жизнь!» — так любила поговаривать её бедная матушка, когда ничего нельзя было изменить и оставалось принимать жизнь такой, какая она есть.

На башне городской думы часы пробили двенадцать раз. Полдень. Снизу был слышен приближающийся стук колёс. Высокий экипаж, запряжённый парой лошадей, подкатил к парадному входу гостиницы и замер в ожидании пассажиров. Кучер спрыгнул с подножки на тротуар, учтиво приподнял фуражку и распахнул дверцу.

Пора! Слуги стали выносить их вещи и грузить сзади, в отделение для багажа, два приличных, затянутых ремнями дорожных саквояжа, туго набитых чем-то. И большой деревянный сундук, который грузчики несли с двух сторон за обе ручки.

Маргарита, опираясь рукой на согнутую в локте руку Нико, стала спускаться вниз по лестнице, вслед за вещами. Их сопровождала бесстрастная Франсуаза, а за ними следовал портье. Он нёс в руке корзину с удивительно нежными алыми розами. Всего лишь одну корзину! Потому что увезти с собой целое море цветов не под силу никому, даже всесильному чародею!

Казалось, что-то необъяснимое удерживало её, и она не желала तो-ропиться, не хотела отрывать от Нико своей руки. А чем он, герой её сегодняшнего романа, отличается от кудесника? Ровным счётом ничем. И достоин большего, чем просто быть взятым под руку! И она, слегка

приподнявшись на цыпочки, вдруг чмокнула его в щеку. Жар красным пятном растёкся по его лицу...

Франсуаза, увидев эту картину, решила проявить твёрдость и подтолкнула сестру к дверце — устраивайся поудобнее! Та, вздохнув, решительно ступила на лесенку, под свод экипажа.

— Adieu, mon ami! — не сказала, а почти крикнула ему Маргарита, а потом произнесла ещё что-то, что тут же было переведено услужливым портё на грузинский язык:

— В сотый раз, Никола, примите мою благодарность... Я тронута безмерно. И, поверьте мне, сохраню о вас самые приятные воспоминания... Может быть, mon ami, если будет воля провидения, мы когда-нибудь увидимся... — говоря о провидении, она показала указательным пальцем вверх, имея в виду, что великая и необъяснимая сила судьбы выше всего земного и обитает где-то высоко над головой, в синем небе.

Дверца экипажа захлопнулась за женщинами. Bon voyage! Почти тотчас раздался стук в переднюю стенку, который дал кучеру знать, что пора трогать. Подобно эху от пистолетного выстрела, щёлкнул его кнут, и экипаж затрясся по мостовой, подпрыгивая по булыжнику идеально прямого, совершенно европейского проспекта.

Нико не отводил глаз от быстро удалявшейся от него Маргариты. И не мог не заметить, как она дрожащей рукой посылает ему прощальный жест из окна. По его растерянному лицу потекли горькие слёзы. Он пристально всматривался в маленькую точку исчезающего экипажа, точно хотел сорвать её с горизонта. И не мог, не хотел поверить, что его «ангела» больше нет рядом с ним.

Как во сне вернулся он в гостиницу и поднялся на второй этаж, прошеествовал по коридору и вошёл в знакомый номер. Никого! Окна закрыты наглухо, шторы задвинуты, по комнате разбросаны этикетки от шампанского, визитные карточки поклонников и обрывки некогда нарядных афиш. И больше ничего и ничего, кроме фимиама знакомых духов, смешанного с запахом женщины, которую он так нежно полюбил.

Он подошёл к широкой неубранной постели, бережно и с глубоким благоговением взял в руки её подушку и прижал её к себе, блаженно закрыв глаза и поглубже вдыхая еле уловимый аромат дорогих благовоний. Уехала! Покинула его навсегда! Опустошила его душу и похитила сердце!

Он спустился вниз. Дул ветер. Ветер разлуки. Закончилась волшебная сказка. Но какой в ней толк, если золото в итоге превратилось в черепки? Красавица уехала на край земли, где говорят на непонятном ему языке, а он — Чудовище — остался. Недобрая вышла сказка, печальная, без весёлого пира, без счастливой свадьбы! А может, всё это сон?

НЕТ! Это было явью! Свидетельством тому была площадь перед гостиницей, затопленная солёным морем из цветов и слёз.

Цветы... цветы надежды... цветы жизни... цветы любви... Ещё сегодня утром он был уверен, что они приносят счастье, но, увлечённо вдох-

нув благоухание их прелестных лепестков, он потерял голову и сохранил очарование их навязчивого запаха: лицо его теперь омрачено боязнью, а душа, она охвачена вихрем, поднимающимся из тех туманных бездн мысли, где вулкан гордости тлеет под пеплом бессилия и неудач.

— Всё правильно! — рассуждал он, силясь найти оправдание своей несложившейся судьбе. — Я ей не ровня. Она — звезда, знаменитость и Красавица. А я — обыкновенный лавочник. Хотя... уже даже и не лавочник, потому что нет больше лавки. Нищий! Ни кола ни двора!

Мысли... мысли... они не давали ему покоя. И, если бы рядом с ним в этот момент оказался человек образованный, уж он-то бы смог раскрыть ему глаза на очевидное. Он бы сказал ему, что для таких мечтательных натур, как Нико Пиросмани, нет ничего опаснее, чем любовь к актрисе.

Он тихо побрёл по Тифлису, спускался к воде, смотрел, как мели в середине реки отшибают Куру к берегам с его тенистыми зелёными садами. Здесь летом бывает прохладно до холода... Заглянул в ботанический сад, где смотрел на водопад под мостом, на весеннюю сосновую рощу... Стал взбираться на Святую гору, где, подняв купола, стоит церковь с целебным источником. Мимо неё, медленно, как дворник с вязанкой дров по чёрной лестнице, полз на самую верхушку горы маленький вагончик фуникулера.

Забытый всеми, без роду и племени, он уныло повернул вспять, в Сололаки. Здесь, в подвалах, входы духанов. Оттуда слышна негромкая песня. Он спустился. Горело жёлтым светом электричество. За столами сидели нарядные люди, пели, произносили красноречивые тосты о сердце, о вечной дружбе, о любви... И пили из рога. Попросил у буфетчика графинчик водки... в обмен на свою жилетку с лацканами. Следующий графин он выменял на ненужный ему атласный галстук — и в придачу отдал венскую булавку с головкой из жемчужины.

Сердце его больше не стучало... оно сгорело от большой любви, той, что не сможет поместиться ни в этом духане, ни в переулке, ни во всём Тифлисе!

Шло время. Подул ветер, и пошёл дождь. Он слушал его бесконечный плач, смешанный с протяжной песней сазандари, и с удивлением обнаружил, что грустная эта песня, похожая на стон, затянута зурной и дудуки специально для него, Нико Пиросмани:

Пусть ангелы поют,
Как безобразен я.
Всю боль возьму твою
Себе, душа моя...

Почти весь Тифлис уже знал о том, что случилось с Нико Пиросмани. Все были потрясены, жалели его, сошедшего с ума по той, что украла его сердце. Все, кроме двух бесшабашных кинто, которые, как обычно, дурачились, напевая под нос:

Он чудака, она — шарман.
Не сложился их роман...

Карина СЕЙДАМЕТОВА

**ВОЛЬНИЦА-ВОЛЯ,
СТЕПНАЯ
БЕССОННИЦА**

Стихи

* * *

То тюркская, то скифская царица...
Две крови древних напитали вены,
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность, доброта и злость.

Две стороны одной луны мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга Золотая
Орда — беда и грусть — Святая Русь.

Наследье предков — роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нём царствует татарин Сейдаметов
И властвует казак Пономарёв?

Правители судьбы моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой —
Кресало и кремь, а я — огниво
Фамильной жгучей связи родовой...

ВОЛЬНИЦА

Ясному солнышку в пояс поклонится —
Здравствуй, родна сторона! —
Вольница-воля, степная бессонница,
Заревом алым пьяна.

Только подмога царю, не поклонница,
Вихри в шальной голове.
Скачет твоя оголтелая конница
И атаман во главе.

Это тюльпаны горят или кровушка
Светит в степях-лихачах,
Где казаченьки, лихие головушки,
Солнце везут на плечах.

Где ж эта конница, где ж эта вольница?
Канула в вечность стремглав?
Иль обживает Первопрестольницу,
Шалых коней расседлав?

Ты и раздольная, ты и раскольная!
Шашки рядить наголо,
Чтоб на форпостах небес, своевольное,
Русское солнце взошло.

* * *

Этот ветер не сдержит никто!
Он корёжит родимые ветки,
И на пугале треплет пальто,
И ревьёт над могилами предков.

Он деревья от века ломал,
По дорогам пускал чернозёмы,
У Господнего древа дремал
И снега раздувал до позёмок...

В малых весях, в больших городах,
От кочующей ярости светел,
Обрывая листву на ветвях,
Голосит и бесчинствует ветер.

Пальтецо продувая насквозь,
Он пугает понурых прохожих,
Разоряет рябинную гроздь
И озноб разгоняет по коже.

Одичалому ветру хлестать
И заламывать ветки до хруста...
Ведь ему никогда не приять
Чувство родины — тихое чувство.

Потому в человеческих дворах
Кровь рябин и кропит бездорожье,
Что живём не на стылых ветрах —
Что согреты дыханием Божиим!..

* * *

По птичьему лёту, по зыбкому льду
Весне первоцветной навстречу иду.
Ветра прилетают,
И лёд подъедают,
И дуют в шальную дуду.

И голуби мнутя у кромки пруда
И смотрят, любуясь, как дремлет вода
До майского срока,
В предчувствии рока —
Могучего таянья льда!

С Господних и горних поющих высот
Нисходит сиянье на тающий лёд.
По лужам весёлым,
Взметая подолом,
Весна мне навстречу идёт.

ВЬЮГИ

Лютуют свирепые вьюги,
Гуляя в родной стороне.
Ответствуйте, верные други:
Сие не почудилось мне?

Могло ли такое присниться:
Иду вдоль Кремлевской стены,
Где эхом надменной столицы
Шаги мои отражены.

Сверну наугад по Арбатской —
В простор, как в небесный глоток:
Навстречу мне бросится адский
Машин и прохожих поток.

Скажите мне, милые други:
Возможно, то чудится мне?
И эти московские вьюги,

Что в русской летают округе, —
Лишь зимний подарок стране?

Москва бьет своих, чтоб чужие
Боялись, — я в доску своя!
Мне — взоры Москвы ножевые
И матерна ласка ея.

* * *

На столе букет из сухих цветов
И рябина... рябина — в глазах рябит!
Эта комната помнится нам без слов,
Оттого и кажется — без обид.

И покуда никто ещё не привык —
Хорошо бы не приходить тебе.
Если говорю, то без закавык.
Да не думай, не думай, не по злобе!

Так бывает: нельзя ничего спасти,
Эта комната нам что казённый дом...
Эта кисть рябины в моей горсти
Поцелуйным пылает твоим огнём!

Паутины много наплёл паук...
Всё осенний дым от костра, всё тлен.
Не боюсь к разлуке привыкнуть вдруг —
Я боюсь непрошенных перемен!

На столе букет из сухих цветов
И рябина, рябина — в глазах рябит...
Эта комната помнится нам без слов,
Оттого и кажется — без обид.

В КАФЕ «МАЯК»

На Большой Никитской, в кафе «Маяк»,
Где соперник ночи — табачный дым,
Разливают пойло с клеймом «коньяк»,
Разливанно хабалистым, молодым.
И забыв, что страшного ничего
Нету в жизни, имя которой — ложь,
Ты сидишь и ждешь только одного...
Впрочем, ничего ты уже не ждешь!

Ты давненько про все рассказать хотел.
Вот, мол, был Маяковский — чудной мужик!
От идейных тем до лилейных тел,
Маяковский был из чумных прожиг.
Да, видать, притвора ты из притвор.
Лжи прилежно, талантливый ученик.
Расскажи мне, как дружат с тех давних пор
Маяковский, Ося и Лиля Брик!
В закоулках бесятся сто чертей,
Потеснив этот дымный ночной приют.
Мне твой мнимый праздник осточертел,
Не чужой, но чуждой была я тут!
И досада жгуче внутри горит.
Мне сей привкус с недавних времен знаком.
Мне забавно от выпитых «Маргарит»,
Опрометчиво смешанных с коньяком.
Это черно-белое домино,
«Форте-пьяных» клавиш ночной расклад.
В нашем времени все предрешено —
Перепито и спето на разный лад.

СНЕГ

Всё-то ты приемлешь,
Русский человек!..
...Снег целует землю.
Белый, белый снег.

Почитай, всю зиму
Он идёт, идёт,
Неостановимый
Белоснежный лёт...

Вдоль домов высотных,
Вдоль озёр и рек...
Вот и ты, босо́та —
Божий человек,

В тот ноябрьский вечер
Белым снегом став,
С ним ушёл далече,
«Смертью смерть поправ».

Ты теперь прохожий,
Ты теперь — снега...

У тебя под кожей
Колкая пурга.

Ну а если в зиму
Снега намело —
Это чтоб могли мы
Просто и светло

Вспоминать, приемля
Грусть земных сердец:
Снег целует землю.
Снег... и мой отец.

* * *

Ты снишься, как черёмуховый ветер.
По-майски ясно и светло в саду...
Любовью дышат душевные соцветья,
И я по саду, юная, иду.
Несмелая, иду под вздох черёмух,
Себя на «до» и «после» не деля.
Мой самый точный, самый важный промах —
Жить начинаю набело, с нуля.
Пусть запах той черёмухи ознобкой,
Гонимый ветром, вскинется в окно,
И я поверю в суть примет народных:
Не всё ли жизнью определено?!
Фасонится черёмуховым платьем
Княжна-весна, не ведая, зачем...
Цветущая у юности в объятьях
Влюблённость — вот поэма из поэм!
Весенний мой, стремительно-рассветный,
Влюблённо-юный невозвратный май,
Не утрашись безудержного ветра,
Черёмуховых судеб не ломай...

* * *

В бренном мире подлунном —
но лучшем из всех миров! —
Между призрачных целей
как истинную отличить?
...Он, рождённый казачкой Анной,
не лучшим был из отцов,
Он навеки меня оставил,
а ему б ещё жить да жить!..

Но даровано Господом ему
 было лишь шестьдесят —
Шесть десятков шальных,
 но громко прожитых годов.
Так уходят мужчины, покидая житейский ад,
Оставляя навек безутешных детей и вдов.

Наш отец, кем ты был для меня,
 срезанный в поле мак,
Исполинскою силой, что недругам не одолеть?
Будто вышел из прошлых веков атаман Ермак
И давай свои ратные песни во поле петь?..

...Как в холодные ночи
 в верховьях подмёрз Иртыш
И не пахнет уже увядшей травой в лесу,
В грешном мире подлунном
 (к войне ли?) настала тишь
И багульник отцвёл
 неизвестно в каком часу...

* * *

*А я развеян ветрами...
Гарсиа Лорка*

Обещанья мужские недорого стоят —
Легковесней пуха, прочней пера!
Ничего, мой хороший, ломать — не строить,
Знать, боярышнику вызреть пришла пора...

Правды — ни на грош: не сентябрь — истома.
Драгоценный мой, не продешеви:
Увлечениями ветреными влекомые
Недалече бегают от любви!

Не случайно сказано: «смерть — полушка»,
Отцветает и отгорает влет!
И зардевшейся барынькой-хохотушкой
Осень (царственная побирuşка!),
Все плоды пособрав в подола, придет

И упрямо посмотрит — молча, мороча,
Обметая равнины красой-листой.
Мокнуть под дождем нету больше мочи.

...Раскидал боярышник свое узорочье —
Раскидало по осени нас с тобой.

Оправдаться неужто достанет духа?
Но, не веря обещаниям и дарам,
Пожелаю себе ни пера ни пуха,
А тебя посылаю ко всем ветрам!

* * *

Уехать в город светлых фонарей,
Вдыхать всей грудью воздух влажный невский,
Где в стылой неизбежности ночей
И засыпать, и просыпаться не с кем.

Мы просто стали старше, не старей —
Не разучились ни мечтать, ни мчаться.
Ужели нежность светлых фонарей
Закончилась, едва успев начаться?

А что в душе — надрыв или надлом?
Порушены извечные устои.
Дом обветшалый обречён на слом,
А новый дом доселе не построен.

След в след по снегу ярому идти
Туда, где очертанья наши парны,
В ночь, где ещё не поздно всё простить,
В свет переливчатый, ночной, фонарный

Идти, не поворачивая вспять,
И вспоминать, как мы друг другом жили,
А посветлевшим фонарям сиять
Над всеми, кто друг другу не чужие.

Над этими дорогами двумя,
Что в спешке разошлись поодинно,
Струится свет фонарного огня
И утопает в звёздном многоточье...

СОН-ТРАВА

Близко к сердцу ретивому! Ближе — не принимай:
Вертопраховы правды, речей леденистый наст
Промелькнут по весне, убежав из апреля в май,
Прорастёт сон-трава через почву и через нас,

Чернозём пробивая велением высших сил,
Нам неведомых до холодов затяжных остуд.
...Небесами, наверно, что Бог на руках носил,
Были эти цветы, а теперь на земле растут.

Из-под снега, что землю нагую собой укрыв,
Выйдя к солнцу на свет из погибельнейших тенёт,
Сон-трава лепестками похожа на росчерк крыл
Серафимовски хрупких — в поклон до земли согнёт!

И, немолчны, услышишь пророческие слова:
«Не грусти... Отпусти... Жить позволь и сама живи».
...Сон-трава прорастает, всегда и во всём права,
Сон-трава прорастает во имя земной любви.

* * *

Многотрудное счастье моё!
Поднимается солнце с востока,
И природа себя узнаёт —
Узнаёт в сыновьях ненароком.

Среди сутолок будничных дней,
Среди призрачных дум о высоком,
Кроме сказок, светлей и ясней
Мы согреты лучами востока.

Ну а если покажется мне:
Не жена я, а только невеста —
Где-то мальчик заплачет во сне,
И опять не найду себе места.

Жизнь рассветные гимны поёт,
День взмывает в лучах исполином.
Многотрудное счастье моё,
Нареченное ласково — сыном.

* * *

Век мой китежный, отражение
Бела облака в озерце...
От искристой воды свечение,
Отсвет радости на лице

Углядеть я пытаюсь истово.
Обмануться боюсь стократ.

Лишь вода золотится искрами...
Кто ты мне: ни отец, ни брат?..

На твой берег пришла смиренная,
Зорким солнцем всплыву со дна.
Будет истина сокровенная —
Преднабатная тишина.

Обниманья — рассветы ёмкие,
Целованья — денниц пожар —
Нам, земным, поднебесной кромкою
Улыбается Светлояр.

И сокрытый до дня заветного
Предо мной — триедино свят! —
Ты откроешься, семиветровый,
Мил-сердечный мой, Китеж-град.

Стон набатный как сон срывается,
С колоколен струит вода,
Когда с веком своим встречаются
И прощаются навсегда.

И на крыльях стрижей возносится
Зримый, видимый за версту,
Свет от встречи до неба с проседью
Из отверстых вод в высоту.

* * *

В воздухе пахнет дождём,
Преодолением зноя.
Если чудес мы не ждём,
Что же приходит весною?

В душный полуденный зной
Жажду дождя да обрящешь!
И над тобою и мной
Ливень пройдёт настоящий.

Бойся желаний своих,
Молниеносных свершений.
Розговых струн дождевых
В сладком удушье сирени...

Зной над тобою и мной
Грезит полуденным ливнем,
Пьяным сиренью, весной
И поцелуем наивным,

От непогодных угроз
Силы непреодолимой
Яростный ливень возрос,
Ливень неостановимый,

Что застигает врасплох
Майской грозой громогласной,
Где ты — хорош или плох —
Просишь спасенья напрасно.

* * *

В метельной запредельной замяти
Любви положено случаться!
Спешите жить! Духовный маятник
Сначала должен раскачаться...

Спешите жить... И пусть отчаянно
Цветущим вишеньем ворвётся
В квартиры к вам не ночь-печальница —
Но утреница званым солнцем!

Затеplit в окнах ожидание,
Качнёт цвет вишенный любовно
От исповеди к покаянию
Незримый маятник духовный.

И вспомнится земная истина
Назло метели запредельной,
Что этот маятник таинственный
И есть несомый крест нательный!

В метельной запредельной замяти,
Когда и слов уже не надо,
Из детской белопенной памяти
Взрастёт душа вишнёвым садом!

С метельным солнцем легче дышится
Душе влюблённой и смятенной...
Спешите жить в цветущем вишенье,
Под белокипенным цветеньем!

Николай ЗИНОВЬЕВ

**ВО МНЕ
МЕЛОДИЯ
ЗВУЧАЛА**

Стихи

НЕИСПОЛНИМЫЕ ЖЕЛАНИЯ

Я хотел бы жить по совести,
Пребывая, не шутя,
В состоянии невесомости
Собственной, ну, как дитя.

Чтоб смотреть глазами детскими
День и ночь в глаза судьбе...
А словами злыми, резкими
Говорить лишь о себе.

А ещё мне очень хочется, —
Эк, меня-то понесло, —
Чтоб блаженство одиночества
В муку не переросло.

* * *

Одели меня и обули,
Слегка подтолкнули рукой.
Как море, не знавшее бури,
Душа излучает покой.

Тащу за собою салазки,
Все мысли чисты и ясны.
А вечером мамины сказки
Легко превращаются в сны.

Поступки не знают последствий,
Открытья на каждом шагу...
Конечно, всё это о детстве,
Куда я сбежать не могу...

* * *

*Одноклассникам, погибшим
в Афганистане.*

То порой опускаясь на дно,
То со дна поднимаясь, как дым,
Достоверно я знаю одно:
Что уже не умру молодым.

А ребята ушли в двадцать лет.
Что осталось от них? Имена?
Нет, конечно, когда лунный свет
На полу оставляет свой след,
Все они посещают меня...

ГОРЬКИЙ СВЕТ

Я часто думаю со страхом,
Держа в руках ладонь твою:
«И эти пальцы станут прахом,
Утратив теплоту свою».

Тут надо мне сдержать рыдания,
И всеми силами ума
Понять, что свет непониманья,
Как он ни горек, он — не тьма...

* * *

Когда я выхожу из храма,
Меня ведёт за руку мама,
А за другую — папа мой
Живой,
А мне ещё годочков шесть,
Во мне грехов ещё — ни грамма...
Наверно, так оно и есть,
Когда я выхожу из храма...

* * *

Заколоченные дачи,
Солнце светит зло и колко.

Улыбаюсь, а иначе
И расплакаться недолго.

На ветвях сухие груши,
Цвет небес такой же синий,
Как глаза твои, он в душу
Льётся всё невыносимей.

Но держусь на силе воли,
Поскорей бы уже вечер.
Но а если, кроме боли
Этой, жить мне будет нечем?..

ПОЭТ

Не обвиняй в непостоянстве,
Не будь к нему, читатель, строг.
Поэт всегда живёт в пространстве
Необъяснимых чувств и строк.

Не предлагай ему лекала,
Они всегда ему тесны.
На дне стакана иль бокала
Ты видишь дно, он видит сны.

Он никому, увы, не нужен,
Хоть и поёт на всю страну.
Так, звёзды вылакав из лужи,
Волк ночью воет на луну...

НА РЕКЕ

Трепещи, судьба-пиранья,
Наконец понять я смог,
Что, исполнившись, желанья
Исчезают — вот подвох!

Яд желаний весь до капли
Вылил я из склянки дней.
Я теперь счастливей цапли,
Чище облака над ней!..

* * *

Сколько лет это было назад?
Наша старая хата, осенний
В первом инее старый наш сад,

«Подморозило», — дядя Арсений
Говорит, в рукомойник стуча,
И так громко и гулко смеётся,
Что кот Мурзик даёт стрекача
В лопухи, что растут у колодца.
Я стою на ступеньке крыльца,
Полусонный в объятьях рассвета,
И не знаю, что я до конца
Своих дней вспоминать буду это...

* * *

Давно в могиле мой отец,
И я, понятно, не юнец,
Но сам не знаю, кем слыву,
Когда у низенькой оградки
«Отец, пойдём косить траву!»
Я говорю. И так реву,
Что ходят ходуном лопатки...

* * *

Как всё враждебное, чужое
Змеёй вползает в наши дни!
А всё исконное, родное,
Как будто мальчик от змеи,
Всё дальше, дальше убегает,
Вот-вот мелькнёт в последний раз
И навсегда покинет нас...
Не плачьте, плач не помогает.

* * *

Снова залит сад луною,
Я под грушею стою,
А от груши тень длиною
В жизнь твою или мою.

Сердце бьётся редко-редко,
Сад стоит притихший весь,
И дрожит одна лишь ветка, —
Почему дрожит? Бог весть.

* * *

Дождь внезапный в окно постучался,
Тёплой лужицей лёг у крыльца —
Ненадолго. В течение часа
Он опять улетел в небеса.

Он мне, летний, напомнил ту осень
И те дни, тяжелее свинца.
Может, это не дождик был вовсе,
А небесный привет от отца?..

* * *

На склоне лет, уже почти отвесном,
Когда слова становятся нежней,
Когда закат как в Царствии Небесном,
Писать стихи и легче, и страшней.

ЛЮБОВЬ

Твое отсутствие когда-то
Считал я главной из потерь,
Но как-то зло и виновато
Промчались годы, и теперь

Мне всё равно, где ты «зависла»,
Какому нравишься хлыщу.
Я, как ребёнок в жизни смысла,
Тебя блаженно не ищу...

НА ХУТОРЕ

Жизнь моя другою быть могла бы,
Ну да ладно, я уже привык
И к такой, где ссорятся две бабы,
Где тоску из лужи цедит бык.

Где рукой подать до мезозоя
И легко лицом ударить в грязь,
Если только снова баба Зоя
В долг отпустит, громко матерясь.

В колее — потерянный ботинок,
А хозяин, видимо, в раю...
Грустная и страшная картина.
Не возьмёте? Даром отдаю!

* * *

На горячей броне
Наша вырвалась рота,
Все спаслись, только мне
Не хватило чего-то...

Мне ль на Бога пенять? —
Есть семья и работа,
И тоска, но опять
Не хватает чего-то...

Все уйдём мы в тот храм,
Что горит на закате,
Но боюсь, что и там
Мне чего-то не хватит...

НОЧЬЮ

Луна... В такое время суток
Нередко сбой даёт рассудок,
И забирает власть душа,
И жизнь не стоит ни гроша.

Все хаты прячутся под крышу,
Темнеют в поле зелены.
Закрыв глаза, отца я вижу.
Отец, ты видишь ли меня?

Но на вопрос мой нет ответа,
Молчанье тягостно и жутко,
Я долго так не протяну.
Жду возвращения рассудка,
Чтоб отдохнуть в его плену...

ОСТАНОВЛЕННОЕ СОЛНЦЕ

На багровеющий диск солнца
Мы весь январь, не пряча слёз,
Вдвоём смотрели из оконца
Сквозь пальцы тонкие берёз.

Ты, утомлённая, шептала
Во сне какие-то слова,
От них кружилась голова
И в горле что-то щекотало.

Любовь разрушили мы сами,
Вдвоём пойдя на глупый риск...
Но у меня перед глазами
Он всё стоит, багровый диск...

СТАРИК

Изнывает душа моя снова.
«Отчего?» — старика я спросил.
И сказал мне старик: «Ищет слово» —
И бычок о ладонь погасил.

И я в мысли свои погрузился,
Головой своей глупой поник.
И лишь только потом спохватился:
«А откуда тут взялся старик?»

Огляделся с опаской я: пусто,
Лишь по отмели бродит кулик
Да шумит несмышленный тростник,
Но не страшно мне стало, а грустно,

Потому что я так же исчезну,
Ускользну, не оставив следа,
Может быть, в океанскую бездну,
Может, в землю. Неважно куда...

СМЕРТЬ ПОЭТА

Из каморки последнего дня
Он с улыбкой спокойною вышел
И, всё дальше от нас уходя,
Становился все выше и выше...

ОПЯТЬ В СТЕПИ

Пусть каждый спросит себя строго:
«Что может доброго быть в нас,
Коль сотворившего нас Бога
Убить пытались мы не раз?»

Мы все виновны: кто отчасти,
А кто наотмашь, целиком.
А при раскладе при таком
Какого смеем ждать мы счастья?

Так думал я, шагая в свите
Степного полдня среди трав.
Не знаю, прав я был — не прав?
Но я так думал. Извините.

* * *

О Боге думаю я часто,
Но редко в храм Его хожу.
И сверхъестественного счастья
Себе я больше не прошу.
Я жду последнего трамвая
С обычной целью — в него сесть
И ехать в нём, обозревая
Ночь из окна, подозревая,
Что это счастье-то и есть:
Огни мелькающей рекламы,
Воспоминаний длинный ряд,
Сидящей по соседству дамы
Запоминающийся взгляд...

ОТРЫВОК

Опять тоски не превозмочь.
Мне вспоминается начало,
Когда, ты веришь, день и ночь
Во мне мелодия звучала...
Жизнь промелькнула, и уже
Стоят два ангела на страже,
Но удивительно: в душе
Рыдает музыка всё та же!..

14 августа 2019 г.

СКОРЫЙ

Гудок, и мы поехали,
В стаканах — не кефир.
Наполненный помехами
По швам трещал эфир.
Шёл поезд ко спасению
Или катился в ад?
Об этом, к сожалению,
Не думали мы, брат.
Мелькали дни, события,
Догадки, города...
И вот он, пункт прибытия, —
Молитесь, господа!..

Николай ИНЮШКИН

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬ

**О жизненном
и творческом пути
Ф.П. Вазерского**

Красивое здание в стиле «Модерн» на улице Богданова, 19, известно, наверное, большинству пензенцев. Но это не только памятник архитектуры, возведенный в начале XX века. Его форма включает в себя богатейшее содержание, связанное с музыкальной культурой как регионального, так и всероссийского масштаба.

Свет музыкального просвещения, зажегшийся в губернском центре в 1882 году, переместился в это здание в 1911 году и более полувека согревал сердца тех, кто учился и учил в его стенах.

Мемориальные доски на фасаде музыкальной школы и училища гласят о плеяде замечательных мастеров, известных всей стране. Среди славного перечня есть и фамилия человека, памяти которого и хочу посвятить свой рассказ.

Узнал я, кто он и чем замечателен, еще мальчишкой. В начале 50-х годов мы с папой пошли на самый большой в Пензе стадион «Большевик» (сейчас стадион ПГУ). Мероприятие, которое там проходило, не было спортивным. Это был праздник песни. Автор слов многих песен М.И. Инюшкин тоже приглашался. Стадион был полон. Но зрители-слушатели занимали одну трибуну, а на противоположной располагался огромный объединенный хор. И вот я впервые увидел и поразился, как мастерски дирижирует его звучанием один человек. Кто он? «Это Фёдор Петрович Вазерский, замечательный музыкант, — сказал мне папа и продолжил: — Мы с ним хорошо знакомы, ведь он еще и любитель поэзии. Интересный человек!»

Тот праздник песни и особенно дирижирование Ф.П. Вазерского объединенным хором запомнились очень.

Когда в годы учебы в Пензенском пединституте автор этих строк организовал студенческий клуб отдыха, мы с первых дней его существо-

вания стремились приглашать на беседы со студентами людей, в Пензе известных и представлявших разные виды культуротворчества. К нам приходили прозаики, артисты, художники, музыканты. Слово «музыканты» нарочито поставлено мною в конце фразы. Почему? Да потому, что президенту клуба очень хотелось позвать на встречу человека, бывшего одной из главных звезд культуры Пензенского края.

А почему бы будущим педагогам-гуманитариям не послушать и не побеседовать с ним в стенах нашего клуба? Фёдор Петрович, работавший в ту пору в Пензенском музыкальном училище, на такое предложение-просьбу ответил согласием.

Не самой этой встрече, а рассказу о жизни и деятельности разносторонней личности земляка, достойного долгой памяти, следующие страницы.

Начну с того, что такую сценку на проселочной дороге из Пензы в Мокшан до лета 1910 года вряд ли можно было наблюдать раньше. Но именно тогда из нехитрого экипажа о двух лошадях разносились над полями хорошо поставленные мужские голоса:

На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил.
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.

Несколько экзотическая ситуация была вместе с тем вполне объяснимой. Просто в этом самом экипаже два молодых человека — студенты Московской консерватории Фёдор Вазерский и Николай Грачёв — везли в уездный центр свою любовь к музыке А. Рубинштейна, поэзии М. Лермонтова и желание поставить в пензенском захолустье оперу «Демон». Так оно и случилось после того, как юные энтузиасты сумели очень быстро объединить тамошних меломанов. В день постановки, которую, конечно, трудно было сравнить со столичной по части голосов, оркестра и декораций, Народный дом был полон. «Печальный Демон, дух изгнания» был принят на ура.

Губернские «Ведомости», посвятив этому событию статью «Опера в Мокшане и мокшанская публика», отметили, что это не первый приезд в провинцию студентов консерватории. «Каждый раз своим посещением, — растроганно писал корреспондент, — они доставляют мокшанцам много непосредственной радости и вносят немало светлых лучей в тёмное и сонное существование Мокшана».

Один из инициаторов оперной постановки «Демона» — Фёдор Петрович Вазерский.

Всю свою жизнь посвятил он тому, чтобы поэзия, песня, музыка стали праздником для многих тысяч людей.

Фёдор Вазерский родился 21 ноября 1887 года в Пензе.

Имело ли влияние на его музыкальную судьбу место рождения?

Думаю, да, и сошлюсь на интересное свидетельство известного мемуариста XIX века Василия Инсарского: «Пензу в моё время можно было принять за обширную, натуральную консерваторию, где все непрерывно пели, только без профессоров и разных мудрых устройств, которыми отличаются действительные консерватории. Там положительно все пели, а те, которые не могли или не умели петь, принимали в пении самое горячее участие».

Достоверно известно, что в семье мещан Вазерских тоже пели охотно и много. В приходской школе маленький Федя пел в детской опере высоким красивым альтом.

А вот в учительской семинарии, куда поступил Фёдор, музыки ему было маловато. Желанную гармонию звуков давало изучение русской поэзии, входившей в учебную программу.

Да и без программы Фёдор с упоением зачитывался Пушкиным, Некрасовым, Лермонтовым, не забывая, что пензенская земля питала творчество любимого стихотворца. По собственным его воспоминаниям, юный семинарист с особым чувством читал «Парус» и «Бородино» на литературных вечерах.

Юного меломана можно было увидеть и в хоре духовной семинарии у замечательного педагога Алексея Васильевича Касторского...

Обладатель отличного природного тенора берёт уроки у недавней солистки итальянской оперы Бинерт, оказавшейся волею судеб в Пензе, и в это же время, с 1903 по 1907 год, успевает овладевать скрипкой и контрабасом в училище Российского музыкального общества.

Словом, уже тогда было ясно, что учителем грамматики и словесности Вазерскому долго не быть, и он прилагает все силы, чтобы после, так сказать, «натуральной» консерватории пензенской попасть в настоящую — московскую.

Так оно и случилось. Этот диплом, подписанный Ипполитовым-Ивановым, Гедике, Игумновым, Горди, Гольденвейзером и другими знаменитыми музыкантами-педагогами, Фёдор Петрович получил в 1913 году. Большой красивый документ торжественно извещал о высоких оценках, об успешном завершении полного курса музыкального образования.

Но в нём не могло отразиться, что в эти годы и в Москве, и не только в ней энергичный пензяк овладевал ещё одним нелёгким искусством — умением заражать своей любовью к музыке других людей.

Причём любовь эта была совершенно бескорыстной. Казалось бы, приезжая на каникулы в Пензу, не слишком богатый юноша мог, что называется, подработать своим талантом.

Так нет, вместе с сокурсником и будущим многолетним коллегой Николаем Грачёвым едет в Мокшан, чтобы поставить там в Народном доме «Евгения Онегина» и «Демона».

Афиша 1914 года — тоже свидетельство щедрости души нашего земляка: в подмосковном селе Марфино Вазерский создал крестьянский хор и струнный оркестр, поставил оперу «Русалка».

Обратите внимание — на музыкальные занятия с крестьянами не жалеет времени уже не студент, а солист знаменитой тогда частной оперы Зимина, на сцене которой пели и Шаляпин, и Собинов, и другие музыкальные звезды.

А был ли звездой Фёдор Вазерский? Был, и величины немалой. Но её свет направлен был туда, где его так не хватало, — в российскую провинцию. Потому и было вполне осознанным возвращение столичного тенора в родную Пензу после событий октября 1917 года.

Революцию Вазерский принял. Её лозунги перекликались с тем, что мечтал делать молодой энтузиаст: «Музыкальное образование — народу». В городе, где уже существовало с 1882 года музыкальное училище, а значит, и определенный слой музыкальной интеллигенции, эта идея нашла горячий отклик. В пору активных переименований и смелых новаций решено было осенью 1918 года открыть Народную консерваторию. Во главе этого новообразования был поставлен Алексей Васильевич Касторский, у которого Вазерский пел в хоре. Но именно благодаря настойчивости Фёдора Петровича Народная консерватория 18 ноября 1918 года стала реальностью. Хором, исполнившим песню «Красная звезда», дирижировал Вазерский.

Первая советская казенная должность Вазерского именовалась так: заведующий музыкальной секцией подотдела искусств губернского отдела народного образования. Но это был удивительный чиновник! Он добывал в Москве инструменты и пел в концертах, он выбивал дополнительные площади для консерватории и дирижировал, он был поистине в гуще новых увлекающих пензяков музыкальных дел. «Число желающих познать музыку, — вспоминал Фёдор Петрович, — было так велико, что консерватории предоставляли несколько помещений».

Но мы до конца не поймём своей истории, самих себя не поймем, если не добавим к этому ещё один штрих. Идёт Гражданская война; голодно, холодно, керосина мало, и его экономят, чтобы зажечь камин во время вечерних концертов, но классы консерватории и залы, где звучит музыка, полны. При всём этом Фёдору Вазерскому мало Пензенской консерватории, он не просто мечтает, а создаёт на её базе новую пензенскую оперу.

Идея горячо поддержана коллегами, учащиеся поют в хоре, в котором 160 голосов, играют в оркестре, где до 70 музыкантов, из Москвы и других городов приезжают певцы-профессионалы.

Тяжелейший 1919 год завершается в битком набитом зале Гарнизонного театра (так стал называться Народный дом, нынешний драмтеатр).

С блеском идёт «Руслан и Людмила», и те, кто не попал на спектакль, могли прочитать в губернской газете:

«Всё создано заново, благодаря неиссякаемой энергии, настойчивости и горячей любви к делу талантливого Вазерского: он создал не только оперную группу, но сумел возбудить непреодолимое стремление к самостоятельной творческой работе».

Среди тех, кто пел в пензенской опере, было немало будущих знаменитостей — например, Александр Яхонтов, и знаменитостей, уже в ту пору состоявшихся, — могучий бас Григорий Пирогов.

Но давайте выделим из исполнителей, вернее исполнительниц, одного человека, ставшего самым дорогим для Фёдора Петровича. Мария Харитоновна, родом пензенская, училась в Народной консерватории, потом солистка оперы. Яркой, темпераментной была она в роли Кармен. Блестящий сценический символ свободной любви. И совсем иной образ ангела в «Демоне», который тоже был поставлен революционной Народной оперой.

В жизни же Мария Захаровна тоже была красивым символом — верной, доброй, умной жены и товарища. Они поженились в 1920-м и полвека шли рука об руку, не разлучаясь, преданные своей любви и своему служению искусству.

Но этим годам ещё предстоит быть. А пока в конце 1921 года читатели губернской газеты с огорчением узнают, что из-за недостатка средств опера превращается в передвижную агитгруппу и будет обслуживать Тамбов, Курск, Тулу и другие города. Сделанное в Пензе за три года впечатляет: поставлено 14 опер, дано более 2000 концертов.

Однако Фёдор Петрович отступать не любил. Похоже на каламбур, но уже в 1922 году Вазерский занимает пензенский «Олимп». Именно так назывался кинотеатр, расположенный в знакомом пензякам здании на улице Кирова, 39. Именно здесь Фёдор Петрович открывает театр-мастерскую «Тема». Здесь учат музыке, здесь снова работают над оперными постановками.

И всё же без расставания с родной Пензой, и надолго, не обошлось. С 1923 по 1938 год Вазерский возглавляет творческие коллективы, организует передвижной Средне-Волжский краевой театр оперы и балета. В него входили Самара, Оренбург, Ульяновск, Пенза. Обслуживая эти города, театр гастролировал и по стране. 32 оперы увидели во время гастролей 1,5 миллиона слушателей.

В архивном фонде Вазерского я нашёл такой наивно-трогательный документ времени: «Мы, допризывники 2-й очереди 1914 — 1915 гг. в количестве 60 человек, прослушали впервые оперу «Кармен». До этого мы не имели никакого представления, что такое опера. Директор тов. Вазерский оказал нам полное содействие и помощь. Посещение оперы доставило нам громадное удовольствие».

В 1935 году театр, которым руководил Фёдор Петрович, был передан Казахской ССР и явился основой республиканского театра оперы и балета.

*Ф.П. Вазерский (в центре), М.З. Харитоновна и Н.С. Грачёв
после спектакля. Фото 1940-х – 1950-х гг.*

В 1937 году в Саранске Вазерский организует первую оперу Мордовской республики.

Отсюда уже и до родной Пензы рукой подать, и осенью 1938 года Фёдор Петрович и Мария Захаровна возвращаются домой, чтобы возродить, прямо скажем, забывавшиеся традиции.

В Доме культуры имени С.М. Кирова Вазерский становится художественным руководителем, организует симфонический оркестр и создает «рабочую оперу». В «Русалке», «Севильском цирюльнике», «Тихом Доне» с уважением и всё большим умением поют слесари, токари, служащие.

В репертуаре творческих коллективов, с которыми занимается Вазерский, заметна любимая Фёдором Петровичем лермонтовская тема. Это не случайно — ведь в 1939 году страна отметила 125-летие со дня рождения поэта. Чуть раньше юбилейной даты произошло знаменательное для Пензенского края событие — был открыт Дом-музей в селе Лермонтово. С большим волнением приняли участие в торжествах по этому случаю Ф.П. Вазерский и М.З. Харитоновна, которые посетили мемориальные места, а затем осуществили художественное руководство большим концертом в областном драматическом театре 15 октября 1939 года.

В духе времени газета «Сталинское знамя» сообщала, что «концерт интересен и тем, что большинство его участников — рабочие и служащие завода имени М. В. Фрунзе. Народ — вот истинный наследник творчества Лермонтова. Участники оперного коллектива Дома культуры имени С.М. Кирова, учащиеся музыкального училища исполнили ряд стихотворений Лермонтова, романсы, написанные на его слова Рубинштейном, Даргомыжским, Глазуновым. Особенно горячо зрители встретили исполнителей отдельных сцен из «Маскарада» и «Демона».

А пензенские любители музыки уже мечтали о профессиональном театре оперы и балета.

Думал об этом и Фёдор Петрович. Он очень рассчитывал, что первым спектаклем, в котором Пензенский оперный театр предстанет в профессиональном качестве, станет всё тот же любимый «Демон». Уже почти договорились об участии в постановке знаменитых московских солистов

А.А. Яхонтова и И.М. Скобцева. Ну разве отказали бы уроженцы Пензы в такой лестной просьбе!

Война смешала планы. И все же Ф. Вазерский не позволил голосу пушек заглушить голос муз. По его инициативе был организован хозрасчетный оперный коллектив, в котором нашли место многие эвакуированные в наш город артисты. Через несколько лет он стал Государственным театром оперы и балета, размещаясь сначала в Клубе имени 1 Мая на улице Московской, а с осени 1943-го — в Клубе имени Ф.Э. Дзержинского. Фёдор Петрович по возрасту не подходил к военной службе, но на фронт рвался. Около четырёх месяцев находился он в частях 3-го Украинского фронта на Днестре, выступал среди солдат и раненых в прифронтовых госпиталях, работал с самодеятельными артистами, создавал ансамбли песни и пляски.

Пензенская профессиональная опера существовала до 1948 года. Сохранился репертуарный список Пензенского театра оперы военных лет. Среди двадцати поставленных произведений из года в год не уходит со сцены и «Демон». После этого Фёдор Петрович некоторое время руководит музыкальным училищем, возглавляет областной отдел искусств, а с 1953 года до конца дней главным его занятием является преподавательская деятельность.

Зоркий глаз музыканта и педагога вывел на стезю любимого им искусства немало молодых людей, ставших, подобно учителю, гордостью пензенской земли. Один из них — В.В. Каширский, главный дирижер Губернаторской симфонической капеллы. Именно Вазерский не просто заметил, но и активно поддержал Володю еще в его мальчишескую пору, когда тот пел в оперной студии под руководством Фёдора Петровича.

Во время работы над этим материалом мы поговорили с Владимиром Викторовичем по телефону. Сколько добрых и благодарных слов сказал он о Вазерском! Ведь тот не только следил за талантливым мальчиком в оперной студии, но буквально за руку отвел его к Н.А. Котляру, директору Пензенского музыкального училища. Учись, расти, твори!

Так и случилось. В.В. Каширский стал заслуженным артистом РФ, заслуженным деятелем искусств РФ, почетным гражданином Пензы. Руководимая им капелла обрела международное признание участием в престижных конкурсах и фестивалях в России и за рубежом.

Но вернемся к рассказу о Ф.П. Вазерском. Ни одно заметное музыкальное мероприятие в Пензе и области не обходилось без его участия. Непременный дирижёр объединённого хора на ежегодных праздниках песни, организатор новых самодеятельных оперных коллективов, символ благородного, бескорыстного служения музыке и её пропаганде — таким остался в истории нашего края Фёдор Петрович Вазерский.

Ну а жизненный путь выдающегося деятеля российской культуры завершился 19 декабря 1970 года — полвека назад.

Время сердцу быть в покое
от волнения своего...

Лариса КОСТАКОВА**ТРИ
ЮБИЛЕА**

Единственный в мире музей Александра Николаевича Радищева был открыт 28 октября 1945 года в селе Верхнее Аблязово Кузнецкого района Пензенской области. На первой странице областной газеты «Сталинское знамя» был помещен портрет писателя и над ним подпись: «Сегодня в Верхнем Аблязово открывается музей Радищева».

Открытие музея, по воспоминаниям современников, происходило в торжественной обстановке, из области приезжали. «Сильное собрание было. На вышке высказывались (на трибуне). Каждого интересовало, что такой музей в селении открывается. После митинга смотрели музей» (из записок Т.А. Ивановой).

Так пензенская земля обрела новое место, ставшее наследием и гордостью нашей Родины. Много значимых событий для музея произошло за долгие семьдесят пять лет. В 1949 году в Аблязове, в Пензе, в Колонном зале Дома Союзов Москвы прошли юбилейные торжества, посвященные двухсотлетию со дня рождения А.Н. Радищева. В Верхнее Аблязово по такому случаю приезжала праправнучка писателя Нина Радищева.

За прошедшие 75 лет, конечно же, неоднократно менялись музейные экспозиции, посвященные жизни и творчеству А.Н. Радищева. Наиболее запоминающимися были экспозиции 1965 года (автор В.Г. Смолицкий, ГЛМ, г. Москва) и 1974 года (авторы — сотрудники музея А.Н. Радищева, а с 1975 года сотрудники Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области, в состав которого вошел и музей А.Н. Радищева).

Сегодня экспозиционный комплекс музея состоит из литературной экспозиции «Жизнь и творчество А.Н. Радищева», располагающейся в здании бывшей земской школы, и экспозиции из «Верхне-Аблязовской

хроники», размещившейся в фамильной Спасо-Преображенской церкви — единственном сохранившемся памятнике усадьбы. Помимо этого, в музейный комплекс входит барский дом господ Радищевых, до настоящего времени не сохранившийся. К сороковым годам 19 века после смерти родителей писателя имение пришло в упадок, и владелица его, племянница писателя С.С. Гавриленко, продала его пензенскому помещику Кузнецову, который, в свою очередь, в 1890 годы продал дом на слом. В 1990 — 1993 годах барский дом был восстановлен на сохранившемся фундаменте.

История усадьбы Радищевых созвучна истории села, истории всей страны. В здании музея А.Н. Радищева в начале 1900-х годов располагалась земская школа. Старожил села, Бочкарев Петр Алексеевич, рассказывал, что он учился в этой школе и помнил, что занятия начинались с молитвы «Боже, царя храни» и на стене висел портрет царя Николая II. В 1917 году в день свержения царской власти пришел представитель района и сообщил, что царя больше нет, власть перешла народу. Со стены сняли портрет царя и бросили на пол. Потом вышли на улицу и шли по селу с песнями до села Анненково, где состоялся митинг. Осуществленная национализация земли и банков в первое время дала возможность развитию частного капитала. Старожилы рассказывали, что в Аблязове в те годы было 25 мельниц, 10 маслобоек, 4 ларька, дранка.

Коллективизация на селе проходила сложно. Люди, привыкшие к своей земле, хозяйству не хотели отдавать все это в коллективное пользование. В это же время начался процесс раскулачивания. Раскулачивали «богатых» людей неработающие «бедняки», которые зачастую отобранные вещи делили между собой. Они же охотно шли в колхоз, так как в своем хозяйстве они ничего не имели. У раскулаченных отбирали имущество, скот, дома, делали из них колхозные постройки или просто уничтожали.

Разрушению подверглась и фамильная церковь Радищевых Преображения Господня, два века восхищавшая людей своим убранством. Старожилы в детстве ходили в церковь со своими родителями, бабушками и дедушками. Все они запомнили красивый, резной золоченый иконостас и настенные росписи. Церковь была обнесена красивой, резной чугунной изгородью на кирпичном фундаменте. С южной стороны церкви была часовня из красного кирпича. Разрушение церкви возглавляла секретарь сельсовета («сентяриха»), неграмотная и властная женщина, которая жила в Нижнем Аблязове. Иконостас держался на крючках, отстегнуть его от стены заставили молодого парня Скурлатова Петра. Иконостас упал. Вскоре Петр, вылезая из окна дома, порезал руку и умер. Иконы разносили в разные стороны, некоторые из них жгли, делали двери к баням. Один плотник делал из них стулья и продавал. Стружки он сжигал в голландке, возле которой потом сгорел его ребенок, второй сын сгорел в колхозной котельной, а сам он умер во дворе у чужих людей во время гулянья. Молодые люди на посиделках жгли церковные книги. Оклады

плавились и стекали, как слезы. Люди говорили: «книги плачут золотыми слезами». Те, кто жег книги, впоследствии претерпели несчастья. Когда громили церковь, люди плакали, но боялись подходить ближе, чтобы их не арестовали как сочувствующих.

Много больших икон было сосредоточено в доме Тиханковой Марфы Васильевны, жительницы села Верхнее Аблязово. Не имея возможности присутствовать на службе в церкви, люди собирались у нее дома, где проходили божественные литургии.

После ее смерти иконы прихожане разобрали по своим домам. Несколько икон оказалось у Каренковой Екатерины. В ее доме находилась икона Тихвинской Божией Матери, которая позже перешла в дом ее внука. Недавно икона Тихвинской Божией Матери вернулась в наш храм.

В 1967 году церковь Преображения Господня была взята под охрану государства как архитектурный памятник. К реставрационным работам приступили в 1972 — 1973 годах, к 225-летию со дня рождения А.Н. Радищева. Большое участие в таких работах принял секретарь обкома КПСС Мясников Георг Васильевич. Бывший председатель колхоза «Родина Радищева» Калинин А.Г. вспоминал, как на одном из заседаний бюро обкома Георг Васильевич строго указал кузнецким властям на недопустимость равнодушного отношения к историческому памятнику, а Калинин А.Г. сделал замечание как коренному местному жителю, который «не может построить дом о четыре углах», где жил А.Н. Радищев. Потом попросил в колхозе в долг 50 000 рублей для ремонта церкви. К юбилею церковь была оштукатурена и побелена, а деньги возвращены в кассу колхоза.

С 1991 года храм стал действующим: назначен священник, совершаются службы. В то же время храм открыт для осмотра посетителям музея. Храм Спасо-Преображения Господня является объектом культурного наследия федерального значения, с превосходным резным иконостасом и уникальной фресковой росписью основного храма.

В 1950 году старожил села Николай Степанович Шурыгин вспоминал большой барский дом, от которого к церкви было «большое высокое крыльцо» (галерея). Вспоминая о Радищевых, говорил, что они были добрыми, любили людей, они всегда выручали всех: если падет корова — корову дадут, если хлеба нет — хлеба дадут... Следовательно, доброе отношение к людям низшего сословия сохранялось в семье Радищевых на протяжении трех столетий.

Николай Степанович Шурыгин был родным дедушкой Александры Ивановны Калининой, впоследствии многолетнего директора музея-усадьбы А.Н. Радищева. У Александры Ивановны Калининой 2020 год тоже юбилейный, как и у музея. Александре Ивановне исполнилось 80 лет. И 50 лет ее жизни неразрывно связаны с жизнью музея.

Александра Ивановна Калинина закончила Куракинский сельскохозяйственный техникум, получив специальность «техник-землеустроитель». Была направлена в Казахстан. Проработала на целине пять лет и

вернулась на пензенскую землю. Трудилась землеустроителем, лаборантом в педагогическом училище. А с 1972 года по 2010-й работала в музее А.Н. Радищева. Начиная свою деятельность научным сотрудником, а с первого августа 1988 года возглавила музей А.Н. Радищева.

При ней в музее был воссоздан и стал действовать барский дом господ Радищевых, закончен определённый этап реставрации фресок Спасо-Преображенского храма, открыта новая литературная экспозиция «Жизнь и творчество А.Н. Радищева», подписан договор с Пензенским епархиальным управлением о совместном использовании церкви Спасо-Преображения Господня и общины верующих, возрождён праздник «Тихвинская ярмарка». Любовь Александры Ивановны Калининой к музею и самому А.Н. Радищеву видна в ее рассказах. Она говорит о писателе как о родном человеке, трепетно и тепло.

В 1990 году, в год 200-летия выхода в свет книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», первое издание книги из фондов Российской государственной библиотеки (г. Москва) при активном участии Калининой экспонировалось в музее А.Н. Радищева. Создание и печатание этой книги привело к аресту и приговору автора к смертной казни, замененной сибирской ссылкой. В этом году исполняется 230 лет со дня выхода книги в свет.

В настоящее время Александра Ивановна — желанный гость в музее, а также самый положительный критик всех музейных мероприятий. Она автор ряда научных статей: «Потомки Радищева», «Некоторые вопросы быта и жизни крестьян», «История села Верхнее Аблязово». Выдержки из статьи «Воспоминания старожилов о семье Радищевых» использованы в данном материале.

За беззаветную, бескорыстную деятельность в музее А.Н. Радищева с 1995 года Калинина Александра Ивановна имеет звание «Заслуженный работник культуры РФ».

Уважаемая Александра Ивановна, с юбилеем! Здоровья вам, долгих лет жизни и самых светлых дней в кругу дорогих сердцу людей!

Так уж совпало, что 2020 год соединил три юбилея:

75 лет музею-усадьбе А.Н. Радищева,

230 лет со дня выхода книги «Путешествие из Петербурга в Москву»,

80 лет многолетнему директору музея Калининой А.И.

Любой музей, даже самый маленький, — настоящая машина времени, позволяющая напрямую соприкоснуться с прошлым, живо почувствовать движение истории, осознать глубину порывов человеческого духа и гения. Именно такую счастливую возможность нам, сегодняшним сотрудникам музея, хочется дать нашим посетителям. По другую сторону музейных витрин кипит постоянная незримая работа. Каждый из хранителей музея неповторим, индивидуален, но все вместе мы выполняем важную миссию — просвещение и патриотическое воспитание, сохранение истории семьи Радищевых для будущих поколений.

Ирина КОРЖЕНКО
О ДОКУМЕНТАЛЬНОМ
АРХИВЕ
К.С. БАДИГИНА

**К 110-летию
со дня рождения писателя**

«В море часто бывает хлопотно, отвечаешь за корабль, грузы. Тебе вверены человеческие жизни. Бессонные ночи на мостике, ветры, болтанка на зыби, непредвиденные случаи, требующие предельного напряжения. Иногда упорно не открывается маяк. Долго приходится ждать лоцмана в опасном месте. Или какое-нибудь судно оказалось в тумане слишком близко. Береговая суeta с погрузкой и выгрузкой... Да мало ли у капитана всяческих дел, порой весьма беспокойных. Не каждый выносит это, многие не выдерживают. Тяжелы жертвы морю... Но кем бы я стал, если бы снова начал жизнь? — спрашиваю я себя. Может быть, космонавтом? Я представляю себе бесконечное пространство среди звезд, холод, мрак... Конечно, это заманчиво, это необходимо человечеству. Но сколько еще дела здесь, на родной, теплой земле... Нет, я стал бы только моряком! Кто однажды плотнул крепкого соленого воздуха моря, тот навсегда становится его пленником. Моряк отдает себя кораблю целиком. Вся жизнь проходит на палубе, в машине, на мостике, вдали от дома, от родных и близких. Мальчишкой приходит моряк на корабль, а возвращается на берег стариком. Ответственность сплачивала и объединяла. Она напоминала: как ни различны вы по своим характерам и вкусам, как ни различен ваш жизненный опыт, теперь вы одно целое; как бы трудно вам ни приходилось, вы должны объединенными усилиями всего коллектива преодолеть все препятствия и выйти победителями из этой борьбы. И с первого же дня, с первого же часа этого дня я наблюдал, как начиналась своеобразная кристаллизация коллектива, ядром которого явились старожилы корабля. Разные, очень непохожие друг на друга люди собрались на корабле. И к каждому надо будет найти особенный подход, к каждому подобрать отдельный ключик. Много еще воды утечет, пока все они станут настоящими полярными моряками. Но

они все-таки станут ими. Их сделает моряками коллектив. С морями и океанами связано многое в прогрессе человечества. Мировой океан открывает людям все новые и новые богатства и возможности. Тысячи молодых моряков, влюбленных в свою профессию, работают на судах морского флота. Они стойко переносят тяготы и опасности морской службы. Им есть у кого учиться. Славные дела их отцов и дедов, показавших во время Великой Отечественной войны образцы беззаветного служения Родине, никогда не будут забыты», — так писал о морской службе капитан дальнего плавания, исследователь Арктики, Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны, писатель Константин Сергеевич Бадигин. В 2020 году Пенза отмечает 110-летие со дня рождения нашего выдающегося земляка. Благодаря его жизни и творчеству не одно поколение мальчишек в стране мечтало о море, вместе с героями его произведений мысленно отправлялось в плавание, совершало удивительные путешествия. Сегодня мы тоже вместе совершим небольшое путешествие в фонды Литературного музея, хранящего документы, фотографии, личные вещи писателя, переданные его вдовой Ниной Васильевной Бадигиной после смерти мужа в 1984 году. Надеемся, они помогут вам по-новому открыть для себя человека и писателя Константина Бадигина.

Судьба К.С. Бадигина-моряка удивительна. В тридцатые годы прошлого века комсомол послал его в Арктику. Это были годы, когда советские люди осваивали Северный морской путь. Восемнадцатилетний матрос парохода «Индибирка» на Дальнем Востоке за рейс самостоятельно подготовился к экзамену на второй курс Владивостокского морского техникума. Четырёх-летнюю программу он изучил за полтора года, сдав блестяще экзамены экстерном. Работая матросом, Константин Бадигин самостоятельно выучил французский язык и во время заходов в зарубежные порты помогал своим товарищам, выполняя роль переводчика. *Обратимся к письму капитана теплохода «Индибирка» Н.Ф. Анфиногенова К. Бадигину в Мурманск, датированному 2 февраля 1940 г.: «Я горжусь Вами как первый ваш капитан. Когда Вас назначили ко мне из мортехникума на «Индибирку» в 1933 году, я подумал, много ли вас отсеется и что из вас получится. Да, получились выдающиеся, с мировыми именами полярные капитаны. Ваш бывший капитан п/х «Индибирка» Анфиногенов Н.Ф.» /фонд 17, ед. 30/.*

В 1932 году К. Бадигин получил диплом судоводителя. В 1937 — 1938 гг. он — 2-й штурман ледокольного парохода «Садко». *Прочтём внимательно справку и расписку, выданные капитаном ледового парохода «Садко» Хромцовым второму помощнику Бадигину в том, что за время службы с 1937 по 1938 гг. аварий на судне не было, ревизорские дела и навигационные приборы сданы /ед.16/.* Как много стоит за скупыми словами справки, сегодня можно понять, вспомнив, какая политика велась в стране в эти годы, как за малейшую поломку техники людей обвиняли во вредительстве.

Бадигина любили товарищи. Об этом свидетельствует *письмо от матроса Н.Н. Чугунова с «Садко»: «Хочу видеть Вас таким же, каким я*

Вас видел и знал на ледоколе «Садко». Полным здоровья, бодрым и жизнерадостным, чутким старшим товарищем во всех отношениях нашей обыденной жизни судна с моряками» /ед. 29/.

Летом 1937 года ледокольный пароход «Садко», на котором служил вторым шкипером Константин Бадигин, был направлен для помощи судам в Карском море и море Лаптевых. В конце лета «Садко» также оказался блокирован льдами в районе Новосибирских островов вместе с ледокольными пароходами «Малыгин» и «Георгий Седов». 18 марта 1938 года ввиду болезни капитана А. Алфёрова Константин Бадигин, которому на тот момент было 28 лет, принял командование, став капитаном «Георгия Седова». Когда к «седовцам» в 1938 г. пробился ледокол «Ермак» и стало очевидным, что вывести «Седова» из льдов не удастся, Бадигину предложили покинуть поврежденное судно. Он отказался. Вот как об этом в своем письме Бадигину пишет его бабушка Елизавета Григорьевна: *«Дорогой мой, светлый мальчик! Хочется скорее услышать, что ты уже двигаешься к нам. Когда ты начал дрейфовать на «Седове» со своими товарищами, то тоскливо почувствовалось. Страшны казались и льды, и свободная вода, и сломанный руль. Сознание боялось, а на душе ликовало, особенно после твоего-вашего ответа: «Мы покинем борт «Седова» только тогда, когда он пришвартуется в одной из советских гаваней». Добре, сынку, добре! Казалось, будто я совсем молодая и читаю чудесную книгу об отважных героях-мореплавателях. И это не фантазия, а жизнь, и на «Седове» мой дорогой голубчик. Жаль, что дедушка не дожил до этого» /ед. 23/.*

С оставшимися 15 членами команды на корабле «Георгий Седов» был вынужден дрейфовать, так как его руль был значительно поврежден и судно не могло самостоятельно управляться.

Две основные задачи стояли перед «седовцами»: первая — сохранить свой корабль для советского ледокольного флота и вторая — максимально использовать все обстоятельства дрейфа для проведения возможно более полных и точных научных наблюдений. Первая задача была нелегкой. «Седов» не был специально построен для дрейфа во льдах Северного Ледовитого океана. Это, в сущности, обыкновенный грузо-пассажирский пароход, приспособленный для плавания в слабых льдах. Учтя опыт первой зимовки, столь сильно повредившей рулевое устройство судна, «седовцы» обратили особое внимание на сохранение корабля. Они укрепили корпус судна и выработали особую тактику для борьбы с напором льдов при помощи взрывчатых веществ. Зимой, когда сжатия льдов представляли наибольшую опасность, на борту всегда имелись наготове заряды аммонала, а вокруг корабля были заранее приготовленные лунки. Заряды предназначались для разрушения острых углов ледяных полей, давящих на борт судна, и для образования вокруг судна своеобразной подушки из обломков льда, более равномерно распределяющей давление наступающих ледяных валов. 153 раза «седовцы» переживали сжатия льдов. Некоторые были настолько опасны, что команда готовилась поки-

нуть корабль. Однажды корабль накренился на 30 градусов, вода хлынула через отверстия холодильников внутрь судна, и только самоотверженная работа механиков спасла корабль от гибели.

Среди членов экипажа не было ученых-профессионалов, они были обычными моряками. Но все они кропотливо, тщательно, не щадя своих сил, больше двух лет изо дня в день вели научные наблюдения по метеорологии, гидрологии, земному магнетизму и измерению силы тяжести почти что по той же программе и такими же приборами, что и станция «Северный полюс». В 38 пунктах измерены глубины свыше 3000 метров с получением образцов грунта, открыты новые подводные хребты, течения. Легендарный дрейф «Седова» внес ценнейший вклад в науку о Севере.

Сам Бадигин во время дрейфа «Георгия Седова» в свободное время руководил судовыми курсами повышения квалификации, читал навигацию и политэкономии. Занятия велись регулярно по программе техникума. Программу эту получили по радио из Москвы и ни на йоту не снижали требований. Посещаемость была 100-процентная, успеваемость — отличная: «седовцы» отличались большой тягой к знаниям.

За время дрейфа экипаж «Георгия Седова» сумел снять и самостоятельно починить руль, хотя обычно такой ремонт производился только в доках. Лишь в январе 1940 года, когда «Георгий Седов», дрейфуя с плавучими льдами, достиг уже Гренландского моря, к нему сумел подойти ледокол «Иосиф Сталин» под командованием И.Д. Папанина и вывел его на чистую воду. Снова обратимся к архивному документу, трогательному свидетелю событий. Это письмо от сестры К. Бадигина Лили: *«На днях мы сидели с бабусей и слушали последние известия. Радио передало весть о том, что «Седов» видит прожектор «Сталина». Вся страна слушала об этом и радовалась, но едва ли было такое сердце, как у нашей маленькой бабуси. Если бы ты видел, как она плакала, никак не могла успокоиться и всё повторяла: «Ведь для всех это Костя — герой, а для меня — мой маленький внучек, которого я спать укладывала, ручки его целовала» /ед. 24/.*

В Баренцбург на Шпицбергене и далее в Мурманск «Георгий Седов» дошел своим ходом. В архиве писателя находится письмо К.С. Бадигина губернатору Марлоу (г. Лонгбрюэн, о. Шпицберген): *«Сердечно благодарен за выраженное в вашей телеграмме консулу Волнухину внимание к нашей экспедиции. В продолжение всей научной работы, проведённой нами в Арктике, я с глубоким уважением вспоминал имена великих представителей норвежского народа — исследователей Севера, труды которых помогли нашей работе. Труд знаменитого Нансена «Во мраке ночи и во льдах» служил мне настольной книгой. Капитан л/к «Г. Седов» Бадигин» /ед. 21/.*

Ледовый дрейф «Георгия Седова» продлился 812 дней. Судно прошло 3307 миль. Команда вела беспрецедентную схватку со стихией и выиграла ее. В том, что судно осталось цело и благополучно вернулось на Родину, немалую роль сыграли мужество и выучка экипажа. Все члены команды получили высокое звание Героев Советского Союза. В конце

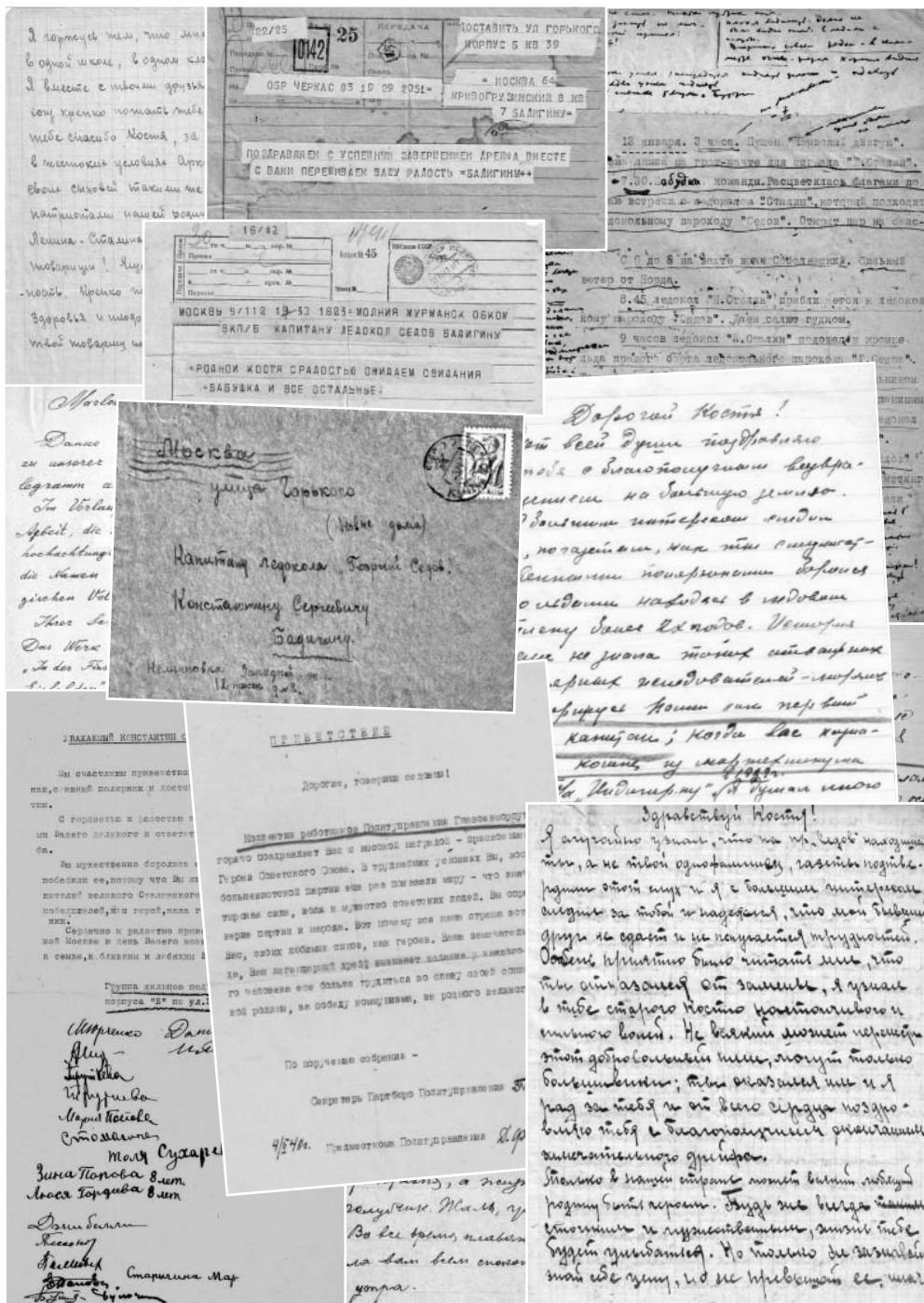
Фотографии из личного фонда К.С. Бадигина

30-х годов мало кому в стране не было известно имя человека, возглавившего маленький, но мужественный экипаж ледокольного парохода «Седов». *Архивная подборка 40-го года из газетных вырезок о дрейфе на 30 лл. /фонд 17, ед. 44/* иллюстрирует огромный интерес и беспокойство советских людей судьбой корабля и экипажа. Когда в январе 1940 года герои вернулись из ледового плена, страна встречала их восторженно, с оркестрами. *Документальный архив писателя содержит множество писем, телеграмм с приветствиями и поздравлениями родственников, знакомых, сослуживцев с успешным окончанием дрейфа; приглашениями и просьбами о встрече с коллективами предприятий, например, с активом автозавода имени Сталина /ед. 38/, студентами МГУ /ед. 41/, работниками Политуправления Главсевморпути /ед. 37/ и другими. Есть среди них и письмо от 3 февраля 1940 года из Пензы от главного редактора газеты «Сталинское знамя» Васильева с просьбой передать пожелания в связи с первой годовщиной образования Пензенской области /ед. 42/. Особый интерес вызывает конверт, на котором написано: «Москва. Улица Горького. Новые дома. Бадигину» /ед. 22/. И такая корреспонденция доходила до адресата, настолько знамениты в те дни были эти люди. По горячим следам события создавались спектакли. В нашем архиве хранится письмо (1940 г.) от коллектива театра юного зрителя в Москве с просьбой посетить спектакль «Седов» /ед. 40/.*

Конечно, многие телеграммы и письма полны партийными лозунгами и газетными штампами, изобилующими в то время, но всё-таки искренней радости и уважения к подвигу в них больше.

О том, как велико было восхищение людей мужеством полярников, свидетельствует письмо одноклассницы Бадигина В. Потаповой: *«Я горжусь тем, что мне довелось учиться с тобой в одной школе, в одном классе, за одной партией! Я вместе с твоими друзьями, вместе со всей страной хочу крепко пожать тебе руку и сказать: «Большое тебе спасибо, Костя, за твою героическую работу в жесточайших условиях Арктики. Я постараюсь воспитать своих сыновей такими же бесстрашными, мужественными патриотами нашей родины, преданными делу нашей партии Ленина-Сталина, как ты и твои замечательные товарищи» /ед. 32/.*

Кроме высокой награды, «седовцы» получили и денежное вознаграждение в размере 25 тысяч рублей (в те годы огромная сумма). В связи с этим интересно одно письмо в архиве писателя. В нем Л. Тусеева обращается к Бадигину с просьбой помочь ей материально: *«Тов. Бадигин! Я применяю необыкновенный метод для выхода из моего крайне критического положения. Мне необходимы 400 рублей. Могу я просить у человека, имеющего возможность, одолжить мне эту сумму сроком на три-четыре месяца? Деньги мне нужны для уплаты задолженности за комнату, иначе выселят. Если бы я была одна, я бы «ох» не молвила, но у меня двое ребят и мать. Если захотите, то, конечно, выручите, для вас это не трудно, а я всю жизнь буду это помнить» /ед. 34/.* На письме пометки цветным

Документы и письма из личного фонда К.С. Бадигина

карандашом: «личное», «деньги». И, поскольку письмо было сохранено в домашних документах, думаем, что женщина получила помощь.

Интересны в архиве *рабочие материалы к книге «На корабле «Георгий Седов» через Ледовитый океан»*. На листе авторские правки рукою К. Бадигина, вклейки из газетных статей по теме /ед. 6/. Позднее книга вышла под заглавием *«Три зимовки во льдах Арктики»*. Эта книга и «Седовцы» рассказывали о героическом дрейфе «Седова», о стойкости и мужестве советских моряков, они неоднократно переиздавались и в свое время были включены Министерством просвещения РСФСР в перечень книг для обязательного чтения школьниками. Наши фонды располагают и *собраниями сочинений писателя, и отдельными историческими романами и повестями, рассчитанными в основном на юного читателя: «На затонувшем корабле», «Секрет государственной важности», «На морских дорогах», «Корсары Ивана Грозного», «Кораблекрушение у острова Надежды», «Ключи от заколдованного замка» и другими*. Многие из них посетители Литературного музея могут увидеть в экспозиции на рабочем столе писателя вместе с его личными вещами.

В фондах же хранятся машинописные листы этих произведений с авторскими рукописными правками, иллюстрирующими творческий процесс писателя /ед. 1—5/. Есть в архиве и главы из неустановленного произведения: глава 15 «Человек должен принести себя в жертву сверхчеловеку», глава 16 «Когда необходимо, смирись и жди» /ед. 5/. Эти машинописные листы с авторской правкой ещё ждут своего исследователя.

Капитанский мостик Бадигин покинул лишь в 1969 году, проплавав свыше сорока лет, из них 31 год — капитаном судна. Конечно, биография сказалась и на выборе им своей темы, и на глубокой любви к студёным морям.

С 1954 года К.С. Бадигин — член Союза писателей СССР. Вместе с Леонидом Сергеевичем Соболевым создал комиссию по морской художественной литературе Союза писателей СССР. И до последнего своего дыхания был ее бессменным председателем. Под его руководством комиссия за короткий срок стала авторитетным рабочим органом СП СССР, объединившим всех писателей-маринистов нашей страны. *В архиве К.С. Бадигина хранится личный бланк писателя, председателя комиссии по морской художественной литературе Союза писателей СССР /ед. 15/.*

К.С. Бадигин не забывал родной Пензы, неоднократно приезжал в 1949, 1953, 1968, 1977 гг., встречался с читателями на промышленных предприятиях, в учебных заведениях, библиотеках.

Писатель А.С. Некрасов, автор любимой многими детьми книги «Приключения капитана Врунгеля», близкий друг Константина Сергеевича Бадигина, написал о нём: «Он сумел заглянуть на пять тысяч метров в глубь полярного океана, на пять веков в глубь истории и в бездонные глубины сотен душ созданных им персонажей, которые ещё много десятилетий будут волновать читателей».

Лучше не скажешь.

Елена ЛОБАНКИНА

С ИМЕНЕМ БЕЛИНСКОГО

**К 125-летию
со дня основания
старейшей читальни Пензы**

Как часто, прогуливаясь по улицам родного города, мы задумываемся над тем, что помнят те или иные дома — старинные особнячки с колоннами и фронтонами в виде гребешков или старые сталинки? У одной из них, расположенной в самом центре города, весьма примечательная история. Причем совсем не связанная с архитектурой.

Улица Кирова, 69. Сердце Пензы. Этот дом не раз попадал в зарисовки пензенских художников и фотографов. Несмотря на то что слева и справа от него расположены два его брата-близнеца, только к этой пятиэтажке спешат читатели из самых разных районов города.

Именно здесь с 1959 года находится Центральная городская библиотека им. В.Г. Белинского, которой в этом году исполнится 125 лет.

«Хорошая книга всегда обращена в будущее, даже если она написана в прошлом», — писал Валентин Борисов, автор более двух тысяч афоризмов и крылатых выражений. В случае с пензенской Белинкой так и есть. За свою историю она четыре раза меняла свое местоположение.

БЕЛИНКА: МАРШРУТ В 125 ЛЕТ

Первая глава в её летописи была написана в 1893 году. Именно тогда в Пензу поступило предложение Санкт-Петербургского комитета грамотности об открытии в городе народной читальни. А через два года «Пензенские губернские ведомости» сообщили, что *«скромное торжество открытия первой в Пензе бесплатной народной библиотеки-читальни, организуемой обществом библиотеки имени М.Ю. Лермонтова, состоялось на Сенной площади в доме Журавлева 5 ноября 1895 года»*.

«Росток — слабый и малый пока посажен, но все мы будем с живой любовью следить за его развитием», — сказал на открытии библиотеки известный в то время в культурно-научной городской среде Константин Евграфов, врач и меценат. Именно он и его брат стояли у истоков основания народной читальни, которая за более чем вековую историю превратилась в современную публичную библиотеку.

На торжественном открытии 125 лет назад присутствовали не только члены правления Лермонтовского общества, но и начальник губернии Петр Дмитриевич Святополк-Мирский, а также лица, «сочувствующие открытию этого нового учреждения». Молебствие совершили ректор духовной семинарии Пётр Алексеевич Позднев и священник Рождественской церкви о. Архангельский.

Из архивных записей следует, что библиотека начала свою работу с комплектом свыше пятисот книг, затем фонд увеличился до двух тысяч экземпляров. Долгое время народная читальня существовала на средства пензенских меценатов, в число которых входили представители научной элиты, владельцы мануфактур и фабрик, интеллигенция, купцы.

Для большинства благотворителей XIX века пожертвования были практически образом жизни, чертой характера. На свою деятельность они смотрели как на выполнение задачи или своего рода миссию, возложенную на них свыше. Все эти люди были истинными созидателями, которые заботились о том, чтобы культурные ценности были доступны широким слоям общества. И этой ценностью на рубеже веков, безусловно, стала книга.

Читальня была открыта для всех. Богословие, научная и художественная литература, право и закон, сельское хозяйство, светские и детские журналы — разнообразие изданий не уступало современному. В отчетах библиотеки можно найти имена тех, кто бескорыстно помогал ей: М.М. Пушкин, П.В. Сергеев, В.В. Еропкин и С.П. Белоярцев.

Известно, что век назад пензенцы зачитывались произведениями классиков — Л. Толстого, И. Тургенева, Ж. Верна, М. Рида.

Каким-то чудом удалось библиотеке выжить в эпоху войн и революций. Согласно её паспорту, в 1936 году фонд библиотеки составлял свыше 8 тысяч книг, а число читателей было свыше двух с половиной тысяч человек.

О работе библиотеки им. В.Г. Белинского в сороковые почти не сохранилось упоминаний. Но известно, что в начале войны из-за недостатка средств библиотеку было решено закрыть, но по настойчивой просьбе читателей этого не сделали, хотя большинство сотрудников ушли на фронт. Библиотека продолжала работать, выдавая книги в передвижных пунктах.

Послевоенные годы отметились в летописи Белинки как настоящая эпоха Возрождения. В 1948 году читальня к 100-летию со дня смерти В.Г. Белинского была переведена в новое здание на ул. Московской, 75,

где «прожила» почти 10 лет. Шестидесятые, время «физиков и лириков», для библиотеки стали по-настоящему «золотыми» — в 1963 году она получила статус Центральной, а перед дверьми в читальный зал выстраивалась длинная очередь посетителей задолго до его открытия.

Особенно тяжелым временем для Белинки были 90-е. Книг катастрофически не хватало — даже в кризис пока еще «самая читающая страна» в мире продолжала учиться, изучать новые законы, постигать искусство кройки и шитья по страницам «Бурды», читатели «осаждали» библиотеки с самого утра. До эры Интернета было еще далеко, а рефераты школьникам и студентам требовались незамедлительно, равно как и свежие газеты пенсионерам, а домохозяйкам — журналы. Денег на покупку изданий не было ни у первых, ни у вторых, ни у третьих... Это было время ксерокопий и больших перемен.

Чтобы соответствовать запросам современных читателей, требовалось значительное обновление, в том числе и интерьеров. И Белинка вспомнила своё прошлое — в начале 20 века при ней работал магазин канцтоваров, средства от продажи которых шли на покупку книг и ремонт. Решили повторить практику. Так библиотека научилась зарабатывать. Ей было для кого стараться: читатели для неё как дети — любимые и родные. Сейчас её не узнать. Внутри — красиво и уютно, здесь горожане с пользой и комфортом могут провести время всей семьей. Особенно в выходные. Только снаружи библиотека осталась скромной — носит светло-зеленое платье с темно-зелеными лацканами вывесок читальных залов на первом этаже величественной сталинки. Наверное, сказывается её «происхождение» — народное должно оставаться простым и доступным. Так и живёт. Несмотря на солидный для «дам» возраст, гостей встречает часто, и всегда с радостью.

ЧИТАЛЬНЯ СЕГОДНЯ. НОВАЯ ВЕРСИЯ

С 2015 года в библиотеке активно развивается программно-проектная работа, именно здесь рождаются интересные начинания для горожан разных возрастов. Наиболее известные из них: «Литературный привал» (*многофункциональная библиотека под открытым небом. Проект — обладатель наград и премий международного и всероссийского уровня*); «Доброе чтение» (*сеть развивающих литературных студий для детей и родителей. Начинание пензенских библиотекарей также имеет ряд различных наград*); «Я — гражданин. Моё Отечество» (*проект посвящен патриотическому воспитанию детей и молодежи*); «Третий возраст: ресурсы провинции» (*программа социальной реабилитации и организации творческого досуга для людей пожилого возраста*).

Стоит отметить, что, сохраняя миссию народной читальни, Белинка продолжает радовать своих читателей светом просвещения и чутко прислушиваться к их запросам. В 2020 году, когда весь мир охватила пандемия, в ЦГПБ им. В.Г. Белинского был разработан проект «Библионяня

онлайн. Живые сказки», в рамках которого библиотекари читали детям самые лучшие и добрые сказки. Начинание было поддержано грантом от Благотворительного фонда Владимира Потанина. В настоящее время библиотекари продолжают работать над проектами, которые будут радовать пензяков, искренне любящих книги и чтение.

НЕИСТОВЫЙ И ПРЕКРАСНЫЙ

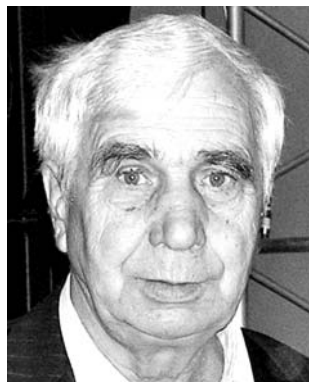
Что касается сохранения наследия классика, имя которого носит библиотека, то в веке двадцать первом книжные люди стараются делать это с использованием новых форм работы и современных цифровых сервисов.

Так, к 207-летию со дня рождения знаменитого литературного и театрального критика, в 2018 году, в ЦГПБ им. В.Г. Белинского был организован театрализованный квест «Неистовый Виссарион: тайные дневники» — интеллектуальная игра включала 6 станций, каждая из которых была посвящена жизни и научным трудам писателя. В игре, которая длилась более 2 часов, приняли участие пензенские школьники и студенты. Стоит отметить, что последние три года ежегодная Неделя Белинского, которая проходит в конце мая — начале июня, включает в свою программу интерактивные игры и познавательный литературный продукт для подростков. К 125-летию Белинского сотрудники читального зала для взрослых разработали игру по Instagram аккаунту мыслителя. Таким образом библиотекари решили привлечь внимание подростков к его биографии и самым известным трудам. Кроме того, библиотекари постоянно принимают участие в конференциях и мероприятиях, посвященных наследию В.Г. Белинского, занимаются сбором информации о его жизни, взглядах, критических произведениях.

— *Нести сквозь время имя Белинского — почетная миссия, —* отмечает Галина Леонидовна Асеева, директор МБУ «ЦБС города Пензы». — *Белинка всегда была доступной для всех, просвещала, несла свет живого слова в каждый дом... Со временем из народной читальни она превратилась в публичную библиотеку. Современную, живую и вместе с тем уютную и необычайно добрую. При этом наше внимание приковано к тому, чтобы продвигать великую классическую русскую литературу, которой по сей день восхищается весь мир.*

Вот такая история дома по улице Кирова, 69.

Иосиф Бродский однажды написал: «Свобода существует затем, чтобы ходить в библиотеку». И, наверное, всё-таки в такую, как пензенская Белинка, двери которой всегда были открыты для горожан, даже в самые тяжелые времена...

Эдуард АНАШКИН**«ВЫШЕЛ
И БРОСИЛ
СТИХИ
НА ДОРОГУ...»****О новой книге
Евгения Семичева**

Понять отличие настоящей литературы от множества подделок под нее помогает знаменитое высказывание великого прозаика Валентина Григорьевича Распутина. Фраза из его повести «Уроки французского»: *«Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком»*. В этой фразе — волшебный ключ к разгадке тайны выдающихся словотворцев. И в частности, тайны таланта поэта вольной матушки-Волги — Евгения Семичева. Несмотря на свое длительное пребывание в поэзии, он всегда остается нов, актуален и не перестает удивлять читателя.

А ведь высказывание Валентина Распутина созвучно библейскому «Будьте как дети», а также народной пословице: «Устами младенца глаголет истина». Обратите внимание, что народная мудрость говорит не о ребенке, а именно о младенце, который и говорить-то не умеет, но тем не менее именно он несет миру ту истину, которая бессловесна. Истина всегда молода, и неважно, сколько ей лет, она сохраняет первозданность изначалья, что так важно для поэзии. Ведь поэты призваны вернуть словам изначальные смыслы, скрытые под спудом наслоения эпох.

Творчество Евгения Семичева давно признано явлением гражданской и патриотической поэзии. Говоря об этом качестве творчества Семичева, мы как-то выпускаем из виду, что его поэзия, помимо эпичности и гражданственности, несет в себе то, что следует определить как детская и евангельская чистота.

И вот Народная библиотека Самарской губернии, осуществляемая издательством «Русское эхо» и руководителем Самарской областной писательской организации Союза писателей России, сделала читателям прекрасный подарок — в самый разгар июльской жары вышла книга избранных стихотворений Евгения Семичева «Лети, мой блистательный

снеже...». Отличный повод увидеть творчество давно известного поэта по-новому! К сожалению, я пока прочел эту книгу только по электронной почте, в руках ее подержать пока не довелось. Но надеюсь, что мою домашнюю библиотеку она все-таки пополнит и займет достойное место в одном ряду с лучшими изданиями современной литературы.

«Вышел и бросил стихи на дорогу. // Видно, пришёл их черед. // Или же чёрт на ходу сломит ногу, // Или же Бог подберёт. // Бог не торопится. Чёрт догоняет. // Всё же решился настичь. // Глазки прищурил, лукаво пеняет: // «Вы обронили кирпич. // Ежели так станет, походя, каждый // Всякий разбрасывать хлам... // А уверяли доверчивых граждан, // Что строить будете храм». // Господи! Что он ко мне привязался? // Я никогда не любил // Этих досужих, премудрых мерзавцев — // Парнокопытных дебил. // Боже, избави от этого срама. // Всем, чем могу, услужу. // В стену небесного вечного храма // Скромно кирпич возложу. // Пусть он в сверкающей кладке лучистой // Грозной восстанет стеной // Против пронирующей силы нечистой, // Этот кирпич именной».

Из «именных кирпичей» Валентина Распутина, Михаила Алексеева, Владимира Крупина, Евгения Семичева и других выдающихся писателей состоит моя «литературная стена»! И «кирпичи»-то все с автографами! Сказать бы, что эксклюзивные, да не хочу этим иностранным словом марать книги, ставшие ярчайшим воплощением национального духа России. Во время жизненных испытаний опираюсь на эту «литературную стену», считая ее самой надежной духовной опорой. Чем уникальны эти «кирпичи»? А тем, что их даже можно не подписывать: так угадывается почерк авторов!

Еще со времен Крещения Руси идет традиция строить храмы и монастыри миром-собором. Шанс стать частью охранной стены есть у каждого, возложив свой именной кирпич в строительство храма под названием «Россия и Русская литература». Был бы талант и желание воплотить его в не подвластные времени произведения. Зачтется сия жертва на небесах. Святой Праведный Иоанн Кронштадский писал, что участнику строительства храма Господь прощает многие грехи. Безгрешных нас просто нет на земле. Но далеко не все оставляют после себя именные кирпичи, которые защищают духовное поле своего народа...

«Собирайте себе сокровища на небесах, а не на земле, где его точит ржа и воры делают подкопы и расхищают», — сказано в Евангелии. Именной «кирпич» писателя — взнос в будущее России, неподвластный никаким инфляциям и экономическим катаклизмам. А «проценты» на этот несгораемый капитал — крепость Отечества и восхищенная благодарность читателей настоящего и будущего. Вспомним Тютчева:

«Они кричат, они грозятся: // «Вот к стенке мы славян прижмем!» // Но как бы им не оборваться // В задорном натиске своем! // Да, стенка есть — стена большая — // И вас нетрудно к ней прижать. // Да пользато для них какая? // Вот, вот что трудно угадать... // ... Стоит она,

как и стояла, // Твердыней смотрит боевой: // Она не то чтоб угрожала, // НО... каждый камень в ней живой...»

Живые «именные кирпичи» русской литературы... Лучистые от заложенного в них света истины.

«Месяц плывёт молодой // Мимо окошка доверчиво... // Каждая лужа звездой // Высшей небесной увенчана. // Каждый земной водоём // Орденом высшим пожалован. // Сколько брильянтов на нём — // Бог сыпанул — не пожадował. // В наших краях и чужих // Видел картину я схожую. // Щедрость правительств земных // Меркнет пред милостью Божью. // Реки, деревья, поля, // Не пропадем мы в безвестии. // Наша планета Земля // В Божие входит созвездие. // Где бы я ни был — везде // Жизнь принимаю с отрадою: // К Божьей представлен звезде, // Высшей отмечен наградою».

К Божьей Вифлиемской звезде уже две с лишним тысячи лет представлена Россия, многострадальная и многотерпеливая, словно многодетная мать. Неслучайно самые лучшие и пронзительные произведения русских писателей созданы о них, о женщинах. Такие разные — Наташа Ростова и Сонечка Мармеладова, Анна Каренина и Татьяна Ларина, шолоховские Наталья и Аксинья, распутинская Настена и семичевская Фрося... Все они, такие разные и с непростыми судьбами, воплотились в современность. И, как и во все времена, живут заветами Веры, Надежды и, конечно, Любви:

«Она возьмёт гармонию, и в клубе сразу // Танцорши разбегутся по углам. // Она умеет так играть, зараза, // Что грудь трещит от песни — пополам! // И бабы просят, бабы тихо просят: // «А ну-ка, Фрося, выдай подюжей!..» // И, развернув меха, поёт им Фрося // Про их, сейчас воюющих, мужей. // И бабы плачут. Бабы горько плачут, // Хотя и песня эта о любви. // И в фартуки залатанные прячут // Мозолистые рученьки свои».

Меняются столетия, эпохи, правители, а русская женщина продолжает своим терпением и мудростью держать русский и славянский мир, балансирующий на краю гибели. Тайнственная миссия удерживающего дана нашим женщинам! Творчество Семичева отмечено рядом поистине шедевральных стихотворений-покаяний перед нашими женщинами, которые платят своими искалеченными судьбами за недальновидность и беспечность мужскую. И вызывают непобедимое желание помочь даже самой незнакомой незнакомке, видя в ней мать или сестру. Поневоле позавидуешь пилоту: чтобы сделать приятное переволновавшейся бабушке, он готов заботиться даже о ее козе:

«Самолёт мой, кукурузник, — // Мой небесный тарантас. // Почту сельскую погрузит, // А потом посадит нас. // Все уселись. Все на месте. // Бабка с рыжею козой // Животину трижды крестит, // Окропив её слезой. // Командир — пилот бесстрашный, // С дерзким взором молодца // Говорит: «Не плачь, мамаша, // Всех доставлю до крыльца». // Бабка крестится и плачет. // Самолётик тарахтит. // Как кузнечик он проскачет // И по небу полетит. // Улыбаясь, молча млеет // На борту народ живой. // А коза от счастья блеет // И качает головой. // До деревни нашей лёту // Ровно

сорок пять минут. // Благодарные пилоту // Пассажиры руку жмут // За бесстрашие и сноровку, // За удачный перелёт. // А пилот козе морковку // Из планшета достаёт. // Бабка старая смеётся // И беззубый крестит рот. // Над страной нашей солнце // Незакатное встаёт».

Наше незакатное — от Калининграда до Владивостока — солнце по-прежнему согревает и освещает наши души, чтобы мы не погибли от удушья! Страна наша в советское время была одной шестой части земли, а из-за всевозможных демократизаторов и оптимизаторов превратилась в осьмушку, потеряв многое из славного советского наследия. Потеряли мы и такую привычную ранее — сельскую — авиацию. Она не только обрабатывала поля от вредителей, но и помогала сельчанам за полчаса-час добраться из глубинки в областной центр, куда сейчас порой и автобусы-то ходят через раз. Небольшие проворные труженики-самолеты сельской авиации, которые исправно и заботливо перевозили людей и почту, стали исчезать с небосвода в 1991 году, когда был уничтожен Советский Союз. Теперь не сельские самолеты-кукурузники, а бледный конь Апокалипсиса, закусивший удила, освоил небо над нашей страной... Не сегодня-завтра этот бледный конь грозит обернуться красным конем революции... Или вороным конем, на котором испокон веков русский народ был охоч прокатить недальновидное начальство:

«Потерял я белого коня // И свои заветные полцарства. // Не судите, девочки, меня // За мои беспутные мытарства. // У меня ещё есть красный конь // И вторая половина царства. // Красный конь — безжалостный огонь. // Значит — для маневра есть пространство. // А ещё в запасе черный конь. // Им по жизни хвастать не пристало. // Черный конь, немного охолонь! // Твое время просто не настало. // А пока мне песня по плечу // И за все про все одна расплата. // Я к своей любимой прилечу // На крыле багрового заката. // Привяжусь крылатого коня // И верну утраченное царство. // Не ругай, зазнобушка, меня // За мое загульное мытарство».

Поздравляю Евгения Семичева с его «именным кирпичом»... Помнится, в юности Валентин Распутин со товарищи хотел выстроить литературную «киркутскую стенку». Жизнь сложилась так, что Распутин выстроил литературную духовную стену всероссийского размаха, заложив в нее «именные кирпичи» своей высокодуховной прозы. Эта стена встала на пути космополитов, защищая глубинную Россию. В этой стене немало «именных кирпичей» от других писателей России. Кирпичей, которые не имеют срока давности... И — как строили на Руси в старину — с годами становящихся лишь прочнее, будучи проверенными на прочность неласковыми эпохами...

«Будьте кротки, как голуби, и мудры, как змеи»... Говоря о таланте поэта-пророка, Пушкин не зря сказал про «жало мудрых змей» в своем программном и поистине библейском стихотворении. Когда в стихах небесная чистота и свет евангельской истины соединены с мудростью, вот тут стихи и начинают излучать тот высокий свет поэзии, которым отмечено творчество одного из самых ярких поэтов современной России — певца вольной Волги Евгения Семичева.

Любовь МОСКОВЕНКО

О ДОБРОМ — ЧЕСТНО

**По прочтении новой книги
Эдуарда Анашкина**

Держу в руках «Честную книгу» Эдуарда Анашкина и ловлю себя на мысли о притягательности первой страницы обложки. Романтично смотреть на ней и старинная ложечка, и письменный набор — чернильница с гусиным пером, и чай в стакане с подстаканником, и книги, а на дальнем плане в призрачном свете — кромка леса. Между ними горящая свеча, огонёк которой в круглой ауре напоминает полную луну...

Название заставляет задуматься: почему честная? Вроде понятно, о чём: документальная повесть о дружбе с писателем и литературоведческие очерки и статьи. Что хочет сказать автор, дав такое название?..

Книгу переворачиваю и вижу на обратной странице обложки фото и краткую биографию автора. Сибиряк, родился в Читинской области, в 1946-м послевоенном году. Отмечаю его желание учиться. Это важное качество на пути самосовершенствования. Брался за любую работу. Начинал рабочим, стал учителем в школе, а затем заведующим отделом сельской районной газеты. Но в итоге затянула литературная стезя. Вступил в Союз писателей России. Жизненные испытания и полученный опыт легли в основу рассказов и повестей. Интерес к творчеству других вылился в литературоведческие очерки и статьи. Публиковался во многих газетах и журналах, выпустил несколько книг. И вот — новая, нынешнего года издания.

Вот так, в нескольких строчках, изложена целая жизнь писателя, а что конкретно стоит за пройденными годами?

Отсчёт своего становления и многих, одновременно с ним начинавших, а ныне известных писателей Эдуард Константинович ведёт с читинского семинара, состоявшегося в 1965 году. Именно с того судьбоносного поворота молодые писатели стремительно и уверенно входили в литературу. Среди них был и Валентин Григорьевич Распутин.

Ненавязчиво, бережно и аккуратно Эдуард Константинович ведёт нить повествования от первой встречи с Распутиным до его последних дней, рассказывая при этом и о судьбе других писателей — как известных до семинара, так и получивших надёжную поддержку и путёвку в жизнь тогда, более полувека назад. «Надо принимать во внимание то, что значит для молодого писателя подобный семинар и оценка маститых словотворцев. Это таинство обретения своей творческой самобытности, по сути, таинство рождения писателя», — пишет Анашкин (с. 27).

По воле судьбы начинающий прозаик навсегда переехал в Поволжье, но не переставал «пристально следить за творчеством писателей-сибиряков», встреченных в Чите: Валентина Распутина, Вячеслава Шугаева, Александра Вампилова, Геннадия Машкина... «Как читатель-читинец и как земляк-сибиряк радовался их творческим победам» (с. 28 — 29).

На памятном семинаре приглашённый в качестве гостя Эдуард Анашкин попросил Распутина подарить книгу. На что Валентин Григорьевич «как-то по-детски улыбнулся: «Пока не могу. Вот выйдет книга — тогда и подарю с радостью...». «Так состоялось моё знакомство с будущим классиком отечественной литературы», — вспоминает автор документальной повести (с. 16). И Распутин выполнил своё обещание, данное на центральной площади Читы, — подарил Анашкину книгу, и не одну, с дарственными подписями. А к одной из книг, «Запрягу судьбу я в санки», написал предисловие под названием «На добро — добром». «Наши с Распутиным добрые отношения, собственно, имеют своим истоком ту нашу первую встречу в Чите уже более полувека назад», — считает Анашкин (с. 35 — 36).

Все эти годы Эдуард Константинович вёл дневник, вписывая в него всё важное и интересное в литературном мире, связанное с Распутиным, собирал газетные и журнальные статьи, сберегая подаренные писателем книги, диктофонные записи разговоров. В 2013 году, в Иркутске, на Днях русской духовности и культуры «Сияние России» Валентин Григорьевич спросил Анашкина, почему он интересуется его творчеством. Эдуард Константинович признался, что хочет написать о нём. В ответ Валентин Григорьевич тихо рассмеялся и пожал Анашкину руку со словами: «Благословляю тебя на это. У тебя получится. Главное, книга будет честная» (с. 97).

И вот книга вышла. В ней рассказано о дружбе двух писателей и ещё много о чём. Сбор материала сблизил автора с родственниками знаменитого писателя по его линии и линии жены, Светланы Ивановны. Их воспоминания, фотографии помогают узнать, каким был Валентин Григорьевич в кругу семьи, как относился к друзьям, коллегам по перу, о трагических событиях в его жизни. Всё это подтверждено фактами, вызывает доверие и глубокую благодарность автору «Честной книги» за сохранение памяти о великом писателе, нашем современнике, запечатлевшем историю и события, участником и свидетелем которых он был.

Вторая часть «Честной книги» посвящена прозаикам и поэтам, привнёсшим в литературу своё видение мироустройства, отношений, чувств. Следует отметить, что у Эдуарда Константиновича особое чутьё на талантливых людей. Как-то по-особенному, искренне и душевно рассказывает автор «Честной книги» об их творчестве, жизненном пути. Это же отметил и прозаик Николай Иванов в автографе на своей книге «Тот, кто стреляет первым» (2017): «Моему собрату по творчеству — Эдуарду Анашкину, обладающему внутренним зрением и способному за строчками увидеть автора. С поклонением, Н. Иванов» (с. 244).

Ещё одна особенность — географическая широта охвата. Среди тех, кто привлёк внимание Анашкина-читателя, — представители Поволжья, Западной и Восточной Сибири, Забайкалья. Есть и москвичи, но преобладают среди них выходцы из российской глубинки, не расставшиеся в творчестве со своими сельскими местами, болеющие за их судьбу.

Имена выстроены по алфавиту, и вот совпадение: первое слово обращено к Светлане Бьюгиной, детской писательнице. Тема детства очень близка Эдуарду Анашкину! Недаром название его очерка «В сторону доброты» перекликается с названием уже упомянутого предисловия Распутина к книге самого автора — «На добро — добром». Без доброго чувства писать о детях невозможно. И потому неслучайно Анашкин упоминает самый болевой эпизод из рассказа Бьюгиной «Папа не пил» («Волшебное словечко», 2019) — когда мама допытывается у маленькой дочки, вернувшейся из магазина с отцом, выпивал ли он с друзьями. Девочка очень любит своего отца и только что увидела его фронтовых друзей, инвалидов, и потому встала перед выбором. «Сказать правду о папе — значит фактически предать папу. А не сказать правду — значит обмануть маму. Ребёнку приходится делать выбор даже не между добром и злом... а между большим и меньшим злом», — пишет Анашкин. Понимая терзания девочки, так и не выдавшей отца, он принимает её сторону (с. 231).

Очерк о прозаике Николае Иванове «Жизнь без наркоза» начинается со слов: «Есть писатели, чья биография захватывает читателя не меньше, чем произведения. Потому что их произведения есть не только предмет литературы, но — продолжение авторской судьбы» (с. 240). Эта мысль продолжается и дальше, где автор говорит, что военная проза Иванова «помимо её художественных достоинств, ещё и документ эпохи. Ведь она существует в очень редком жанре — где за художественностью угадывается документальная конкретика» (с. 240). И эта конкретика пронзительна, как в новелле «Золотистый, золотой». Звучит и мнение самого писателя Иванова о том, как изображать войну. Будучи руководителем совещания молодых военных прозаиков, он доказывал: война — не только кровь и стрельба. «Правда войны — это и когда воробей прыгает по колючей проволоке. Когда по крыше землянки бежит ручей...» (с. 245).

Много внимания уделено Станиславу Куняеву, и по причине вполне понятной. Это одна из самых значимых фигур нашего времени — как пи-

сатель и как главный редактор журнала «Наш современник». Но Анашкин больше останавливается на его поэзии, считая, что «поэт Станислав Куняев порою незаслуженно попадает в тень публициста Станислава Куняева» (с. 271). Цитируя строфы из разных лет, он убеждает: в книге избранного «Сквозь слёзы на глазах» стихи Куняева не потеряли свежести. Особенно — о трагической судьбе России. И даёт своё объяснение: «...Автора этих стихов... наверное, не может это не радовать. Но как гражданин и публицист он наверняка испытывает горечь. Раз стихи в защиту России не просто не устарели, но актуализировались, значит, Россия по-прежнему в беде. Разве «страшилки» для русского человека сверху поменяли. Раньше пугали: «Лишь бы не было войны». Сегодня пугают: «Лишь бы не вернулись лихие девяностые» (с. 273 — 274).

Чем дальше читаю, тем больше замечаю: очерки и статьи Эдуарда Анашкина пишутся в свободной форме, переплетаясь с воспоминаниями (не зря он иногда их называет эссе), и это говорит о личном отношении к тем, о ком он рассказывает. И оно, отношение, искреннее и душевное. Действительно, каждый ему знаком как человек, и человек хороший.

В небольшой, но ёмкой статье об известном русском писателе Владимире Крупине чуткий взгляд автора выхватывает такую деталь: Крупин из тех, кто может отказаться от литературной премии, если это препятствует его убеждениям. В творческой биографии поэта Николая Коновского отмечает, что «такое явление, когда поэт ушёл в тень своих стихов — редкость», в отличие от тех, кто любит «всюду говорить о себе» (с. 260).

За некоторыми названиями сразу угадывается содержание: «Через тайгу к человеку» (об Анатолии Кандаурове), «Верность маленькому человеку» (об Иване Никульшине), «О русской глубинке замолвила слово» (о Елене Чубенко). Проза этих писателей — о простых людях. Но автор книги ни простыми, ни маленькими их не считает: «Да и какой он, собственно, маленький — человек, являющийся плоть от плоти, кровь от крови народа?.. Его душа — огромная вселенная. И писатели, которые по природе своей... также плоть от плоти своего народа, от этой темы никуда уйти не могли» (с. 286).

Многие поэты, ставшие героями книги Эдуарда Анашкина, удивляют тем, что не расстались с такими же важными, как литература, занятиями, то есть не изменили прежней профессии. Делается понятно, почему строчки из цитированных стихов вызвали моё доверие: они подпитаны самой жизнью. Среди тех, кого имею в виду, — талантливый актёр и автор-исполнитель стихов-песен Михаил Ножкин; хирург-кардиолог Виктор Поляков, чьё имя присвоено Самарскому кардиологическому диспансеру; журналист, кандидат политических наук Александр Новопашин; служитель культа протоиерей Сергей Гусельников.

Задержусь на имени последнего. В очерке «Отблеск любви изначальной...» удивилась, прочитав: «...Будучи умудрённым священнос-

лужителем и достаточно известным поэтом, отец Сергей сохранил в себе ту детскую чистоту и ощущение своего изначального человеческого несовершенства, которые помогают ему сохранить исповедальность и покаянность в стихотворениях, не впадая в страсть обличительства и избыточной назидательности». И здесь же, ниже, строчка, которая подтвердила сказанное и обнадёжила: «...И я иду, и падаю в пути, // но мне легко терпеть любую муку. // Теперь я не один, теперь смогу дойти — // ведь рядом Тот, Кто подаёт мне руку!» (с. 236).

Вообще все подобранные цитаты не расходятся с оценками автора, и потому возникает желание найти и прочитать книги тех, с чьим творчеством познакомилась впервые.

Но вернусь к землякам-сибирякам Эдуарда Анашкина. На Днях «Сияния России» 2013 года Эдуард Константинович познакомился с иркутскими писателями. С той поры со многими перезванивается, интересуется, как идут литературные дела. В результате в журналах «Сибирь», «Наш современник», «Подъём», на сайтах Интернета появились его статьи о прозаиках Александре Донских, Юрии Баранове, Александре Лаптеве, поэтах Владимире Скифе, Михаиле Трофимове и других.

Не обошёл Эдуард Константинович вниманием и недавно вышедшую книгу критики и публицистики Валентины Семеновой «Под небом родным и тревожным» («Вече», 2019) — статью «Тревога о родном» включил в свою «Честную книгу». Давая одобрительный отзыв очеркам как об известных всему миру Распутине и Вампилове, так и о других талантливых писателях Восточной Сибири — Альберте Гурулёве, Валерии Нефедьеве, Анатолии Горбунове, — он говорит о том, как «органично вписана распутинская тема в тему сибирской литературы, не подминая её под себя, а высвечивая лучшее», и «всё, что написано, не плод досужих размышлений, но собственный опыт участия в событиях» (с. 327, 329).

В статье о Сергее Котьяло «Без срока давности» писатель и критик-эссеист выразил одно из своих воззрений на творчество: «Писателем настоящему может быть лишь тот, кто любит литературу в себе, а не себя в литературе». Эти слова относятся не только к прозаику, которого он называет «большим тружеником литературы» и высоко оценивает его правдолюбие в военных очерках, — они относятся и к самому Эдуарду Константиновичу. Он пишет о тех, кто придерживается того же. Кто несёт в сердце огромное сочувствие к судьбе своего народа, кто считает честное свидетельство о времени, событиях, людях главной задачей писателя.

Вот почему его книга получилась цельной, живой, будто наполненной теплом дружеской беседы. И читается она легко и с благодарностью.

Дарья ВЕРЯСОВА**А В НЕБЕ
ЛЕТИТ
ГАГАРИН****Стихи****АПРЕЛЬ****1**

Ты — оттепель. Ты сходишь, не спросив,
На волосы, на сгорбленные спины,
На тишину, на клёны и осины.
И потому-то светел и красив.
И монолит сугробов поборов,
Ты прорастаешь — яростный и грешный —
Крапивным жаром, запахом черешни,
Бессмертием мальчишеских дворов.
И катится вода, хрусталь, алмаз,
И солнце широко и полногрудо.
Душа моя, не жди беды, покуда
Апрель зеленоглаз!

2

С ума сойти, но не понять,
Зачем, Апрель, ты на меня
Такой похожий?
Зачем так залихватски зол,
Зачем ты пахнешь бирюзой
И нервной дрожью?
Рассвет на всех углах трубит,
Как истины твои грубы
И непреложны.

Мне дышится едва ль на треть,
Мне снова не с кем умереть
В один и тот же.

3

Я тебя жду, как большого добра,
Жду, как прерванная игра
Ждёт во дворе детей,
Жду, как пустая перчатка — руки,
Как артритные старики —
«Чтоб, наконец, теплей».
Так безотчётно расплаты ждут:
Бедный — денег, богач — нужду,
Шабаша — тишина.
Время колечками вверх, как дым.
Ждёт холодной воды кадык,
И забулдыгу — жена.
Как безмятежности до утра,
Как известий с рукой у рта,
Чтоб отвести беду.
Солнца мясистого, как хурма...

Чёртов Апрель, не своди с ума!
Я и сама сойду.

РОДИНА

1

...И мать моя, хабалка, бабий шик,
Погрызла в телесах своих больших.
Теперь воруй, разменивай, круши!
Я здесь стою, а больше — ни души.
...И мать моя: мелисса и полынь,
Зелёный клоп, щелястые полы,
Калеки-куклы, вой собак по ним
И вермишель с блинами на помин.
...И мать моя, глядящая с крыльца
Таким лицом, как будто нет лица.

2

Мы кутерьму с кутьёй перемешали,
Мы скопом угодили в переплёт.
Вот правда наша — гнусная, большая:
Страна нам — горб, страна — беззубый рот.

Куда бежать, в какие царства деться,
Когда сама — и дармояд, и плут...
Моей страны обманутое детство
Когда-нибудь эпохой назовут.

ГАГАРИН

Маме

Мне снится предельно ясно,
я будто всю жизнь в угаре:
над миром летит Гагарин,
распластанный, будто ястреб,
теряя болты и гайки,
дымный чертя след.
А мама зовётся Галкой,
ей одиннадцать лет.
Серым туманом испачканы
апрельские небеса.
У мамы тонкие пальчики
и чёлочка на глаза.
Мама растит косы
и сочинения пишет,
а мир, по-детски притихший,
установился в чёрный космос.
И маме под утро снится,
что воздух пропитан гарью,
а в небе летит Гагарин,
как перелётная птица.

* * *

Мне каждый день даётся тем трудней,
Что в жизни — от макушки до корней —
Я проросла бессмысленно и криво.
Но видит бог: не злы мои дела,
Что там, внутри, где музыка плыла,
Всё тишина — как плесенью — покрыла.

И оттого ли, что она — во мне,
Я знаю: мне придётся онеметь,
Когда себя, как книгу, пролистаю,
Но всякой рыбе бог раскроет рот,
Но над землёю музыка взойдёт —
Серебряная, жгучая, простая!

Михаил КИРИЛЛОВ

**ПОЙМАЙ МНЕ
МАЙСКОГО
ЖУКА**

Стихи

МАЙСКИЙ ВЕТЕР

Свежий теплый майский ветер
Вчера меня на даче встретил,
Слегка руки моей коснулся
И дружелюбно улыбнулся,
Открыл, как ящерица прыткий,
Весьма услужливо калитку.
Его я вызвал на беседу:
— Как поживаешь, непоседа?
— Да ничего, живу пока,
Пугаю утром облака,
Ещё немного подрасту,
Гонять их буду за версту!..
Я попросил у ветерка:
— Поймай мне майского жука!
— О, нет! Известно всем вокруг,
Что майский жук — мой лучший друг!

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Сыну Герману

Просыпаюсь утром рано —
Небо в мутных тучах сплошь,
По задворкам неустанно
Куролесит летний дождь.

Голубей загнал под крышу,
Разогнал лихих стрижей,
Отдышался, стал потише,
Приустал от виражей,
Постучал ко мне в окошко
И сказал, сощутив глаз:
— Погуляй со мной немножко,
Хоть чуть-чуть, как в прошлый раз...

КОТЁНОК

У бездомного котенка
Голос жалобный и тонкий,
Очень грустные глаза,
В них — дрожащая слеза.
Я возьму его домой,
Был ничей, а станет... мой!

МУРАВЬИШКА

Муравьишка хоть и мал,
Но весною не дремал.
Он с друзьями-муравьями
Дом построил на поляне.
И не зря трещит сорока:
— Дом уютный! Дом высокий!
Дом красивый, как дворец!
Муравьишка — молодец!

СВЕРЧОК

В серьезном заведении,
Где климат жизни строг,
Вдруг всем на удивление
С утра запел сверчок.
С него напрасно взыскивать
— Ох, на язык остёр! —
Устал его разыскивать
Разгневанный вахтёр...
Ликует он, печалится
Который час подряд.
Сановные начальники
Натуженно молчат.

Одни в душе ругаются:
— Черт знает что! Сверчок!
Другие улыбаются:
«Приятный голосок!»
Кто в шутку, кто с обидою,
С блокнотами в руке,
Работники солидные
Судачат о сверчке.
Привыкнул к его пению
Все, даже те, кто строг,
В серьезном заведении
Пропишется сверчок.

ЛОСИ В ЗАРЕЧНОМ

Часто днём иль утром ранним
Могут видеть горожане
Средь толпы во всей красе
Горожан лесных — лосей.
По проспектам, площадям
Лоси прибывают к нам.
По-семейному, попарно
В город ходят регулярно,
За собой ведут лосят,
Видно, в Герб попасть хотят.
Лес — хоть и лосиный рай,
Им Заречный подавай!
Любят лоси город наш:
Так и просятся в пейзаж!

ЛЯГУШОНОК

Жил на свете лягушонок.
Грубияном рос с пеленок.
Не ответить на вопрос,
Почему таким он рос.
Папа, мама и братишки
Не справлялись с шалунишкой.
А пошел он в детский сад —
Там устроил сущий ад:
Воспитателей лягушек
Называть он стал «квакушки»,
Бросил желудь в медсестру,
Показал язык Бобру,

За усы тянул Соменка,
Передразнивал Утенка.
И хотя был очень мал,
Вдруг из дома убежал.
Прыг да скок — и вся забота,
Доскакал он до болота,
Где большие Цапли жили,
Звонко крикнул: «Простофили!
Длинноногие тетери,
Кто вы: птицы или звери?»
Но молчание в ответ.
— Уши есть у вас иль нет?
— Ты залезь на клюв сначала, —
Цапля старая сказала, —
А потом кричи сильнее,
Наверху слова слышней...
Прыг да скок — на клюв взобрался
И под небом оказался.
Грубиян собрал все силы,
Громко крикнул: «Простофили!»
Больше крикнуть не успел —
Цапле в горло полетел!

МОРСКИЕ ЗВЁЗДЫ (притча)

Всю ночь был шторм, взбесилось море,
Его, казалось, не унять,
Но день настал, и море вскоре
Лазурью начало сиять...
Старик, уставший от болезней,
Шёл тихо берегом в тот час.
И вдруг застыл он в изумленье,
Не отводя от чуда глаз.
Тот шторм, что был свирепым, грозным,
Коварство подтвердил опять:
На берегу оставил звёзды,
Морские звёзды — умирать.
Их было, беззащитных, много,
С утра лежавших на песке,
И жизнь в них теплилась немного,
Как в этом дряхлом старике.
Старик заплакал обречённо,
Молитву небу прочитал,

Потом увидел он мальчонку,
Который звёзды собирал.
Он нёс их бережно в ладошках
И отдавал морской волне.
Волна, как ласковая кошка,
Их оживляла в глубине.
Старик приблизился к подростку
И с огорченьем проронил:
— Всех не спасёшь, их много просто,
И у тебя не хватит сил.
Мальчишка молвил:
— Я, быть может,
Все звёзды не перенесу...
Но, призывая милость Божью,
Немного всё-таки спасу...
Старик в раздумье сел на камень
И, взвесив мудрость слов мальчика,
Сказал: «Ну что ж...», развёл руками,
Потом слезу смахнул с лица...
Над морем чайки ликовали,
Видал с небес Господень лик,
Как звёзды от беды спасали
Мальчонка и седой старик.

ПРО ЕЖА (притча)

Лиса увидела Ежа,
Заговорила не спеша:
— Тебя, дружок, который год
Уж парикмахерская ждет:
От моды чтобы не отстать,
Колючки надо все убрать!..
Лиса при этом ухмыльнулась...
Наш Еж послушался лисицу —
И в парикмахерскую — стричься.
Сова в ту пору пролетела,
Ежу сказала между делом:
— Соль приготовь, горчицу, милый,
Чтоб есть тебя вкуснее было!..
Еж понял всё, всплакнул с досады...
Не всем советам верить надо!

ОБ АВТОРАХ

АНАШКИН Эдуард Константинович. Родился в 1946 г. в г. Хилок Читинской области. С 1971 г. по 1976 г. учился на историко-филологическом факультете Ульяновского педагогического института им. Н.И. Ульянова. Печатался в центральных журналах: «Роман-журнал XXI век», «Сибирь», «Русское эхо», «Сура», «Наш современник», «Дон», «Гостиный двор». Автор сборника рассказов «Вовкин поцелуй», сборника рассказов и повестей «Запрягу судьбу я в санки», сборника рассказов и повестей «Злая мачеха-судьба», сборников литературоведческих очерков и статей «Лети, мой блистательный снеже...», «Ангел с огненным мечом», «Попавшие в переплет». Прозаик, эссеист, литературовед. Член Союза писателей России. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура». Лауреат Самарской литературной премии им. Гарина-Михайловского. Лауреат ежегодной премии журнала «Русское эхо». Живёт в с. Майское Пестравского района Самарской области.

БАРИНОВА Елена Иннелевна. Родилась в 1966 г. в Заречном. Окончила Сызранский педагогический колледж и 3 курса ПГПУ. Трудится на ПО «Старт» г. Заречного. Стихи публиковались в коллективных сборниках поэтов Заречного «Рассвет над соснами», «Гори, не гасни», «Радуга», «Если имя тебе — заводчанин», в журналах «Студенческий меридиан», «Сура», в альманахе «Берега», в коллективном сборнике «Молодая пензенская поэзия». Автор сборников стихов «А жизнь — только Слово» (2007) и «Территория Трои» (2010). Член Союза писателей России.

БЕРШИН Ефим. Поэт, прозаик и публицист, автор поэтических книг «Снег над Печорой», «Острова», «Осколок», «Поводырь дождя», «Метафора небытия», «Гранёный воздух», «Мертвое море», участник многих коллективных поэтических изданий, таких, как антология русской поэзии «Строфы века» и других. Его перу принадлежат романы «Маски духа», «Ассистент клоуна» и художественно-документальная книга о молдавско-приднестровской войне «Дикое поле». Совместно с немецким писателем Каем Элерсом принял участие в создании историко-философской книги «Метаморфозы любви. Россия — пульс мировой державы». Стихи, проза, статьи и эссе регулярно печатались и печатаются в крупнейших литературных изданиях России. На русском языке

и в переводах они выходили в США, Германии, Швейцарии, Израиле, Аргентине, Румынии, Македонии. Награжден Европейской академией общественных наук медалью Фридриха Шиллера. В «Суре» публикуется впервые.

ВЕРЯСОВА Дарья. Родилась в 1985 г. в Норильске. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар поэзии под руководством Олеси Николаевой). Лауреат молодежной поэтической «Илья-премии», премии «Пушкин в Британии», Международной литературной премии имени Иннокентия Анненского. Публиковалась в журналах «День и ночь», «Октябрь», «Волга», «Дружба народов», альманахах «Енисей», «Пятью пять» и «Илья». По результатам премии «Новый звук» издательства «Русский Гулливер» в 2014 году издана книга стихов «Крапива». В сентябре 2017 года вышла книга стихов «Дом-музей». В «Суре» публикуется впервые.

ВЛАДЫМЦЕВА Мария Валерьевна. Родилась в 1988 г. в Заречном. Окончила Пензенский государственный педагогический университет. Работает социологом. Печаталась в журналах «Москва», «Мы», «Студенческий меридиан», «Пирамида тахіма», «Балтика», «Молодежная волна», «Сура», в литературном приложении к «Независимой газете» «НГ-Ex Libris», в сборниках литературных объединений «Радуга» и «Былина». Автор книг «Городские сны» (2009 г.) и «Корабли из скорлупок грецких» (2013 г.). Лауреат конкурса «Гранатовый браслет» (2008 г.), обладательница Гран-при Всероссийского конкурса «Мцыри» (2011 г.), дипломант международного поэтического конкурса имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (2012 г.), лауреат Премии губернатора Пензенской области (2011 г.). Участница литературного объединения прозаиков «Былина», творческой группы «ЗЛитера».

ДЕМИДОВ Евгений Викторович. Родился в 1986 г. в городе Заречном Пензенской области. Окончил инженерный факультет Пензенской государственной сельскохозяйственной академии по специальности «Автомобили и автомобильные хозяйства». В настоящее время — специалист техподдержки в компании СитиПоинт. Лауреат конкурса «Гранатовый браслет» (2013 г.). Публиковался в журналах «Сура» и «Мы», сборнике «Открытие в закрытых территориях. Новые имена», сборниках литературного объединения прозаиков «Былина».

ЗИНОВЬЕВ Николай Александрович. Родился в 1960 г. в станице Кореновской Краснодарского края. Учился на филологическом факультете Кубанского государственного университета. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Всерусский собор», «Дон», «Роман-журнал XXI век», «Родная Кубань», «Сибирь». Член Союза писателей

России. Лауреат Большой литературной премии России. Автор двадцати пяти поэтических сборников. Герой Труда Кубани, живёт в станице Кореновская.

ИНЮШКИН Николай Михайлович. Родился в 1936 г. в Пензе. Культуролог, эстетик, краевед, журналист. Автор книги «Провинциальная культура: природа, типология, феномены». Автор книг, киносценариев, пьес об истории и культуре пензенского края. Один из разработчиков (в сотрудничестве с К.Д. Вишневым) комплексной программы «От культуры края — к культуре мира», осуществляемой в Пензенской губернии. Доктор философских наук, профессор. Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

КИРИЛЛОВ Михаил Иванович. Родился в 1949 г. в г. Каменке Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт, работал на ПО «Старт» конструктором, инженером-корреспондентом, а также учителем в школах города Заречного Пензенской области. С 1992 года по настоящее время — руководитель ЛИТО «Радуга» при ДК «Современник» города Заречного. Печатался в журналах «Смена», «Охота», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Советский воин», альманахах «Поэзия», «Истоки» и др. Автор сборников стихов «Прикосновение к истине», «Пульс города», «Верю, надеюсь, люблю...», «Звёздный путь», «Я иду по осени» и др. Член Союза журналистов СССР (1984 г.), член Союза писателей России (1995 г). Лауреат Губернаторской премии в области литературы (2006 г.) и Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова (2014 г.).

КОРЖАВИНА Анна Сергеевна. Родилась в 1985 г. в Заречном Пензенской области. Окончила ПГПУ им. В.Г. Белинского по специальности «Учитель русского языка и литературы». Лауреат международного конкурса «Русский Stil», фестивалей «Господин ветер», «Логорифмы» и «Стихоборье» (2010), конкурса «Социальные лифты для молодых писателей» (2019). Участница форумов молодых писателей России и фестиваля «Плюсовая поэзия» (Вологда), семинара критики ежегодных мастер-классов Союза писателей Москвы (2017). Автор книг «Слушаю звезды» (2005), «Танец с прошлым» (2008), «Яблоня из строки» (2015). Публикации: интернет-журналы «Пролог», «Кольцо А», «Молоко», печаталась в журналах «Проза с автографом», «Волга — XXI век», «Сура», «Точка зрения», «Менестрель», в «НГ-Ex-libris» и «Литературной газете», в альманахах «Русский Stil» (ФРГ) и «Лунная пасека» (Прага), в сборнике «Новые писатели» (Москва), «Букет для друга» (Прага), «Подворье» (Прага), «Стихи, какими они должны быть» (Таганрог), «Молодые писатели России XXI век» (Москва), «Живая книга. Сборник к 130-летию А.А. Ахматовой» (Волгоград), «Опаленные войной» (Прага). Участвует

в работе клуба молодых поэтов «Берега» (Пенза). Участница литературного фестиваля «Красная площадь» (2018).

КОРЖЕНКО Ирина Викторовна. Родилась в 1963 году в г. Пензе. Окончила историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского по специальности «Русский язык и литература». Работала учителем в школе №225 города Заречного. С 1990 года — сотрудник Объединения литературно-мемориальных музеев. Главный хранитель ГБУК «Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области». Лауреат историко-культурной премии имени Александра Невского (2016 г.)

КОСТАКОВА Лариса Геннадьевна. Родилась в 1980 г. в селе Малая Сердоба Пензенской области. Окончила факультет русского языка и литературы Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. В настоящее время работает заведующей государственным музеем А.Н. Радищева — филиалом ГБУК «Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области». Публиковалась в международном литературном альманахе, издающемся при участии белорусского фонда мира «Чувства без границ». В «Суре» публикуется впервые.

ЛОБАНКИНА Елена Анатольевна. Родилась в 1985 году в г. Сердобске Пензенской области. Окончила Современную гуманитарную академию по специальности «Психолог-консультант». Работала в СМИ, занималась журналистикой, рекламой и рг-проектами, дизайном полиграфии. В 2018 году окончила магистратуру Пензенского государственного университета по направлению подготовки «Русский язык и методика преподавания русского языка». С 2014 года занимает должность редактора организационно-методического отдела ЦГПБ им. В.Г. Белинского, осуществляя развитие программно-проектной деятельности муниципальных библиотек Пензы. Победитель всероссийского конкурса «Россия читающая: современная книга в оценке будущего учителя» (2018 г.), победитель международного конкурса «Литература многонациональной России и зарубежья-2019» в номинации «Лучшая аналитическая работа» (I место). Автор интерактивных методик по привлечению к чтению детей и подростков.

МАРКАРОВ Валериан. Родился в Тбилиси (Грузия) в 1967 году. Окончил факультет истории Тбилисского университета. Изучал бизнес и менеджмент в США и Израиле. Занимался преподавательской деятельностью, трудился в ряде международных организаций и дипломатических миссий. Последние 15 лет работает директором Международного образовательного центра «Golden Bridge» в г. Тбилиси. Романы пере-

ведены на несколько языков мира и получили признание экспертов на международных литературных конкурсах. Победитель (I место) международного творческого конкурса «Pirosmani Vibes» (Тбилиси). Лауреат X Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (Пятигорск). Лауреат Международного литературного конкурса имени де Ришелье-2020 (Германия). Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Историческое наследие». В «Суре» публикуется впервые.

МОСКОВЕНКО Любовь Николаевна. Родилась в 1955 г. на участке Ивановск Куйтунского района Иркутской области. Окончила Сибирский технологический институт (Красноярск) по специальности «инженер лесного хозяйства». Работала в лесничествах Тулунского района. Рассказы, эссе, сказки, стихи, короткие зарисовки с натуры публиковались в местной газете. С самого начала произведения были адресованы детям. Печаталась в журналах «Сибирь» и «Сибирячок» (Иркутск), «О, Русская земля» (Москва). Более десяти лет работала журналистом в местной газете. Увлечение фотографией привело к изданию фотоальбома «Сказка вечности» (2015). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России. Лауреат премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина Союза писателей России (2015). В «Суре» публикуется впервые.

ПАЛИНА Валерия Николаевна. Родилась в 1989 г. в городе Заречном Пензенской области. Окончила факультет русского языка и литературы ПГПУ им. Белинского. В настоящее время живет и работает в Москве. Печаталась в журнале «Сура», сборниках литературного объединения прозаиков «Былина». Участница литературного объединения прозаиков «Былина», творческой группы «ЗЛитера».

СЕЙДАМЕТОВА Карина Константиновна. Родилась в 1985 году в Самарской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького. Автор поэтических сборников: «Позимник», «Соборный свет», «Вольница». Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Москва», «Сура» (Пенза), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Великоросс», «Подъём» (Воронеж), «Гостиный двор» (Оренбург), «Роман-журнал XXI век», «Родная Кубань» (Краснодар), «День и ночь» (Красноярск), «Волга-XXI век» (Саратов), «Русское эхо» (Самара), «Простор» (Казахстан) и др. Лауреат поэтической премии имени Юрия Кузнецова журнала «Наш современник». Член Союза писателей России. Редактор отдела поэзии журнала «Наш современник». Живёт и работает в Москве.

ТОКАРЕВА Полина Александровна. Родилась в 1999 году в Заречном. Студентка Пензенского государственного технологического университета по специальности «Биотехнические системы и технологии». Дип-

ломант четвёртого открытого заочного межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт» в номинации «Проза». Участница литературного объединения прозаиков «Былина», творческой группы «ZЛитера». В «Суре» публикуется впервые.

ТРЕНКИНА Анастасия Сергеевна. Родилась в 2005 году в Заречном. Учится в 9 классе МОУ Лицей № 230. Победительница межрегионального конкурса короткого рассказа «Сестра таланта» (г. Самара). Участница литературного объединения прозаиков «Былина», творческой группы «ZЛитера». В «Суре» публикуется впервые.

ФЕДОРОВ Михаил Иванович. Родился в 1953 г. в Вологде. Окончил школу-интернат физико-математического профиля при Московском государственном университете и Высшую Краснознаменную школу Комитета Госбезопасности им Ф.Э. Дзержинского. Автор многих романов и публикаций в журналах «Российская юстиция», «Роман-журнал XXI век», «Россияне», «Пражские огни». Адвокат. Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

ШАЦКОВ Андрей Владиславович. Родился в 1952 году в Москве. Автор тринадцати книг стихотворений. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Главный редактор альманаха «День поэзии — XXI век». Ответственный секретарь журнала «Невечерний свет» (Санкт-Петербург). Первый вице-президент литературного фонда «Дорога жизни». Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ. Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры и множества литературных премий и наград. Живёт в Москве и в Рузе. В «Суре» публикуется впервые.

ШИГИН Владимир Виленович. Родился в 1958 г. в Севастополе. Окончил военно-морское училище и политическую академию. Служил на кораблях Балтийского флота. Капитан I ранга. Заслуженный работник культуры РФ. В настоящее время редактор отдела истории и литературы журнала «Морской сборник» (Москва). Награжден орденом Почета, медалями «За боевые заслуги» и «За воинскую доблесть». Лауреат международных литературных премий В. Пикуля и А. Грибоедова. Автор более 30 книг по истории российского флота. Член Союза писателей России. В 2014 г. избран секретарем Союза писателей РФ.

Учредитель и издатель:

ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала:

Владимир АРТАМОНОВ (Ульяновск), **Семён ВАХШТАЙН**,
Геннадий ГОРЛАНОВ, **Дмитрий ЖАТКИН**, **Николай ИНЮШКИН**,
Александр КНЯЗЕВ (Санкт-Петербург), **Александр ЛОМОВЦЕВ**,
Андрей НОВИКОВ (Липецк), **Александр ТУГАРОВ**, **Оксана ЧУБАРЬ**,
Виктор ТЕРЕНТЬЕВ, **Игорь ШИШКИН**, **Михаил ФЁДОРОВ** (Воронеж)

Главный редактор

Борис Владиленович ШИГИН

Р е д а к ц и я:

Валерий СУХОВ — редактор отдела поэзии

Олег СИРОТИН — редактор отдела истории и краеведения

Ольга МАКАРОВА — технический редактор

Елена КОМЗАЛОВА — редактор-организатор

Надежда НИКУЛАЕНКОВА — редактор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**

Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-69735,
выдано 5 мая 2017 г. Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Пензенской области.

16+

Адрес редакции: 440026, Пензенская обл., г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20

Адрес учредителя и издателя: 440066, Пензенская обл., г. Пенза, пр. Строителей, 168-а

Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте

областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (<http://liblermont.ru>)

Адреса электронной почты редакции: borisshigin@yandex.ru (главный редактор),
rendom55@yandex.ru (редактор отдела поэзии), alteule@yandex.ru (редактор отдела истории
и краеведения), nadejdanik57@yandex.ru (редактор), olgamakarova13d1966@mail.ru
(технический редактор), alena_boo@mail.ru (редактор-организатор)

Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых
приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения
в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

Подписной индекс «Суры» 53242

Сдано в набор 25.10.2020 года. Подписано в печать 25.11.2020 года.

Дата выхода в свет 25.12.2020 года. Бумага офсетная. Формат 70х100 1/16.

Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 14.

Заказ № 789. Тираж 600 экз. Цена свободная.

Отпечатано в АО «Областной издательский центр».

Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Кирова, 65/2. Тел. 52-06-64, e-mail: Oblizdat@yandex.ru